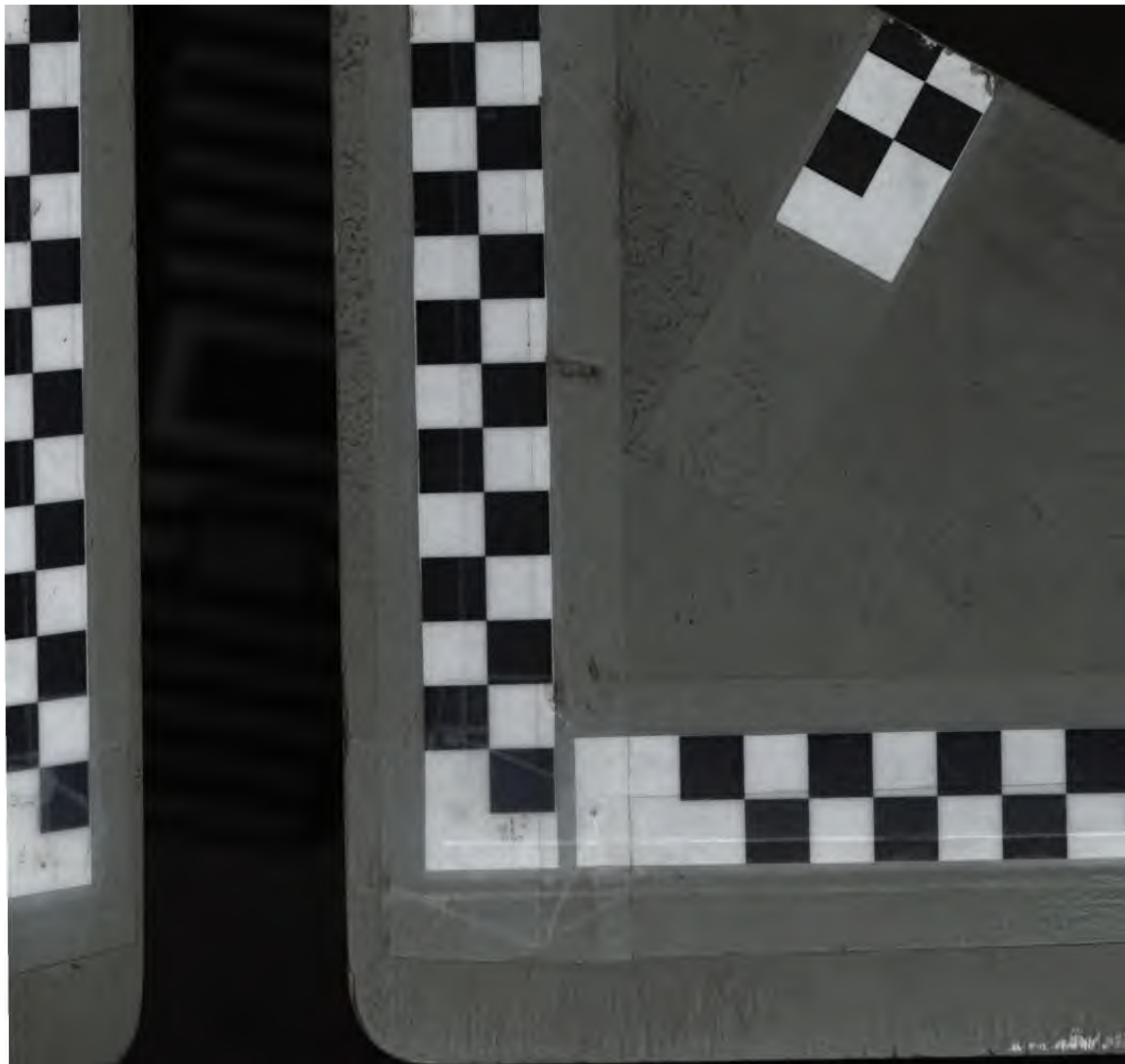

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF
CALIFORNIA

І. А. Коменскаго

ЛАБИРИНТЪ МІРА

и

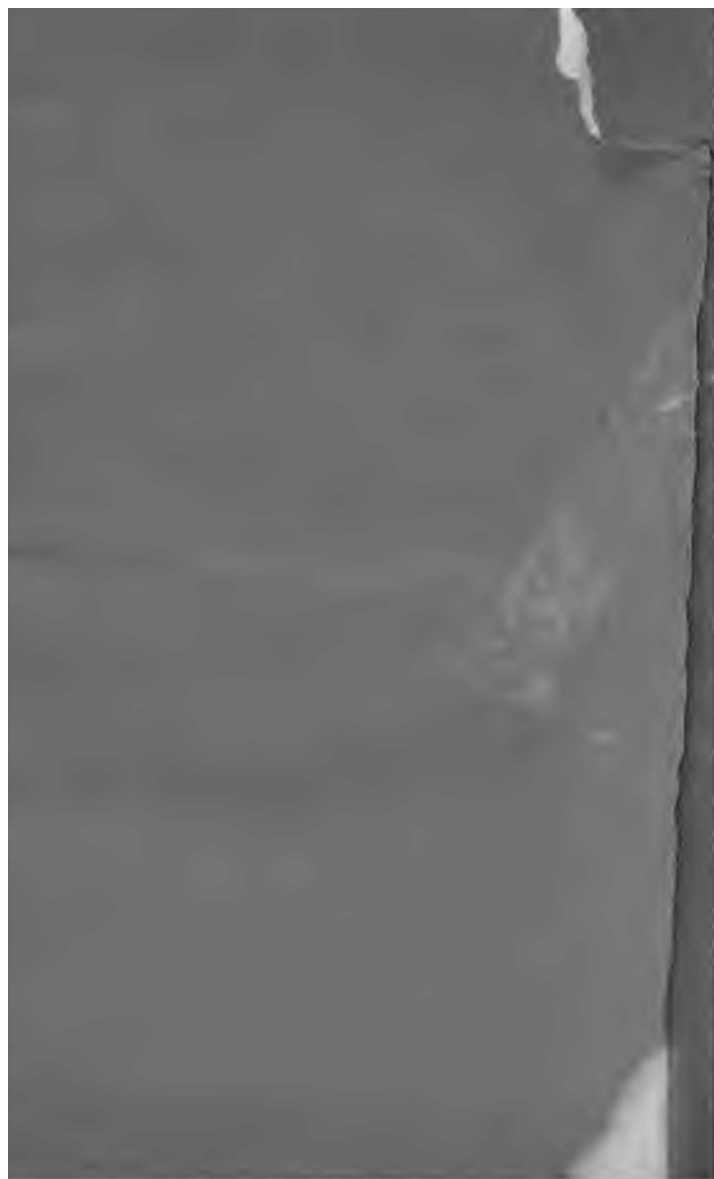
РАЙ СЕРДЦА.

(1623 г.)

Съ Чешскаго [illegible] Нижегородской [illegible] Духовной [illegible]

В. Ѳ. РЖИГА

Нижній Новгородъ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1900.

Comenius

І. А. Коменскаго

ЛАБИРИНТЪ МІРА

И РАЙ СЕРДЦА.

(1623 г.)

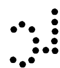
Съ Чешскаго языка перевелъ
Членъ Нижегородской Ученой Архивной Коммиссіи
Ѳ В. Ржига.

НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ.
Типографія Нижегор. Губернск. Правленія.
1896.

Дозволено цензурою. Москва, 28 марта 1896 года.

ЛАБИРИНТЪ МІРА.

Видѣхъ всяческая сотворенія сотворенная подъ солнцемъ: и се вся суетство и произволеніе духа. Екклес. 1, 14.

I, liber, in lucem rigidi secure Catonis,
I Labyrinthaeis currere docte viis.
Cumque ibis curresque viis, dic: Optime lector!
Ex me supremum non nisi disce bonum.

M. Georg. Colsinius.

Въ свѣтъ иди, книга, не бойся суроваго встрѣтить Катона!
По лабиринтамъ ходить—знаю, привычно тебѣ.
Бѣгая, странствуя въ мірѣ, читателю другу напомни:
Въ словѣ моемъ познавай высшее благо одно.

Illustriss. ac vere generoso Domino, Domino **Carolo Baroni a Žerotin** Seniori etc. Pro-Marchioni Moraviae, Domino suo gratiosissimo.

Verecundarer equidem hoc nimium turbulento inquietudinumque pleno tempore vel epistolio hoc, nedum scripti alicuius dedicatione molestare Illustritatem Tuam Illustriss. Domine, nisi id de eorum esset genere, quae ad recolligendos in Deoque tranquillandos destinantur animos. Dicam quid rei sit. Cum in hoc secessu et ingrato otio meo, semoto mihi a vocationis curis otioso tamen esse nec liceret nec liberet, coepi superioribus mensibus inter alia de Vanitate Mundi (occasione undecunque arrepta) speculari, donec mihi hoc quod Illustritati Tuae offero drama sub manibus natum est. Cuius pars prima Mundi Ludicra et Inanitates typis depingit, quam is omni ex parte magno nisu Res nihili agat, quamque misere omnia tandem vel in risum abeant vel in planctum. Posterior partim sub velo partim aperte veram et solidam Filiorum Dei felicitatem describit: quam nimirum beati sint, qui Mundo et mundanis cunctis a tergo relictis soli Deo adhaerent, imo inhaerent.

Quidquid hic praestitum est, inchoatum esse, nondum absolutum, agnosco. Video enim valde fecundam esse materiam, et ad acuendum ingenium poliendamque linguam perquam accommodam, ut novis subinde inventionibus in infinitum isthaec augeri possint. At qualecunque tandem id nunc iam est, volui tamen e chartis reiectaneis collectum Illustr. Tuae offerre. Quo consilio, non satis nunc dicere

безъ провожатаго пускался туда, походивъ и заблудившись въ немъ, никогда не находилъ выхода. Но то была шутка въ сравненіи съ лабиринтомъ міра сего, особенно, настоящимъ. Право, не совѣтую тебѣ пускаться туда одному, повѣрь мнѣ, какъ опытному".

3. „Гдѣ же взять мнѣ такого проводника?" спросилъ я.—„На это я здѣсь, отвѣтилъ онъ, чтобы провожать людей, желающихъ что-нибудь увидѣть и испытать, и показать имъ, гдѣ что есть; потому я и вышелъ тебѣ навстрѣчу". Съ изумленіемъ спросилъ я: „Да кто же ты будешь, мой любезный?"—„Имя мое Всевѣдъ, по прозванію Всюдубудъ, и хожу я по всему міру, заглядываю во всѣ углы, разспрашиваю о рѣчахъ и дѣйствіяхъ каждаго человѣка, все замѣчаю, что явно, все выслѣживаю и постигаю, что тайно, вообще безъ меня не должно ничему быть, моя обязанность присматривать за всѣмъ. И если ты послѣдуешь за мною, я введу тебя во многія тайныя мѣста, куда бы ты одинъ не пробрался никогда".

4. Слыша эту рѣчь, я сталъ въ душѣ радоваться, что нашелъ такого проводника. И вотъ я спросилъ его, не затрудняется ли онъ проводить меня по всему міру.—„Я охотно другимъ въ этомъ дѣлаю услугу, такъ услужу и тебѣ". И, взявъ меня за руку, онъ сказалъ: „Пойдемъ". Итакъ мы пошли. Я говорю ему: „Ну, теперь съ удовольствіемъ посмотрю, каковъ бѣгъ міра сего, и есть ли въ немъ, чего безопасно могъ бы придерживаться человѣкъ". Слыша это, мой товарищъ остановился и говоритъ: „Другъ! если ты идешь не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы, обозрѣвъ наши вещи, полюбить ихъ, а для того, чтобы по своему разуму произносить о нихъ свое сужденіе, не знаю, какъ ея величество наша царица будетъ этимъ довольна".

щахъ ничтожныхъ, и какъ все это, наконецъ, жалко доводитъ до смѣха или плача. Вторая часть то сокровенно то открыто описываетъ истинное и прочное счастіе сыновъ Божіихъ: какъ блаженны всѣ, которые, покинувъ міръ и дѣла мірскія, прилѣпляются къ единому Богу и своей жизнью пребываютъ въ Немъ.

Все, что подано здѣсь, признаюсь, еще не окончено, пока только начато. Однако нахожу это весьма обильнымъ предметомъ, необыкновенно способствующимъ изощренію ума и обработкѣ языка, такъ что о немъ, при новыхъ данныхъ, можно было бы распространяться до безконечности.

Какимъ бы ни былъ теперь мой трудъ, но я рѣшилъ по сохранившимся у меня замѣткамъ его собрать и представить Вашей Свѣтлости. Съ какимъ намѣреніемъ, не смѣю пока высказать открыто: но Ваша Свѣтлость во время чтенія это усмотритъ своей зоркостью, или въ другое время можно будетъ это выяснить. Одно только замѣчу, что этотъ трудъ счелъ я достойнымъ посвятить мужу, испытавшему безчисленныя волненія и страсти житейскаго моря и, наконецъ, отдыхающему въ тихомъ пристанищѣ своей совѣсти. Теперь ничего другого не желаю Вашей Свѣтлости, какъ въ безопасности отъ міра и діавола, отрадно служить Христу въ свѣтлой надеждѣ по праву сподобиться грядущей жизни послѣ сей бѣдственной. Тѣмъ временемъ да управляетъ нами, ободряетъ насъ, утѣшаетъ и укрѣпляетъ благій Духъ вѣчнаго Милостиваго Бога нашего. Аминь.

Писано подъ Клопотомъ, 13-го декабря 1623 года.

уздѣ для меня“, и обращаюсь къ моему новому товарищу: „Другъ, не обижайся, мнѣ было бы пріятно тоже узнать твое имя“.—„Я толковникъ царицы міра Мудрости, отвѣтилъ онъ; мнѣ поручено поучать, какъ что должно понимать въ мірѣ; я всѣмъ людямъ, сколько ихъ въ мірѣ ни увидишь, старымъ и молодымъ, благороднымъ и неблагороднымъ, глупымъ и ученымъ влагаю въ умы истинную мірскую мудрость и привожу ихъ къ веселію и благодушеству, такъ какъ безъ меня и цари, и князья, и бояре, и всѣ самые блестящіе люди впали бы въ ужасную тоску и печально проживали бы свой вѣкъ“.

4. „Если только это вѣрно, возражаю я, то на счастье Господь послалъ тебя, любезный другъ; ибо я за тѣмъ рѣшился итти въ міръ, чтобы прежде разсмотрѣть, что въ немъ болѣе безопаснаго и утѣшительнаго для меня, и если ты обѣщаешь быть мнѣ совѣтникомъ, то тѣмъ легче выборъ для меня“.—„Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ. Хотя въ нашемъ царствѣ все покажется тебѣ превосходнымъ, благороднымъ и веселымъ, и ты убѣдишься, что всѣмъ подданнымъ нашей царицы жить хорошо, однако надо, конечно, сознаться, нѣкоторыя званія и занятія всегда имѣютъ больше удобства и льготъ, нежели другія. Разумѣется, изъ всего ты можешь себѣ выбрать, что пожелаешь, а я тебѣ растолкую сущность каждой вещи“. „Какъ же зовутъ тебя?“ спросилъ я. Онъ отвѣтилъ: „Мое имя Обманъ“.

ГЛАВА 4.

Путникъ получилъ узду и очки.

Услыхавъ его имя, я ужаснулся при мысли, что имѣю такого товарища. Первый (такъ подумалъ я) говорилъ о какой-то уздѣ, а этотъ назвалъ себя Обма-

рыя дѣлаются подъ солнцемъ, ибо все—суета и томленіе духа!“ (Екклес. 2,17). „А чтобы получить истинное удовлетвореніе—какъ онъ самъ впослѣдствіи заключилъ—человѣкъ долженъ оставить міръ, чѣмъ онъ есть, думать о самомъ Богѣ, Его бояться, заповѣди Его соблюдать, ибо въ томъ для человѣка сущность всего“. (Екклес. 12, 13). Подобнымъ образомъ опредѣлялъ и Давидъ: что самый счастливый человѣкъ тотъ, который, отвергаясь отъ міра, прилѣпляется къ одному Богу, въ немъ полагаетъ свой удѣлъ и въ своемъ сердцѣ пребываетъ съ Нимъ.

4. Да будетъ прославлено милосердіе Бога! Онъ и мнѣ открылъ глаза замѣчать многообразную суету сего великолѣпнаго міра и вездѣ кроющійся подъ внѣшнимъ блескомъ обманъ и искать въ другомъ покой и отраду сердца. Для лучшаго развитія этой мысли и болѣе нагляднаго представленія я составилъ этотъ разсказъ подъ видомъ хожденья или странствованія по міру. Все что я тамъ видѣлъ и встрѣтилъ уродливаго, гдѣ разыскалъ и какъ нашелъ, наконецъ, желанное, но въ мірѣ напрасно искомое утѣшеніе, все то представлено мною въ этомъ сочиненіи. Какъ остроумно, о томъ не забочусь. Дай Богъ, чтобы только послужило на пользу мою и моихъ ближнихъ.

*5. Читатель, передъ тобою не басня, хотя и похоже на басню, но правдивыя вещи; когда поймешь, самъ убѣдишься, особенно, если нѣсколько знакомъ съ моею жизнью *) и событіями. Здѣсь большею частью изобразилъ я свои собственныя приключенія въ теченіе немногихъ лѣтъ моей жизни и кромѣ того приключенія другихъ мнѣ знакомыхъ лицъ, насколько самому удалось*

---

*) Автобіографическіе отрывки напечатаны въ Сборникѣ Отдѣла Коменскаго въ С.-Петербургѣ 1896 г.

вещи совершенно естественнымъ образомъ. Этому я былъ очень радъ и про себя думалъ: „Хотя вы у меня и ротъ зажали и глаза закрыли, однако я надѣюсь на Бога, что вы не свяжете моего разума и моей мысли. Пойду, погляжу на этотъ міръ, на который и госпожа Суета желаетъ, чтобы люди смотрѣли, да только не собственными глазами“.

ГЛАВА 5.

Путникъ смотритъ на міръ съ высоты.

Пока я такъ размышлялъ, мы очутились уже (не знаю какимъ образомъ) на какой-то очень высокой башнѣ, и мнѣ показалось, что я подъ облаками. Взглянувъ внизъ, я увидѣлъ на землѣ городъ, на взглядъ прекрасный, блестящій и весьма обширный, однако его окраины и границы могъ я обозрѣть со всѣхъ сторонъ. Онъ былъ построенъ кругомъ, снабженъ стѣнами и валомъ, а вмѣсто рвовъ окруженъ какой-то темной глубиной, не имѣющей, какъ мнѣ казалось, ни береговъ ни дна. Только надъ городомъ виднѣлся свѣтъ, дальше за оградой была кромѣшная тьма.

2. Самый же городъ, какъ я замѣтилъ, состоялъ изъ безчисленныхъ улицъ, площадей, домовъ и строеній разной величины и повсюду полно было народу, какъ насѣкомыхъ. Къ востоку увидалъ я ворота, изъ которыхъ по направленію на западъ велъ проулокъ въ другія ворота, откуда народъ выходилъ въ различныя улицы города; ихъ я насчиталъ шесть, самыхъ главныхъ, рядомъ проложенныхъ отъ востока на западъ; посреди ихъ была площадь, или рынокъ, весьма большой, круглый, а позади всего на западъ на скалистомъ, крутомъ холмѣ стоялъ высокій, великолѣпный замокъ, на который всѣ обыватели города болѣе всего обращали взоры.

3. И говоритъ мнѣ мой проводникъ Всюдубудъ: „Ну, вотъ передъ тобою, путникъ, тотъ прекрасный міръ, который желалъ ты видѣть. Я для того привелъ тебя прежде на эту высоту, чтобы ты сперва взглянулъ на него въ цѣломъ и понялъ его устройство. Вотъ эти восточныя ворота, это ворота жизни, черезъ которыя проходятъ всѣ, кто пробирается въ міръ на жительство; а тѣ другія, ближайшія, это ворота распутія или розстани, изъ которыхъ каждый, какъ ему выпадетъ жребій, направляется къ тому или другому званію. А улицы, которыя ты видишь, это разныя сословія, разряды, въ которыхъ люди устраиваютъ свое жительство. Ты видишь шесть улицъ главныхъ; на той, что на южную сторону, живетъ сословіе домохозяевъ: родители, дѣти и челядь; въ сосѣдней ремесленники и промышленники; на третьей, ближайшей къ площади, живетъ сословіе ученыхъ, трудящихся умомъ. Тутъ-же, съ другой стороны, поселилось сословіе духовныхъ, къ которымъ другіе бѣгаютъ совершать свою религію; затѣмъ сословіе властей и правителей міра, а позади всѣхъ, на полночь, сословіе рыцарей, предающихся дѣламъ войны".—„Ахъ, какъ это прекрасно! Тѣ плодятъ всѣхъ, эти кормятъ всѣхъ, тѣ учатъ всѣхъ, эти молятся за всѣхъ, тѣ судятъ всѣхъ и оберегаютъ отъ неурядицъ, эти воюютъ за всѣхъ, такимъ образомъ всѣ служатъ другъ-другу и все обстоитъ въ своемъ равновѣсіи!"

5. Замокъ же тотъ къ западу есть Arx Fortunae—Замокъ Счастья, въ которомъ обитаютъ особые люди, наслаждающіеся тамъ богатствомъ, роскошью и славою. Средняя площадь для всѣхъ. Сюда собираются люди всѣхъ сословій и, что требуется, исполняютъ; а по срединѣ ея, какъ въ центрѣ всего, находится престолъ царицы міра, Мудрости.

6. И нравилось мнѣ это благоустройство, и я сталъ славить Господа, что Онъ такъ прекрасно распредѣлилъ міръ по сословіямъ. Только то не нравилось мнѣ одно, какъ будто эти улицы на многихъ мѣстахъ прорывались, такъ что мѣстами одна сливалась съ другой, а это казалось мнѣ признакомъ весьма возможнаго блужданія. Всматриваясь въ круговидность міра, я замѣтилъ, что онъ вращался: я боялся головокруженія; ибо въ то время какъ я внимательно водилъ взоры кругомъ, я видѣлъ, какъ все до мельчайшихъ предметовъ шевелилось и копошилось; а когда приложилъ ухо, то слышалъ, какъ все было наполнено толчками и ударами, шорохомъ, шепотомъ и крикомъ.

7. Тогда обратился ко мнѣ мой проводникъ Обманъ: „Видишь-ли, мой любезный другъ человѣкъ, какъ роскошенъ сей міръ, какъ все благородно въ немъ, даже, если смотришь издали; а что скажешь, когда будешь разглядывать его по частямъ со всѣми его удовольствіями и наслажденіями. И кому бы не жилось тамъ хорошо?“— „Издали, конечно, отвѣтилъ я, мнѣ онъ нравится; не знаю, какъ будетъ дальше“.—„Конечно, также хорошо, возразилъ онъ, только довѣряйся; а теперь пойдемъ“.

8. „Погоди, остановилъ насъ Всюдубудъ, я ему покажу отсюда то мѣсто, куда послѣ не зайдемъ. Вотъ, оглянись теперь назадъ къ востоку. Видишь-ли, какъ тамъ въ тѣхъ темныхъ воротахъ что-то копошится и приближается сюда ползкомъ?“—„Вижу“, сказалъ я.— „Это—объяснялъ мнѣ проводникъ—люди вновь пробирающіеся (сами не зная откуда) въ міръ, они не знаютъ даже другъ-друга и не понимаютъ, что они люди, потому около нихъ тьма и ничего не слышно кромѣ визжанія и плача. Но когда они направляются по этой

улицѣ, понемногу начинаетъ передъ ихъ глазами брезжить и свѣтать, пока не придутъ до этихъ воротъ подъ нами. Пойдемъ, посмотримъ, что происходитъ здѣсь".

ГЛАВА 6.

Рокъ раздаетъ званія.

Мы спустились внизъ по какой-то темной, круглой лѣстницѣ и увидали въ тѣхъ воротахъ большую палату, полную молодыхъ людей, по правую сторону которой сидѣлъ суровый старецъ, держа въ рукѣ большой мѣдный горшокъ. Я замѣтилъ, какъ всѣ люди, направлявшіеся отъ вратъ жизни, подходили къ нему и, протянувъ руку въ тотъ горшокъ, вынимали по билетику съ какой-то надписью; затѣмъ каждый изъ нихъ спѣшилъ въ указанную улицу города: одинъ съ радостью и восторгомъ, а другой, какъ-то переминаясь, въ нерѣшительности, въ смущеньѣ и горѣ.

2. Подошедши ближе, я заглянулъ нѣкоторымъ въ билетики, и что же? Одинъ вынулъ: **Господствуй;** другой: **Служи;** одинъ: **Приказывай;** другой: **Слушайся;** одинъ: **Пиши;** другой: **Паши;** одинъ: **Учись;** другой: **Копай землю;** одинъ: **Суди;** другой: **Воюй** и. т д. Что это значитъ? подивился я.—„Здѣсь раздаются званія и работы, на что всякій долженъ себя предоставить въ мірѣ. А этотъ управляющій жребіемъ называется Рокомъ; у него каждый вступающій въ міръ долженъ взять себѣ наставленіе"—пояснилъ мнѣ Всевѣдъ.

3. Въ то время съ другой стороны дернулъ меня Обманъ, давая мнѣ понять, чтобы я тоже протянулъ руку. Я просилъ не принуждать меня тотчасъ рѣшаться на что-нибудь и безъ предварительнаго разсмотрѣнія вручать себя слѣпой судьбѣ: будь, что будетъ. Но

мнѣ возразили, что безъ разрѣшенія господина правителя Рока этого допустить нельзя, и я, подошедши къ нему, покорно представилъ свою просьбу—что я, молъ, пришелъ съ намѣреніемъ прежде разсмотрѣть все самъ и уже потомъ выбрать себѣ то, что мнѣ понравится.

4. „Сынъ мой", сказалъ онъ, „ты видишь, что другіе этого не дѣлаютъ, а всѣ берутъ то, что имъ даютъ или что имъ достанется по жребію. Однако, если ужъ такъ хочешь, хорошо". И написавъ на билетикѣ: Speculare, то есть Обозрѣвай или Испытуй, отдалъ мнѣ и впустилъ меня въ городъ.

ГЛАВА 7.

Путникъ обозрѣваетъ площадь міра.

Мой проводникъ говоритъ мнѣ: „Такъ какъ ты долженъ все разсмотрѣть, пойдемъ прежде на площадь", и привелъ меня туда. Вижу несмѣтныя толпы народа, подобно тучамъ. Тутъ были люди всѣхъ языковъ и народовъ міра, всякаго возраста, роста, пола, сословія, разряда и званія. Разглядываю и вижу какое-то странное круженіе туда и сюда, подобно пчелиному рою.

2. Одни ходили, другіе бѣгали, одни ѣздили, другіе стояли, сидѣли, лежали, вставали, опять ложились и различно вертѣлись, одни находились особнякомъ, другіе въ кучкахъ то большихъ, то малыхъ. Покрой платья на нихъ былъ самый разнообразный, а нѣкоторые даже были совсѣмъ нагіе; и у всѣхъ были жесты очень странные, особенно при встрѣчахъ: сколько тутъ было разныхъ движеній рукъ, губъ и колѣнъ, съ разными шутками и прибаутками! Взгляни, указываетъ мнѣ мой проводникъ Обманъ, на твой благородный

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF
CALIFORNIA

вещи совершенно естественнымъ образомъ. Этому я былъ очень радъ и про себя думалъ: „Хотя вы у меня и ротъ зажали и глаза закрыли, однако я надѣюсь на Бога, что вы не свяжете моего разума и моей мысли. Пойду, погляжу на этотъ міръ, на который и госпожа Суета желаетъ, чтобы люди смотрѣли, да только не собственными глазами“.

ГЛАВА 5.

Путникъ смотритъ на міръ съ высоты.

Пока я такъ размышлялъ, мы очутились уже (не знаю какимъ образомъ) на какой-то очень высокой башнѣ, и мнѣ показалось, что я подъ облаками. Взглянувъ внизъ, я увидѣлъ на землѣ городъ, на взглядъ прекрасный, блестящій и весьма обширный, однако его окраины и границы могъ я обозрѣть со всѣхъ сторонъ. Онъ былъ построенъ кругомъ, снабженъ стѣнами и валомъ, а вмѣсто рвовъ окруженъ какой-то темной глубиной, не имѣющей, какъ мнѣ казалось, ни береговъ ни дна. Только надъ городомъ виднѣлся свѣтъ, дальше за оградой была кромѣшная тьма.

2. Самый же городъ, какъ я замѣтилъ, состоялъ изъ безчисленныхъ улицъ, площадей, домовъ и строеній разной величины и повсюду полно было народу, какъ насѣкомыхъ. Къ востоку увидалъ я ворота, изъ которыхъ по направленію на западъ велъ проулокъ въ другія ворота, откуда народъ выходилъ въ различныя улицы города; ихъ я насчиталъ шесть, самыхъ главныхъ, рядомъ проложенныхъ отъ востока на западъ; посреди ихъ была площадь, или рынокъ, весьма большой, круглый, а позади всего на западъ на скалистомъ, крутомъ холмѣ стоялъ высокій, великолѣпный замокъ, на который всѣ обыватели города болѣе всего обращали взоры.

3. И говоритъ мнѣ мой проводникъ Всюдубудъ: „Ну, вотъ передъ тобою, путникъ, тотъ прекрасный міръ, который желалъ ты видѣть. Я для того привелъ тебя прежде на эту высоту, чтобы ты сперва взглянулъ на него въ цѣломъ и понялъ его устройство. Вотъ эти восточныя ворота, это ворота жизни, черезъ которыя проходятъ всѣ, кто пробирается въ міръ на жительство; а тѣ другія, ближайшія, это ворота распутія или розстани, изъ которыхъ каждый, какъ ему выпадетъ жребій, направляется къ тому или другому званію. А улицы, которыя ты видишь, это разныя сословія, разряды, въ которыхъ люди устраиваютъ свое жительство. Ты видишь шесть улицъ главныхъ; на той, что на южную сторону, живетъ сословіе домохозяевъ: родители, дѣти и челядь; въ сосѣдней ремесленники и промышленники; на третьей, ближайшей къ площади, живетъ сословіе ученыхъ, трудящихся умомъ. Тутъ-же, съ другой стороны, поселилось сословіе духовныхъ, къ которымъ другіе бѣгаютъ совершать свою религію; затѣмъ сословіе властей и правителей міра, а позади всѣхъ, на полночь, сословіе рыцарей, предающихся дѣламъ войны“.—„Ахъ, какъ это прекрасно! Тѣ плодятъ всѣхъ, эти кормятъ всѣхъ, тѣ учатъ всѣхъ, эти молятся за всѣхъ, тѣ судятъ всѣхъ и оберегаютъ отъ неурядицъ, эти воюютъ за всѣхъ, такимъ образомъ всѣ служатъ другъ-другу и все обстоитъ въ своемъ равновѣсіи!“

5. Замокъ же тотъ къ западу есть Arx Fortunae—Замокъ Счастья, въ которомъ обитаютъ особые люди, наслаждающіеся тамъ богатствомъ, роскошью и славою. Средняя площадь для всѣхъ. Сюда собираются люди всѣхъ сословій и, что требуется, исполняютъ; а по срединѣ ея, какъ въ центрѣ всего, находится престолъ царицы міра, Мудрости.

6. И нравилось мнѣ это благоустройство, и я сталъ славить Господа, что Онъ такъ прекрасно распредѣлилъ міръ по сословіямъ. Только то не нравилось мнѣ одно, какъ будто эти улицы на многихъ мѣстахъ прорывались, такъ что мѣстами одна сливалась съ другой, а это казалось мнѣ признакомъ весьма возможнаго блужданія. Всматриваясь въ круговидность міра, я замѣтилъ, что онъ вращался: я боялся головокруженія; ибо въ то время какъ я внимательно водилъ взоры кругомъ, я видѣлъ, какъ все до мельчайшихъ предметовъ шевелилось и копошилось; а когда приложилъ ухо, то слышалъ, какъ все было наполнено толчками и ударами, шорохомъ, шепотомъ и крикомъ.

7. Тогда обратился ко мнѣ мой проводникъ Обманъ: „Видишь-ли, мой любезный другъ человѣкъ, какъ роскошенъ сей міръ, какъ все благородно въ немъ, даже, если смотришь издали; а что скажешь, когда будешь разглядывать его по частямъ со всѣми его удовольствіями и наслажденіями. И кому бы не жилось тамъ хорошо?“—„Издали, конечно, отвѣтилъ я, мнѣ онъ нравится; не знаю, какъ будетъ дальше“.—„Конечно, также хорошо, возразилъ онъ, только довѣряйся; а теперь пойдемъ“.

8. „Погоди, остановилъ насъ Всюдубудъ, я ему покажу отсюда то мѣсто, куда послѣ не зайдемъ. Вотъ, оглянись теперь назадъ къ востоку. Видишь-ли, какъ тамъ въ тѣхъ темныхъ воротахъ что-то копошится и приближается сюда ползкомъ?“—„Вижу“, сказалъ я.—„Это—объяснялъ мнѣ проводникъ—люди вновь пробирающіеся (сами не зная откуда) въ міръ, они не знаютъ даже другъ-друга и не понимаютъ, что они люди, потому около нихъ тьма и ничего не слышно кромѣ визжанія и плача. Но когда они направляются по этой

улицѣ, понемногу начинаетъ передъ ихъ глазами брезжить и свѣтать, пока не придутъ до этихъ воротъ подъ нами. Пойдемъ, посмотримъ, что происходитъ здѣсь".

ГЛАВА 6.

Рокъ раздаетъ званія.

Мы спустились внизъ по какой-то темной, круглой лѣстницѣ и увидали въ тѣхъ воротахъ большую палату, полную молодыхъ людей, по правую сторону которой сидѣлъ суровый старецъ, держа въ рукѣ большой мѣдный горшокъ. Я замѣтилъ, какъ всѣ люди, направлявшіеся отъ вратъ жизни, подходили къ нему и, протянувъ руку въ тотъ горшокъ, вынимали по билетику съ какой-то надписью; затѣмъ каждый изъ нихъ спѣшилъ въ указанную улицу города: одинъ съ радостью и восторгомъ, а другой, какъ-то переминаясь, въ нерѣшительности, въ смущеньѣ и горѣ.

2. Подошедши ближе, я заглянулъ нѣкоторымъ въ билетики, и что же? Одинъ вынулъ: **Господствуй;** другой: **Служи;** одинъ: **Приказывай;** другой: **Слушайся;** одинъ: **Пиши;** другой: **Паши;** одинъ: **Учись;** другой: **Копай землю;** одинъ: **Суди;** другой: **Воюй** и. т д. Что это значитъ? подивился я.—„Здѣсь раздаются званія и работы, на что всякій долженъ себя предоставить въ мірѣ. А этотъ управляющій жребіемъ называется Рокомъ; у него каждый вступающій въ міръ долженъ взять себѣ наставленіе"—пояснилъ мнѣ Всевѣдъ.

3. Въ то время съ другой стороны дернулъ меня Обманъ, давая мнѣ понять, чтобы я тоже протянулъ руку. Я просилъ не принуждать меня тотчасъ рѣшаться на что-нибудь и безъ предварительнаго разсмотрѣнія вручать себя слѣпой судьбѣ: будь, что будетъ. Но

мнѣ возразили, что безъ разрѣшенія господина правителя Рока этого допустить нельзя, и я, подошедши къ нему, покорно представилъ свою просьбу—что я, молъ, пришелъ съ намѣреніемъ прежде разсмотрѣть все самъ и уже потомъ выбрать себѣ то, что мнѣ понравится.

4. „Сынъ мой“, сказалъ онъ, „ты видишь, что другіе этого не дѣлаютъ, а всѣ берутъ то, что имъ даютъ или что имъ достанется по жребію. Однако, если ужъ такъ хочешь, хорошо“. И написавъ на билетикѣ: Speculare, то есть Обозрѣвай или Испытуй, отдалъ мнѣ и впустилъ меня въ городъ.

ГЛАВА 7.

Путникъ обозрѣваетъ площадь міра.

Мой проводникъ говоритъ мнѣ: „Такъ какъ ты долженъ все разсмотрѣть, пойдемъ прежде на площадь“, и привелъ меня туда. Вижу несмѣтныя толпы народа, подобно тучамъ. Тутъ были люди всѣхъ языковъ и народовъ міра, всякаго возраста, роста, пола, сословія, разряда и званія. Разглядываю и вижу какое-то странное круженіе туда и сюда, подобно пчелиному рою.

2. Одни ходили, другіе бѣгали, одни ѣздили, другіе стояли, сидѣли, лежали, вставали, опять ложились и различно вертѣлись, одни находились особнякомъ, другіе въ кучкахъ то большихъ, то малыхъ. Покрой платья на нихъ былъ самый разнообразный, а нѣкоторые даже были совсѣмъ нагіе; и у всѣхъ были жесты очень странные, особенно при встрѣчахъ: сколько тутъ было разныхъ движеній рукъ, губъ и колѣнъ, съ разными шутками и прибаутками! Взгляни, указываетъ мнѣ мой проводникъ Обманъ, на твой благородный

5. „А кто же ваша царица?“ спрашивалъ я.— „Это та, которая управляетъ всѣмъ міромъ и вращеніемъ его отъ начала до конца; называется она „Мудростью“, хотя нѣкоторые умствующіе прозываютъ ее „Суетою“; потому заранѣе говорю тебѣ, когда будешь ходить по міру и обозрѣвать его, не умствуй, а то

. . . .

ГЛАВА 3.

Къ путнику присталъ Обманъ.

Въ то время какъ Всюдубудъ говорилъ со мною, со стороны къ намъ подкрался нѣкто, я не разсмотрѣлъ, былъ ли это мужчина или женщина (какъ-то странно былъ закутанъ, и вокругъ него разстилался какъ будто туманъ), и говоритъ: „Всюдубудъ, куда спѣшишь съ нимъ?“—„Веду его въ міръ, отвѣчаетъ тотъ: онъ жаждетъ его посмотрѣть“.

2. „Почему же безъ меня?“ спросилъ онъ опять, „развѣ не знаешь, что твоя обязанность сопровождать, а моя указывать, гдѣ что есть. Воля ея величества царицы не въ томъ, чтобы вступившій въ ея царство по своему толковалъ, что видитъ и слышитъ, и обо всемъ умствовалъ, но въ томъ, чтобы ему толковали всякую вещь, для чего она существуетъ, и тѣмъ онъ долженъ быть доволенъ“. Всюдубудъ отвѣчалъ: „Неужели кто-нибудь настолько дерзокъ, чтобы не довольствоваться нашими порядками, какъ всѣ другіе. Однако, этотъ, полагаю, будетъ нуждаться въ уздѣ. Хорошо, пойдемъ!“ Онъ присталъ къ намъ и мы пошли.

3. „Не завели бы меня въ бѣду“, подумалъ я про себя; слышу, что они сговариваются о какой-то

уздѣ для меня“, и обращаюсь къ моему новому товарищу: „Другъ, не обижайся, мнѣ было бы пріятно тоже узнать твое имя“.—„Я толковникъ царицы міра Мудрости, отвѣтилъ онъ; мнѣ поручено поучать, какъ что должно понимать въ мірѣ; я всѣмъ людямъ, сколько ихъ въ мірѣ ни увидишь, старымъ и молодымъ, благороднымъ и неблагороднымъ, глупымъ и ученымъ влагаю въ умы истинную мірскую мудрость и привожу ихъ къ веселію и благодушеству, такъ какъ безъ меня и цари, и князья, и бояре, и всѣ самые блестящіе люди впали бы въ ужасную тоску и печально проживали бы свой вѣкъ“.

4. „Если только это вѣрно, возражаю я, то на счастье Господь послалъ тебя, любезный другъ; ибо я за тѣмъ рѣшился итти въ міръ, чтобы прежде разсмотрѣть, что въ немъ болѣе безопаснаго и утѣшительнаго для меня, и если ты обѣщаешь быть мнѣ совѣтникомъ, то тѣмъ легче выборъ для меня“.—„Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ. Хотя въ нашемъ царствѣ все покажется тебѣ превосходнымъ, благороднымъ и веселымъ, и ты убѣдишься, что всѣмъ подданнымъ нашей царицы жить хорошо, однако надо, конечно, сознаться, нѣкоторыя званія и занятія всегда имѣютъ больше удобства и льготъ, нежели другія. Разумѣется, изъ всего ты можешь себѣ выбрать, что пожелаешь, а я тебѣ растолкую сущность каждой вещи“. „Какъ же зовутъ тебя?“ спросилъ я. Онъ отвѣтилъ: „Мое имя Обманъ“.

ГЛАВА 4.

Путникъ получилъ узду и очки.

Услыхавъ его имя, я ужаснулся при мысли, что имѣю такого товарища. Первый (такъ подумалъ я) говорилъ о какой-то уздѣ, а этотъ назвалъ себя Обма-

номъ, свою же царицу (проболтнувшись какъ-то неосторожно) именовалъ Суетою. Что же это такое?

2. Когда я такъ шелъ, молча, опустивъ глаза, нехотя передвигая ноги, Всевѣдъ говоритъ: „Какое у тебя раздумье? Вѣрно, захотѣлось назадъ?“ И прежде чѣмъ я успѣлъ что-либо отвѣтить, какъ на шею мнѣ накинули какую-то узду, удила которой сразу всколь̀знули мнѣ въ ротъ.—„Ну теперь пойдешь вольготнѣе, куда направился“, сказалъ онъ.

3. Я взглянулъ на узду; она сшита была изъ ремней пытливости, удила же ея были изъ желѣза упрямства и настойчивости въ дѣлахъ; я понялъ, что для обозрѣнія міра не пойду, какъ прежде, добровольно, но насильно влекомъ буду вѣтренностью и неудовлетворительностью своего ума.

4. Въ то время другой проводникъ съ другого бока говоритъ: „А я дарю тебѣ вотъ эти очки, въ которые будешь смотрѣть на міръ.“ И на носъ сунулъ мнѣ очки, и въ нихъ вдругъ передъ собою увидѣлъ я все иначе. Въ нихъ дѣйствительно была такая сила (какъ я впослѣдствіи многократно испыталъ), что смотрящему въ нихъ далекая вещь казалась близкою, близкая далекою, малая большою, большая малою, скучная прекрасною, прекрасная скучною, черная бѣлою, бѣлая черною и т. д. И понялъ я, что онъ справедливо велитъ называть себя Обманомъ, если умѣетъ людямъ дѣлать подобные очки.

5. А тѣ очки, какъ я потомъ сообразилъ, сдѣланы были изъ стекла самомнѣнія, а оправа, въ которой они находились, была изъ рога, называемаго привычкою.

6. Къ моему счастію онъ ихъ мнѣ надѣлъ какъ то криво, такъ что они не прилегали къ глазамъ, и я, приподнявъ голову и устремивъ зрѣніе, могъ видѣть

вещи совершенно естественнымъ образомъ. Этому я былъ очень радъ и про себя думалъ: „Хотя вы у меня и ротъ зажали и глаза закрыли, однако я надѣюсь на Бога, что вы не свяжете моего разума и моей мысли. Пойду, погляжу на этотъ міръ, на который и госпожа Суета желаетъ, чтобы люди смотрѣли, да только не собственными глазами“.

ГЛАВА 5.

Путникъ смотритъ на міръ съ высоты.

Пока я такъ размышлялъ, мы очутились уже (не знаю какимъ образомъ) на какой-то очень высокой башнѣ, и мнѣ показалось, что я подъ облаками. Взглянувъ внизъ, я увидѣлъ на землѣ городъ, на взглядъ прекрасный, блестящій и весьма обширный, однако его окраины и границы могъ я обозрѣть со всѣхъ сторонъ. Онъ былъ построенъ кругомъ, снабженъ стѣнами и валомъ, а вмѣсто рвовъ окруженъ какой-то темной глубиной, не имѣющей, какъ мнѣ казалось, ни береговъ ни дна. Только надъ городомъ виднѣлся свѣтъ, дальше за оградой была кромѣшная тьма.

2. Самый же городъ, какъ я замѣтилъ, состоялъ изъ безчисленныхъ улицъ, площадей, домовъ и строеній разной величины и повсюду полно было народу, какъ насѣкомыхъ. Къ востоку увидалъ я ворота, изъ которыхъ по направленію на западъ велъ проулокъ въ другія ворота, откуда народъ выходилъ въ различныя улицы города; ихъ я насчиталъ шесть, самыхъ главныхъ, рядомъ проложенныхъ отъ востока на западъ; посреди ихъ была площадь, или рынокъ, весьма большой, круглый, а позади всего на западъ на скалистомъ, крутомъ холмѣ стоялъ высокій, великолѣпный замокъ, на который всѣ обыватели города болѣе всего обращали взоры.

3. И говоритъ мнѣ мой проводникъ Всюдубудъ: „Ну, вотъ передъ тобою, путникъ, тотъ прекрасный міръ, который желалъ ты видѣть. Я для того привелъ тебя прежде на эту высоту, чтобы ты сперва взглянулъ на него въ цѣломъ и понялъ его устройство. Вотъ эти восточныя ворота, это ворота жизни, черезъ которыя проходятъ всѣ, кто пробирается въ міръ на жительство; а тѣ другія, ближайшія, это ворота распутія или розстани, изъ которыхъ каждый, какъ ему выпадетъ жребій, направляется къ тому или другому званію. А улицы, которыя ты видишь, это разныя сословія, разряды, въ которыхъ люди устраиваютъ свое жительство. Ты видишь шесть улицъ главныхъ; на той, что на южную сторону, живетъ сословіе домохозяевъ: родители, дѣти и челядь; въ сосѣдней ремесленники и промышленники; на третьей, ближайшей къ площади, живетъ сословіе ученыхъ, трудящихся умомъ. Тутъ-же, съ другой стороны, поселилось сословіе духовныхъ, къ которымъ другіе бѣгаютъ совершать свою религію; затѣмъ сословіе властей и правителей міра, а позади всѣхъ, на полночь, сословіе рыцарей, предающихся дѣламъ войны".—„Ахъ, какъ это прекрасно! Тѣ плодятъ всѣхъ, эти кормятъ всѣхъ, тѣ учатъ всѣхъ, эти молятся за всѣхъ, тѣ судятъ всѣхъ и оберегаютъ отъ неурядицъ, эти воюютъ за всѣхъ, такимъ образомъ всѣ служатъ другъ-другу и все обстоитъ въ своемъ равновѣсіи!"

5. Замокъ же тотъ къ западу есть Arx Fortunae—Замокъ Счастья, въ которомъ обитаютъ особые люди, наслаждающіеся тамъ богатствомъ, роскошью и славою. Средняя площадь для всѣхъ. Сюда собираются люди всѣхъ сословій и, что требуется, исполняютъ; а по срединѣ ея, какъ въ центрѣ всего, находится престолъ царицы міра, Мудрости.

6. И нравилось мнѣ это благоустройство, и я сталъ славить Господа, что Онъ такъ прекрасно распредѣлилъ міръ по сословіямъ. Только то не нравилось мнѣ одно, какъ будто эти улицы на многихъ мѣстахъ прорывались, такъ что мѣстами одна сливалась съ другой, а это казалось мнѣ признакомъ весьма возможнаго блужданія. Всматриваясь въ круговидность міра, я замѣтилъ, что онъ вращался: я боялся головокруженія; ибо въ то время какъ я внимательно водилъ взоры кругомъ, я видѣлъ, какъ все до мельчайшихъ предметовъ шевелилось и копошилось; а когда приложилъ ухо, то слышалъ, какъ все было наполнено толчками и ударами, шорохомъ, шепотомъ и крикомъ.

7. Тогда обратился ко мнѣ мой проводникъ Обманъ: „Видишь-ли, мой любезный другъ человѣкъ, какъ роскошенъ сей міръ, какъ все благородно въ немъ, даже, если смотришь издали; а что скажешь, когда будешь разглядывать его по частямъ со всѣми его удовольствіями и наслажденіями. И кому бы не жилось тамъ хорошо?“ — „Издали, конечно, отвѣтилъ я, мнѣ онъ нравится; не знаю, какъ будетъ дальше“. — „Конечно, также хорошо, возразилъ онъ, только довѣряйся; а теперь пойдемъ“.

8. „Погоди, остановилъ насъ Всюдубудъ, я ему покажу отсюда то мѣсто, куда послѣ не зайдемъ. Вотъ, оглянись теперь назадъ къ востоку. Видишь-ли, какъ тамъ въ тѣхъ темныхъ воротахъ что-то копошится и приближается сюда ползкомъ?“ — „Вижу“, сказалъ я. — „Это — объяснялъ мнѣ проводникъ — люди вновь пробирающіеся (сами не зная откуда) въ міръ, они не знаютъ даже другъ-друга и не понимаютъ, что они люди, потому около нихъ тьма и ничего не слышно кромѣ визжанія и плача. Но когда они направляются по этой

улицѣ, понемногу начинаетъ передъ ихъ глазами брезжить и свѣтать, пока не придутъ до этихъ воротъ подъ нами. Пойдемъ, посмотримъ, что происходитъ здѣсь".

ГЛАВА 6.

Рокъ раздаетъ званія.

Мы спустились внизъ по какой-то темной, круглой лѣстницѣ и увидали въ тѣхъ воротахъ большую палату, полную молодыхъ людей, по правую сторону которой сидѣлъ суровый старецъ, держа въ рукѣ большой мѣдный горшокъ. Я замѣтилъ, какъ всѣ люди, направлявшіеся отъ вратъ жизни, подходили къ нему и, протянувъ руку въ тотъ горшокъ, вынимали по билетику съ какой-то надписью; затѣмъ каждый изъ нихъ спѣшилъ въ указанную улицу города: одинъ съ радостью и восторгомъ, а другой, какъ-то переминаясь, въ нерѣшительности, въ смущеньѣ и горѣ.

2. Подошедши ближе, я заглянулъ нѣкоторымъ въ билетики, и что же? Одинъ вынулъ: **Господствуй;** другой: **Служи;** одинъ: **Приказывай;** другой: **Слушайся;** одинъ: **Пиши;** другой: **Паши;** одинъ: **Учись;** другой: **Копай землю;** одинъ: **Суди;** другой: **Воюй** и. т д. Что это значитъ? подивился я.—„Здѣсь раздаются званія и работы, на что всякій долженъ себя предоставить въ мірѣ. А этотъ управляющій жребіемъ называется Рокомъ; у него каждый вступающій въ міръ долженъ взять себѣ наставленіе"—пояснилъ мнѣ Всевѣдъ.

3. Въ то время съ другой стороны дернулъ меня Обманъ, давая мнѣ понять, чтобы я тоже протянулъ руку. Я просилъ не принуждать меня тотчасъ рѣшаться на что-нибудь и безъ предварительнаго разсмотрѣнія вручать себя слѣпой судьбѣ: будь, что будетъ. Но

мнѣ возразили, что безъ разрѣшенія господина правителя Рока этого допустить нельзя, и я, подошедши къ нему, покорно представилъ свою просьбу—что я, молъ, пришелъ съ намѣреніемъ прежде разсмотрѣть все самъ и уже потомъ выбрать себѣ то, что мнѣ понравится.

4. „Сынъ мой“, сказалъ онъ, „ты видишь, что другіе этого не дѣлаютъ, а всѣ берутъ то, что имъ даютъ или что имъ достанется по жребію. Однако, если ужъ такъ хочешь, хорошо“. И написавъ на билетикѣ: Speculare, то есть Обозрѣвай или Испытуй, отдалъ мнѣ и впустилъ меня въ городъ.

ГЛАВА 7.

Путникъ обозрѣваетъ площадь міра.

Мой проводникъ говоритъ мнѣ: „Такъ какъ ты долженъ все разсмотрѣть, пойдемъ прежде на площадь“, и привелъ меня туда. Вижу несмѣтныя толпы народа, подобно тучамъ. Тутъ были люди всѣхъ языковъ и народовъ міра, всякаго возраста, роста, пола, сословія, разряда и званія. Разглядываю и вижу какое-то странное круженіе туда и сюда, подобно пчелиному рою.

2. Одни ходили, другіе бѣгали, одни ѣздили, другіе стояли, сидѣли, лежали, вставали, опять ложились и различно вертѣлись, одни находились особнякомъ, другіе въ кучкахъ то большихъ, то малыхъ. Покрой платья на нихъ былъ самый разнообразный, а нѣкоторые даже были совсѣмъ нагіе; и у всѣхъ были жесты очень странные, особенно при встрѣчахъ: сколько тутъ было разныхъ движеній рукъ, губъ и колѣнъ, съ разными шутками и прибаутками! Взгляни, указываетъ мнѣ мой проводникъ Обманъ, на твой благородный

родъ человѣческій, на это разумомъ и безсмертіемъ высоко одаренное созданіе; по разнообразію его безконечныхъ дѣйствій можешь познать, какъ человѣчество представляетъ собою образъ и подобіе безконечнаго Бога. Здѣсь, какъ въ зеркалѣ, увидишь достоинство своего рода.

3. Вглядываясь въ нихъ пристальнѣе, я увидѣлъ, что каждый, кто вращался въ этой толпѣ, носилъ на лицѣ своемъ маску; отошедши же въ сторону, когда былъ одинъ или среди равныхъ себѣ, онъ снималъ ее, а, возвращаясь въ толпу, снова надѣвалъ. Что это значитъ, спрашиваю.—„Это, сынъ мой, отвѣчалъ мнѣ проводникъ, человѣческая осторожность, чтобы не являться каждому тѣмъ, чѣмъ онъ есть. Человѣкъ передъ самимъ собою можетъ быть, каковъ онъ есть, но передъ людьми ему подобаетъ казаться по-человѣчески и своимъ дѣламъ придавать личину". Поэтому захотѣлось мнѣ внимательнѣе поглядѣть, каковы они безъ этой притворной личины.

4. Всматриваясь, вижу, что всѣ они различно обезображены, не только въ лицѣ, но и на всемъ тѣлѣ. Подрядъ попадались мнѣ угреватые, наршивые и прокаженные; мало того, были тутъ съ свиной губой, съ собачьими зубами, съ воловьими рогами, съ ослиными ушами, съ глазами аспида и съ лисьимъ хвостомъ или волчьими когтями, другіе съ павлиньей, вытянутой шеей, съ взъерошеннымъ хохломъ удода, съ лошадиными копытами и т. д., но болѣе всего было людей похожихъ на обезьянъ. „Да вѣдь это все уроды", воскликнулъ я съ ужасомъ.—„Допытливый, да развѣ это уроды? сказалъ въ отвѣтъ толковникъ и погрозилъ мнѣ кулакомъ: „Погляди хорошенько въ очки и увидишь, что это люди." Нѣкоторые изъ проходившихъ услыхали, что я назвалъ

ихъ уродами и, остановившись, роптали и даже замахивались на меня. Я понялъ, что тутъ разсуждать было бы напрасно, и замолчалъ, подумавъ про себя: „Ежели они хотятъ казаться людьми, пусть кажутся ими, но что вижу я, то вижу. Однако я боялся, какъ бы Обманъ ближе не надвинулъ мнѣ очковъ и не обольстилъ бы меня; поэтому я далъ себѣ зарокъ молчать и предпочелъ спокойно глядѣть на эти мудреныя вещи; но здѣсь было ихъ только начало. Продолжаю глядѣть и что же вижу?—нѣкоторые до того искусно владѣли своими масками, проворно снимая и надѣвая ихъ, что въ одно мгновенье сумѣли, смотря по надобности, придавать себѣ ту или другую личину. Тутъ уже началъ я соображать ходъ сего міра, но молчалъ.

5. Наблюдая далѣе, я слышалъ, какъ они говорили между собою на столь различныхъ языкахъ, что весьма часто даже не понимали другъ-друга и не отвѣчали вовсе или отвѣчали о другомъ, о чемъ ихъ не спрашивали. Мѣстами они собирались цѣлой толпой; всѣ говорили, но каждый на свой ладъ; никто ничего не слушалъ, хотя каждый другъ-друга дергалъ изъ желанія быть услышаннымъ: ничто не помогало, скорѣе доходило до ссоры и драки. „Скажите, ради Бога, не въ Вавилонѣ-ли мы? спросилъ я. Вѣдь здѣсь каждый свою пѣсню поетъ: чего можетъ быть больше этой суматохи?“

6. Однако рѣдкій кто тутъ былъ безъ дѣла: у всѣхъ была работа, но предметы этихъ работъ (чего я никогда не ожидалъ бы) были ничто иное, какъ дѣтскія игрушки или тщетное утружденіе. Одни собирали соръ и дѣлили его между собою; другіе взадъ и впередъ ворочались съ колодами и камнями или по блокамъ втаскивали ихъ и опять спускали; одни рыли

землю и перевозили или переносили съ мѣста на мѣсто; иные забавлялись колокольчиками, зеркалами и пузырями, побрякушками и другими бездѣлушками; нѣкоторые играли даже съ своей тѣнью, измѣряя, ловя и хватая ее. И все это дѣлалось съ такимъ усердіемъ, что катился потъ и слышались стоны, а повременамъ наступало полное изнеможеніе! Всюду сновали какіе-то чиновники, которые отдавали трудныя приказанія, со рвеніемъ провѣряя ихъ, а тѣ съ не меньшимъ усердіемъ ихъ принимали. „Неужели же, воскликнулъ я съ удивленіемъ, человѣкъ для того созданъ, чтобы свои высшія небесныя дарованія тратить на столь пустыя, ничтожныя вещи?“—„Какъ ничтожныя?“ переспросилъ толковникъ. Развѣ ты здѣсь не видишь ясно, какъ люди своимъ умомъ побѣждаютъ все? Здѣсь каждый занятъ по-своему.“—„Однако всѣ ихъ занятія нахожу безполезными, не соотвѣтствующими ихъ человѣческому достоинству.“ — „Не мудрствуй слишкомъ“, замѣтилъ онъ опять, вѣдь они еще не на небѣ, а на землѣ они и должны заниматься земными дѣлами. А все-таки видишь, какъ все идетъ своимъ порядкомъ.“

7. Но продолжая наблюдать, я рѣшилъ, что невозможно было придумать ничего болѣе безпорядочнаго: въ непосильное занятіе одного вмѣшивался другой, заводились ссоры, драки, потомъ мировая, а за ней опять тяганье. Иногда за одну и ту же вещь уцѣплялось нѣсколько человѣкъ, потомъ ее оставляли и разбѣгались всѣ. Еще тѣ изъ нихъ, которые были подъ властью чиновниковъ и разныхъ приставниковъ, кое-какъ выполняли, по необходимости, то, что имъ приказывалось; однако и тутъ видно было много неурядицы: Нѣкоторые изъ ряда ихъ вырывались и убѣгали; иные, не соглашаясь по ихъ приказанію, возражали управ-

ляющимъ; другіе хватались за ихъ палки и вырывали ихъ; итакъ все шло безъ всякаго ладу. Однако я не рѣшался осуждать, потому что всѣ называли это порядкомъ.

8. Замѣтилъ я еще другой недостатокъ, ослѣпленіе и безразсудство. Вся та площадь (какъ и улицы) полна была ямъ, долинъ и овраговъ, камней, колодъ и другихъ кое-какъ набросанныхъ тяжестей; но никто ничего не отстранялъ, не поправлялъ, не устраивалъ, никто не уклонялся и не обходилъ ничего, а бродилъ на удачу, наталкиваясь одинъ на другого, падалъ, убивался, расшибалъ. Сердце у меня содрогалось, глядя на это! Никто другъ-друга не предупреждалъ, а надъ тѣмъ, кто падалъ, даже смѣялись. Тогда я тѣхъ, кто слѣпо шелъ на чурбанъ и колоду или въ яму, сталъ остерегать, но никто не внималъ; нѣкоторые смѣялись надо мною, другіе бранились и даже хотѣли меня побить. Вижу, одинъ упалъ и не поднялся; другой, вставъ, опять шелъ и снова летѣлъ кубаремъ; мозолей и синяковъ у каждаго было довольно, и никто на это не обращалъ никакого вниманія, такъ что я не могъ надивиться, какъ нечувствительны для нихъ были ихъ собственныя паденія и побои; между тѣмъ какъ иной, если только до него дотронулись (видѣлъ я это въ другомъ мѣстѣ) тотчасъ вскакивалъ, брался за оружіе и готовъ былъ на бой.

9. Подмѣтилъ я также въ людяхъ большую охоту къ новизнамъ и перемѣнамъ въ одеждѣ, постройкахъ, рѣчи, походкѣ и другихъ вещахъ. Я видѣлъ, что нѣкоторые ничего не дѣлали, какъ только переодѣвались все въ новые и новые наряды; иные изобрѣтали новые виды построекъ и чрезъ нѣсколько времени опять

ихъ разрушали: во всѣхъ работахъ хватались то за одно, то за другое и оставляли все по своей неустойчивости. А если кто-нибудь умиралъ отъ бремени или, измученный имъ, самъ бросалъ его, тотчасъ появлялось нѣсколько другихъ, которые изъ-за брошеннаго имъ груза тягались, ссорились, дрались, даже смотрѣть было ужасно. Между тѣмъ изъ нихъ не было никого, кто бы высказалъ, сдѣлалъ, построилъ что-нибудь, чего другіе не осмѣяли бы, не оговорили бы, не разрушили бы. Если случалось кому что-либо создать съ необыкновеннымъ трудомъ и большой затратой своихъ средствъ и порадоваться этому, глядишь, приходилъ другой, опрокидывалъ, разрушалъ, портилъ. Поистинѣ, я не нашелъ въ мірѣ такой вещи, которая, будучи создана однимъ, не была бы разрушена другимъ. Нѣкоторые даже, не дожидаясь другихъ, тотчасъ сами разрушали свое собственное. Подобная безумная вѣтренность и тщетное утружденіе удивляло меня.

10. Многіе здѣсь выступали въ туфляхъ на высокихъ каблукахъ, нѣкоторые шагали и на ходуляхъ (чтобы, поднявшись выше всѣхъ, свысока глядѣть на нихъ). Но чѣмъ выше были у кого эти ходули, тѣмъ легче онъ опрокидывался, или падалъ, подшибленный другими (полагаю, изъ зависти) и дѣлался посмѣшищемъ всѣхъ. Такихъ примѣровъ я видѣлъ много.

11. Также не мало было людей, носившихъ при себѣ зеркала и поглядывавшихъ на себя. Разговаривали-ли они съ другими, ссорились-ли, дрались-ли, чрезъ пень-ли колоду валили, на ходуляхъ-ли прохаживались, постоянно себя оглядывали, любуясь ростомъ, походкою, своими дѣйствіями и предлагая свои зеркала другимъ полюбоваться на нихъ.

12. Наконецъ я увидалъ смерть, какъ она прохаживалась между ними, снабженная острой косою, лукомъ и стрѣлами, и громко напоминала всѣмъ о ихъ смертности. Но никто не слушалъ ея гласа, каждый былъ занятъ своимъ безразсудствомъ и неурядицею. Она же, доставая стрѣлы, метала ими во всѣ стороны, и тотъ, въ кого въ толпѣ попадало: былъ-ли онъ молодой, старый, бѣдный, богатый, ученый, неученый, всѣ падали. Пораженный кричалъ, стоналъ и ревѣлъ; прохожіе, увидавъ рану, нѣсколько сторонились и тотчасъ же обо всемъ забывали. Одни изъ нихъ подходили ближе, глядѣли на хрипѣвшаго раненаго, и, когда тотъ, протянувъ ноги, переставалъ дышать, собравшись, распѣвали вокругъ него, ѣли, пили, ликовали, изрѣдка при этомъ помарщиваясь. Потомъ, схвативъ, несли его и бросали чрезъ ограду въ ту темную яму, которая окружала міръ. Возвратившись оттуда, снова пировали, никто не сторонился смерти, всячески стараясь, только не пришлось бы глядѣть на нее (хотя она терлась среди нихъ).

13. Однако я замѣтилъ впослѣдствіи, что не всѣ подстрѣленные ею тотчасъ гибли; одни были только поранены, другіе искалѣчены, нѣкоторые ослѣплены, иные оглушены или подвержены обмороку. Многіе отъ ея пораненія распухали, какъ пузыри; иные сохли, какъ лучина, другіе дрожали, подобно осинѣ, и т. д. Такимъ образомъ было больше людей раненыхъ съ разслабленными членами, нежели здоровыхъ.

14. Немало бѣгало тутъ людей, продающихъ отъ тѣхъ ранъ пластыри, мази и разныя настойки. Всѣ покупали у нихъ, торжествуя противодѣйствовать смерти. Но она не обращала на это никакого вниманія,

побивала и поражала всѣхъ даже самихъ продавцевъ. Горько мнѣ было смотрѣть, какъ неожиданно и разновидно гибнетъ созданіе, предназначенное безсмертію. И удивительно, когда кто-нибудь особенно готовился жить, подыскивалъ друзей, заводилъ хозяйство, строилъ дома, скапливалъ деньги, запасался и всячески ограждался, какъ разъ въ то время стрѣла смерти полагала всему конецъ; и того, кто устраивалъ себѣ уютную обитель въ мірѣ, влекли за предѣлы міра, и сооруженія его разлетались въ прахъ. Съ поступившимъ на его мѣсто приключалось то же самое, а за нимъ съ третьимъ, десятымъ, сотымъ—одинаково. Но, очевидно, никто не хотѣлъ допустить такую неустойчивость жизни и подумать о ней, а всѣ, даже стоя въ самой пасти смерти, вели себя такъ, какъ будто увѣрены были въ своемъ безсмертіи (мое сердце надрывалось отъ жалости надъ этимъ). Мнѣ хотѣлось возвысить голосъ, увѣщевать и просить, чтобы они открыли глаза, посмотрѣли на смерть, метающую стрѣлы, и посторонились бы ея. Но я убѣдился, если сама смерть, въ своемъ грозномъ видѣ и своимъ неутомимымъ зовомъ, непрерывно присутствуя на ихъ глазахъ, ничего не можетъ достигнуть, то тѣмъ болѣе мои увѣщеванія будутъ безплодны. „Какъ жаль,—сказалъ я тихо,—сознавать, что мы несчастные смертные люди такъ слѣпы къ своему несчастью". „Любезный! отвѣчалъ мнѣ толковникъ,—развѣ въ этомъ состоитъ мудрость, мучить себя размышленіемъ о смерти? тѣмъ болѣе, если каждый знаетъ, что онъ не уйдетъ отъ нея; такъ чего же глядѣть на нее, лучше смотрѣть за своимъ дѣломъ и ободрять себя; а когда она идетъ, пусть себѣ приходитъ, вѣдь это кончится въ какой-нибудь часъ, а можетъ быть, во мгновеніе. Такъ неужели другимъ перестать веселиться изъ за того, что кто-нибудь умираетъ? А сколько вмѣсто этого ихъ народится!"—„Если въ

томъ только состоитъ мудрость, возразилъ я, то я плохо понимаю ее“, и замолчалъ.

15. Но слѣдующаго не буду скрывать. При видѣ такого безчисленнаго множества летающихъ стрѣлъ смерти я подумалъ: „Гдѣ-же та смерть набираетъ столько стрѣлъ, что никогда имъ конца нѣтъ?“ Всматриваюсь и вижу, что у нея нѣтъ никакихъ своихъ стрѣлъ, а есть одинъ только лукъ, а стрѣлы она брала отъ людей, по каждой отъ того, кого она намѣтила убить. И прослѣдилъ я, что такія стрѣлы дѣлали и приготовляли сами люди, а нѣкоторые самонадѣянно и смѣло сами ей носили навстрѣчу, такъ что она едва успѣвала ихъ отбирать и всѣми поражать. Теперь я убѣдился въ вѣрности сказаннаго: Et mortis faber est quilibet suae—И въ смерти своей каждый самъ себѣ виновникъ—теперь я вижу, что никто не умираетъ, кто неумѣренностью, невоздержаніемъ, опрометчивостью или, наконецъ, неосмотрительностью самъ себѣ не готовитъ язвъ, ранъ и внутреннихъ и наружныхъ (именно, это и есть стрѣлы смерти). Въ то время, какъ я внимательно наблюдалъ за смертью и за ея погоней, дернулъ меня Обманъ и говоритъ: „Безумный, ты должно быть любишь смотрѣть лучше мертвыхъ, нежели живыхъ? Кто умеръ, о томъ пѣсня спѣта, а ты готовься жить!“

ГЛАВА 8.

Путникъ обозрѣваетъ разрядъ супруговъ.

Меня привели къ улицѣ, въ которой, какъ мнѣ сказали, живутъ супруги. Проводникъ обѣщалъ мнѣ наглядно представить состояніе этой прелестной жизни. Здѣсь стояли ворота, которыя онъ мнѣ назвалъ **Обру-**

ченіе; передъ ними простиралась обширная площадь, и на ней толпилось много людей обоего полу. Они, прогуливаясь, заглядывали другъ-другу не только въ глаза, но и осматривали уши, носъ, зубы, шею, языкъ, руки, ноги и все прочее, даже измѣряли другъ-друга, кто какъ дологъ, широкъ, толстъ или тонокъ. Разглядывая каждаго такимъ образомъ, они разсматривали также и все, что было на немъ; особенно внимательно провѣряли (что я больше всего замѣтилъ) другъ у друга сумки, кошельки и бумажники, измѣряя и взвѣшивая ихъ, какъ дологъ, широкъ, какъ онъ полонъ, какъ онъ тугъ или слабъ. Иногда нѣсколько человѣкъ обращали вниманіе на одну особу и вдругъ отъ нея бѣжали всѣ; а если при этомъ одному вздумалось устранять другого, то доходило до вражды и даже до убійства. Когда же одному удалось оттолкнуть другого, то онъ самъ подвергался той же участи. Иной, прогнавъ своихъ соперниковъ, самъ обращался въ бѣгство. Такіе же, которымъ не хотѣлось тратить времени на то подробное испытаніе, схвативъ, что оказалось ближе, и взявъ избраннаго подъ руку, уходили по направленію къ воротамъ. Насмотрѣвшись вдоволь такихъ сценъ, я спросилъ: „Что дѣлаютъ эти люди“? Толковникъ объяснилъ мнѣ: „Это тѣ, которые желаютъ пройти въ улицу супружества, но такъ какъ у воротъ не пропускаютъ по одному, а только попарно, то каждый долженъ подобрать себѣ товарища. Именно здѣсь происходитъ подборъ, и подыскавшій себѣ подходящую пару, какъ видишь, направляется къ воротамъ“.—„Развѣ этотъ подборъ не можетъ происходить болѣе легкимъ образомъ“? спросилъ я. „Вѣдь это очень хлопотливо“.—„Не смотри,— говоритъ толковникъ,—на это какъ на трудъ, а какъ на наслажденіе. Неужели ты не замѣтилъ, какъ имъ при этомъ весело; вѣдь всѣ они смѣются, поютъ, торжествуютъ. Нѣтъ въ жизни состоянія болѣе веселаго,

повѣрь мнѣ! Еще разъ посмотрѣвъ на нихъ, и точно я видѣлъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ улыбаются, смѣются и ликуютъ; однако между всѣми я замѣтилъ и какъ будто опечаленныхъ, которые, понуря голову, ходили чѣмъ-то недовольные, повременамъ оборачивались, бросались въ разныя стороны и, отступивъ, какъ будто чѣмъ-то терзались, даже не спали, не ѣли и доходили до сумасшествія. „Что же это дѣлается съ ними?“ спросилъ я.—„И въ этомъ они находятъ для себя удовольствіе“. возразилъ мнѣ проводникъ. „Ну, пусть ихъ, сказалъ я, пойдемъ лучше дальше и поглядимъ, что тамъ“.

2. Протолкавшись черезъ всю толпу, мы подошли къ самымъ воротамъ и, прежде чѣмъ вступить въ нихъ, мы увидали вѣсы; у нихъ вмѣсто чашекъ на цѣпяхъ привѣшаны были двѣ пустыя корзины и около нихъ стояла толпа народа. Здѣсь каждую подходившую пару, посадивъ въ корзины, другъ противъ друга, взвѣшивали, точно наблюдая равновѣсіе; особенно внимательно за этимъ слѣдили люди, коимъ поручено было это дѣло. Послѣ продолжительнаго взвѣшиванія отпускали эту чету дальше въ ворота. Однако не всѣмъ такъ счастливо удавалось: многіе, провалившись сквозь корзину, отступали осмѣянными и опозоренными. Мало того, ради потѣхи, имъ на голову надѣвали какой-то мѣшокъ. „Что-же это происходитъ“? спрашиваю я. „А вотъ видишь-ли, такъ устраивается помолвка, когда дѣло должно рѣшиться. Если только вѣсы покажутъ равновѣсіе, то пара вступаетъ въ сословіе брачныхъ, если же нѣтъ, она расходится“.—„А неужели здѣсь такъ строго соблюдается равенство, замѣтилъ я, вѣдь этому трудно повѣрить. Я вижу самъ, какъ нѣкоторые и возрастомъ, и сословіемъ, и всѣмъ прочимъ на вѣсахъ другъ другу равны, а несмотря на это одного изъ нихъ про-

пускаютъ сквозь корзину, а другихъ ставятъ на вѣсы ужъ слишкомъ неравныхъ: старика съ молодою, юношу со старухою; одинъ перевѣшивалъ другого, неравенство наглядно, а говорятъ: Ничего, можно! Какъ мнѣ это понимать?"—„Не все ты видишь, любезный мой"—отвѣтилъ мнѣ проводникъ: „Правда, иной старичекъ или старушка не вѣсили бы и фунта кудели, но ежели у нихъ съ собою туго набитый мѣшокъ или шляпа на головѣ, передъ которою живо скидываются другія, или есть другое что-либо рѣдкое (такія вещи всегда идутъ на вѣсъ),—оттого и выходитъ многое не по-твоему.

3. Мы пошли за тѣми, которыхъ пускали въ ворота, и я въ самыхъ воротахъ увидалъ кузницу, гдѣ каждую подходившую чету сковывали въ тяжелые оковы и въ оковахъ отпускали въ улицу супруговъ. При этомъ заковываніи присутствовало много людей, нарочно (какъ передавали) приглашенныхъ въ качествѣ свидѣтелей, которые музыкою и пѣніемъ поддерживали въ нихъ бодрость духа. Посмотрѣвъ внимательно на тѣ оковы, я замѣтилъ, что они не были замкнуты на замокъ, какъ у другихъ узниковъ, а были скованы и спаяны, чтобы чета во всю свою жизнь не могла расторгнуть ихъ. Послѣднее устрашало меня такъ, что я невольно воскликнулъ: „Вотъ жесточайшая тюрьма! Кто разъ попадется туда—лишается на вѣки надежды на освобожденіе!" Мой проводникъ, соглашаясь со мною, сказалъ: „Конечно эти узы самыя тѣсныя изъ всѣхъ человѣческихъ узъ; но зачѣмъ же ихъ бояться, самая сладость этого сословія охотно несетъ на себѣ такое иго. Ты самъ увидишь, какая это пріятная жизнь". „Пойдемъ дальше, я хочу видѣть больше", побуждалъ я.

4. Отъ воротъ прямо вступили мы въ улицу, гдѣ увидали множество людей, попарно запряженныхъ; не-

ровная запряжка многихъ особенно бросалась въ глаза: большіе шли съ малыми, красивые съ безобразными, молодые со старыми и т. д. Желая понять, въ чемъ состоитъ сладость этого сословія, я внимательно слѣдилъ за ними и, дѣйствительно, былъ свидѣтелемъ, какъ они поглядывали другъ на друга, какъ бесѣдовали другъ съ другомъ, какъ ласкали другъ-друга, иногда и цѣловались. „Видишь, говоритъ мнѣ толковникъ, какъ прекрасно, если бракъ состоится.“—„Значитъ, здѣсь уже все, если онъ даже вполнѣ удастся?“ спросилъ я. „Разумѣется“, сказалъ толковникъ.—„Однако мало въ этомъ я вижу наслажденія, и стоитъ ли оно тѣхъ узъ, сомнѣваюсь“, прибавилъ я.

5. Наблюдаю дальше. Сколько труда, сколько хлопотъ было у этихъ несчастныхъ. Почти всякая чета супруговъ была окружена вереницей дѣтей, уздой связанныхъ другъ съ другомъ; дѣти кричали, плакали, стонали, умирали, не говоря уже о томъ, съ какой болью и опасностью собственной жизни они получали ихъ на свѣтъ. Когда дитя подростало, наставала съ нимъ двойная работа: во-первыхъ, уздою сдерживать его, а во-вторыхъ, шпорами погонять за собою, такъ какъ дѣти часто, не терпя ни того ни другого, причиняли родителямъ ужасныя хлопоты, порою доводя ихъ до истомы и плача. Если же имъ давали волю, то они скоро отбивались отъ родителей, принося имъ позоръ и смерть. Часто встрѣчая такую неурядицу, я принимался увѣщевать какъ родителей, такъ и дѣтей, первыхъ остерегая отъ ослиной любви потворствовать дѣтямъ, вторыхъ поощряя къ нѣкоторымъ добродѣтелямъ. Но я мало достигъ успѣха; за это на меня угрюмо посматривали и надо мною подсмѣивались и даже угрожали побить. Я прославлялъ въ душѣ состояніе безплодныхъ, которыхъ встрѣтилъ тутъ же; но тѣ опять

страшно тосковали и жаловались, что не находятъ утѣшенія. Здѣсь я понялъ, что въ бракѣ имѣть дѣтей— бѣда и не имѣть ихъ тоже бѣда. Помимо дѣтей почти каждая такая чета, соединенная бракомъ, для разной услуги держала при себѣ чужихъ, о которыхъ приходилось имъ часто заботиться больше, нежели о самихъ себѣ, и за все за это испытывать отъ нихъ много непріязненнаго. Здѣсь, какъ и на той площади передъ воротами, было много разныхъ преткновеній, бревенъ, камней и ямъ: если одинъ задѣвалъ, спотыкался, падалъ и поранилъ себя, другой, находясь вмѣстѣ съ нимъ въ оковахъ, не имѣя возможности отдѣлиться отъ упавшаго, долженъ былъ визжать, плакать и вмѣстѣ съ нимъ страдать. Изъ этого я убѣдился, что у каждаго въ этомъ сословіи вмѣсто одной заботы, неудобства и опасности во столько разъ больше заботъ, неудобствъ и опасностей, со сколькими людьми онъ ходитъ связаннымъ. Не понравилось мнѣ это сословіе.

6. Настоящую трагедію въ той толпѣ увидѣлъ я у тѣхъ, которые были сочетаны съ неодинаковою волей: одному хотѣлось такъ, другому этакъ, одному сюда, другому туда, оттого они не ладили, ссорились и даже грызлись. Къ прохожимъ обращались съ жалобою другъ на друга, и, если между этими не находилось способныхъ рѣшить ихъ дѣло, то они снова грызлись; если же кому-нибудь удавалось ихъ примирить, по времени они снова ссорились. Многіе долго спорили: итти ли имъ направо или налѣво, а такъ какъ каждый хотѣлъ тянуть туда, куда онъ самъ заупрямился, то еще съ большимъ упорствомъ другой бросался въ свою сторону, и свидѣтели этого зрѣлища находили удовольствіе любопытствовать, чья возьметъ. Случалось мужу побѣждать; жена хоть и хваталась за землю, за траву, за все, что только могла, а все таки тянулась вслѣдъ

за нимъ и наоборотъ.—Зрителямъ было смѣшно, но по-моему это заслуживало болѣе состраданія, нежели смѣха, особенно то, какъ нѣкоторые негодовали, жаловались, плакали и, руки простирая къ небу, клялись, что они готовы золотомъ и серебромъ выкупить себя изъ этихъ узъ. Обращаясь къ своему проводнику, я спросилъ: „Что же имъ не подадутъ помощи? Развѣ нельзя развязать и отпустить того, кто не можетъ съ другимъ жить въ ладу?“—„Этого ужъ быть не можетъ, на всю жизнь должно оставаться такъ“.—„Да есть ли еще что-нибудь болѣе жестокое этихъ узъ и этого рабства“! замѣтилъ я. „Это горше самой смерти!“ Проводникъ на это возразилъ: „А почему эти люди не обсудили этого прежде? Всѣ раздоры падаютъ на ихъ голову“.

7. Въ то время я взглянулъ въ сторону и увидѣлъ, какъ смерть своими стрѣлами поражала нѣкоторыхъ изъ нихъ, и какъ тотчасъ же ихъ оковы размыкались. Я радовался за нихъ, полагая, что и они рады своему освобожденію. Но къ моему удивленію, почти каждый изъ нихъ, горько жалуясь на свою участь, предавался такому плачу и рыданію, какого я въ мірѣ едва ли слыхалъ. Тѣмъ, которыхъ я прежде видѣлъ согласными, понятно, было о чемъ плакать: они дѣйствительно сокрушались другъ по другѣ, но иные просто только притворялись ради людей, какъ мнѣ казалось, а если и не притворялись, то пусть, думаю, поучатся раскаянію, и тогда, увѣренъ, сами будутъ совѣтовать другимъ, какъ избѣжать желѣзныхъ узъ. Но сверхъ моего ожиданія, они, утеревъ слезы, опять бѣжали къ тѣмъ воротамъ и снова возвращались въ оковахъ. Тогда я во гнѣвѣ воскликнулъ: „Чудовища, вы недостойны никакого сожалѣнія“! И вызвалъ проводника: „Пойдемъ отсюда, я въ этомъ сословіи вижу больше суеты, нежели чего-либо другого“.

8. Между тѣмъ (не скрываю и собственныхъ приключеній) какъ мы возвращались къ воротамъ розстани, съ намѣреніемъ продолжать мои наблюденія, оба мои проводника, Всюдубудъ и Обманъ, стали меня уговаривать испытать бы самому это сословіе, чтобы лучше понять сущность всего. Я всячески отговаривался: что я молодъ, что пугаютъ видѣнные мною примѣры, что я еще не разсмотрѣлъ всего и тому подобное. Но все было напрасно, они такъ меня обольстили, что я не на шутку попалъ тоже на вѣсы, а оттуда въ оковы, и связанный ходилъ самъ-четвертъ. Кромѣ того навязали мнѣ еще цѣлую вереницу другихъ (для услуги и почета, объясняли мнѣ), и тогда я, задыхаясь на ходу, съ трудомъ тащился. А какъ разъ въ то время вдругъ нагрянула буря, вихрь съ молніей, громомъ и ужаснымъ градомъ. *) Все окружающее разлетѣлось вдребезги, со мною остались только тѣ, которые привязаны были ко мнѣ. Съ ними я скрылся въ убѣжище, **) но и тутъ стрѣлы смерти перебили у меня всѣхъ троихъ, и я, очутившись въ горѣ вполнѣ одинокій и пораженный ужасомъ, не зналъ, что мнѣ дѣлать. Проводники меня увѣщевали покамѣстъ цѣнить это, но я возражалъ имъ: „Почему вы прежде совѣтовали мнѣ это?“ „Нѣтъ времени ссориться съ тобою, отвѣчали оба, лучше думай, какъ бѣжать“. Итакъ я ускорилъ шагъ.

9. Хотя я миновалъ угрожающую опасность, все-таки не знаю, что собственно сказать объ этомъ сословіи: больше ли въ немъ утѣшенія, когда бракъ удастся (судя по собственному опыту), или больше горя при его неудачѣ. Сознаю, что безъ него и въ немъ

---

*) Городъ Фульнекъ. **) Клопотъ у г. Брандыса на р. Орлицѣ.

бываетъ тоска, и даже въ счастливомъ бракѣ сладость чередуется съ горечью.

ГЛАВА 9.

Путникъ смотритъ сословіе ремесленниковъ.

Продолжая такимъ образомъ путь, мы добрались до улицы, гдѣ производились различные промыслы; она раздѣлена была на множество проулковъ и площадокъ. Вездѣ настроено было много различныхъ избъ, работныхъ, горнъ, мастерскихъ, лавокъ, балагановъ, полныхъ всевозможныхъ удивительныхъ орудій, около которыхъ люди какъ-то хлопотливо суетились, и при всемъ слышался то трескъ, то стукъ, то скрипъ, то визгъ, то свистъ, то шипѣнье, то буханье, то хрустъ, то шорохъ. Я замѣтилъ тутъ, какъ люди рыли и копали землю, разрыхляя ее на поверхности или прорываясь вглубь, какъ кроты. Иные барахтались въ водѣ, въ рѣкахъ и на морѣ, иные шарили въ огнѣ, иные только зѣвали по воздуху, иные боролись со звѣрями, иные возились съ бревнами и камнями, или переносили и перевозили что-нибудь въ разныя стороны. „Вотъ какія замысловатыя и веселыя работы!" говоритъ мнѣ толковникъ. „Скажи мнѣ, что же тебѣ здѣсь болѣе всего нравится?" „Правда, говорю я, здѣсь есть доля веселости, но и есть достаточно утомленія и стоновъ". „Не все же тяжело, возражаетъ онъ, посмотримъ ближе на нѣкоторыя изъ этихъ работъ". Онъ повелъ меня по порядку, и я осматривалъ всѣ работы и ради опыта брался то за одно то за другое, однако описывать всего здѣсь не могу и не хочу. Но что вообще я тутъ открылъ, того не утаю. Во-первыхъ, я замѣтилъ, что всѣ тѣ человѣческіе промыслы ничто иное, какъ тяжелый трудъ, и каждый изъ нихъ имѣетъ свое неудобство и опасность, напр., рабочіе, которые обращались съ огнемъ,

были загорѣлые и закопченные, какъ арабы; въ ушахъ у нихъ звенѣлъ грохотъ молотовъ и наполнялъ половину ихъ слуха; зарево огня все блестѣло въ ихъ глазахъ, и кожа трескалась отъ постояннаго припека. Промышлявшіе въ землѣ находились всегда во тьмѣ и въ страхѣ быть засыпанными, что и нерѣдко приключалось съ ними. Тѣ, которые работали въ водѣ, мокли какъ швабры, тряслись отъ холода, какъ осина, все ихъ нутро подвергалось простудѣ и многіе доставались въ удѣлъ глубинѣ. Тѣ, которые ворочались съ бревнами, камнями и другими тяжестями, покрыты были мозолями, издавали стоны, чувствовали угнетеніе. Видѣлъ я также, какъ нѣкоторые брались за ослиныя работы и трудились до поту, до устали, до упаду, до увѣчья и гибели, а между тѣмъ они такимъ своимъ жалкимъ изнеможеніемъ едва могли обезпечить себѣ кусокъ хлѣба. Правда, попадались мнѣ такіе, которые и легче питались; но опять, чѣмъ легче и прибыльнѣе былъ этотъ заработокъ и менѣе труда, тѣмъ больше было неправды и разныхъ ухищреній.

2. Вся эта работа человѣка, какъ я замѣтилъ, назначалась для его рта; ибо все, что онъ уловилъ, совалъ себѣ и своимъ въ ротъ, только нѣкоторые отрывали отъ своихъ устъ и укладывали въ мѣшки. Но мѣшки были иногда дырявы: что въ нихъ насыпалось, то снова терялось; тогда подбиралъ другой, или подчасъ подходилъ кто-либо и выхватывалъ у него мѣшокъ, а иногда самъ владѣлецъ, задѣвъ имъ, ронялъ его, прорывалъ, или съ другимъ приключеніемъ терялъ его. Теперь я воочію убѣдился, что этими человѣческими занятіями только переливаютъ воду, добывая и спуская деньги съ тою только разницей, что онѣ легче уходятъ, чѣмъ приходятъ, все равно, перегоняютъ-ли ихъ или сквозь ротъ, или сквозь сундуки. Вслѣдствіе этого, какъ

я замѣтилъ, повсюду было больше нуждающихся, чѣмъ зажиточныхъ.

3. Каждая работа, какъ я прослѣдилъ, требовала всего человѣка; если же онъ глядѣлъ по сторонамъ и нерѣшительно дѣйствовалъ, тотчасъ отставалъ: все у него валилось изъ рукъ, и прежде чѣмъ одумался, доходилъ до нищеты.

4. Труда было вездѣ достаточно. Прежде чѣмъ освоиться съ какимъ-нибудь промысломъ, проходила значительная часть жизни каждаго; и когда, наконецъ, освоился съ нимъ, если не слѣдилъ за собою весьма тщательно, терялъ то, что пріобрѣлъ; даже у самыхъ старательныхъ я замѣтилъ, что прибытокъ часто встрѣчается съ убыткомъ.

5. Повсюду я видѣлъ (особенно среди этихъ промысловъ) много зависти и недоброжелательства. Если у кого-нибудь набиралось больше работы, или оказывалось больше сбыту, сосѣди угрюмо поглядывали, скрежетали отъ злости зубами, и если могли, то всячески старались попортить ему. Возникали раздоры, несогласія, и нѣкоторые, по недостатку терпѣнія, бросали свои орудія, вдавались въ лѣность и своевольную нищету, на зло другимъ.

6. Но и притворства и обмана вездѣ было довольно. Многіе исполняли работу кое-какъ только для сбыта, особенно для другихъ, между тѣмъ свое дѣло расхваливали и прославляли, какъ только могли.

7. Между прочимъ я замѣтилъ, что большая часть тѣхъ занятій была дѣломъ излишней суетности и крайняго безразсудства. Вѣдь человѣческое тѣло можно поддерживать самымъ скуднымъ и простымъ питаніемъ; одѣть можно его самымъ скуднымъ и простымъ одѣя-

ніемъ; укрыть его можно въ самой скудной и простой постройкѣ; очевидно, поэтому и требуется весьма малая и скудная забота и работа, какъ и бывало въ старину. Но міръ этого не умѣетъ или не хочетъ понять, такъ какъ люди привыкли столь много набивать и наливать себѣ утробу и пользоваться такими причудливыми вещами, для добыванія и обработки которыхъ должна трудиться и подвергаться опасности большая часть людей на сушѣ и на морѣ. А сколько людей занято подыскиваніемъ и разработкой разнообразнаго матеріала для платья и построекъ, чтобы придать имъ какой-нибудь необычайный видъ,—а это все напрасно и излишне, даже иногда и грѣшно! Я видѣлъ ремесленниковъ, коихъ все искусство и работа состояла въ томъ, чтобы дѣлать ребяческія бездѣлушки и разнаго рода игрушки для потѣхи и траты времени; другіе опять были заняты изготовленіемъ орудій жестокости. Съ какой совѣстью и съ какой отрадой люди могутъ глядѣть на подобнаго рода ремесла, я не знаю! Если бы изъ тѣхъ работъ изъять и выдѣлить все то, что въ нихъ есть ненужнаго, грѣшнаго, то большая часть этихъ человѣческихъ промысловъ пришла бы въ упадокъ. Отчего и сердце мое не тянуло туда.

8. Особенно, когда я видѣлъ, что тутъ работаютъ только тѣломъ и только для тѣла, между тѣмъ какъ человѣкъ, имѣя превосходство передъ другими, душу, долженъ прежде всего ее направлять къ занятію и для нея искать прибытка.

9. Теперь разскажу о томъ, что приключилось со мною среди возчиковъ на сушѣ и на морѣ среди моряковъ. Всюдубудъ, замѣтивъ, что я, обозрѣвая мастерскія ремесленниковъ, очень тосковалъ, сказалъ Обману про меня: „Это какой-то непосѣда, какъ ртуть, посто-

янно переливающаяся, до сихъ поръ не могъ выбрать себѣ мѣста по своему вкусу и держаться его. Покажемъ-те ему болѣе вольное сословіе купцовъ, гдѣ всегда возможно ему рыскать въ разныя стороны міра и свободно нерелетать подобно птицѣ". „Ничего не имѣю противъ, отчего же, сказалъ я, не испытать и этого". И мы пошли.

10. Вдругъ увидѣлъ я толпу людей, какъ они, пріискивая разныя вещи, хлопотали; даже лучину, персть, навозъ, все собирали, подымали и упаковывали въ кипы. „Что это?" спрашиваю. „Здѣсь заготовляютъ на всемірный путь", отвѣчаютъ мнѣ.—„Развѣ нельзя безъ этого груза? вѣдь было бы легче".—„Какой ты, однако, безразсудный. Какъ же имъ ѣхать? Это ихъ крылья".—„Крылья?" спрашиваю я.—„Да, крылья, конечно. Вѣдь это поддерживаетъ въ нихъ рѣшительность и бодрость духа и даетъ имъ всюду паспортъ и подорожную. Или ты думаешь, что даромъ позволено скитаться по бѣлу-свѣту? Они находятъ въ этомъ свое пропитаніе, удовлетвореніе и все прочее". Смотрю дальше и вижу, какъ каждый изъ нихъ старался отыскать себѣ клади, какъ можно больше, и, перевязавши, вкатывалъ, или поднималъ на перекладины съ колесами; потомъ, впрягши скотъ, тащился чрезъ холмы, горы, долы и овраги и любовался этой будто бы веселой жизнью. На первый взглядъ и мнѣ показалось такъ. Но когда я увидалъ, какъ эти люди мѣстами вязли въ грязи, маялись и изнемогали отъ дождя, снѣга, мятели, холода и жары, какъ переносили разныя неудобства, какъ они повсюду были преслѣдуемы на пограничныхъ заставахъ, гдѣ все у нихъ перетряхивали и опоражнивали кошельки (несмотря на ихъ гнѣвъ, негодованіе и сопротивленіе), наконецъ, когда я былъ свидѣтелемъ, какъ разбойничьи шайки устраивали на

нихъ нападенія на большихъ дорогахъ, и въ какомъ страхѣ они находились всегда, прошла у меня вся охота къ этому занятію.

11. Тогда предложили мнѣ другой, болѣе удобный способъ летанія по міру—плаваніе: тутъ, дескать, человѣкъ не растрясется, не загрязнится и не завязнетъ, но можетъ свободно катить отъ одного края міра до другого, встрѣчая вездѣ что-нибудь новое, невиданное и неслыханное. И повели меня на край земли, гдѣ мы передъ собою ничего не видѣли, кромѣ неба и воды.

12. Здѣсь велѣли мнѣ вступить точно въ какую избу, сколоченную изъ досокъ; но она не стояла на землѣ, не имѣла подклада или подруба, ни устоевъ крѣпкихъ ни столбовъ, ничего такого, но помѣщалась прямо на водѣ и покачивалась, такъ что, вступая въ нее, я невольно призадумывался. Однако, чтобы не казаться робкимъ, я пошелъ за другими, когда это назвали нашей повозкой. „Итакъ поѣдемъ“, „или полетимъ“ (какъ говорили они). Не тутъ-то было, стоимъ день, другой, третій, десятый. „Что же это? спрашиваю я, вѣдь вы говорили, что стрѣлою промчимся отъ одного края міра до другого, а мы ни съ мѣста“. „Надо обождать ломовиковъ, отвѣчали мнѣ, что у нихъ есть такія ломовыя лошади, для которыхъ не требуется ни постоялаго двора, ни стоила, ни корму, ни остроги, или шпоры, ни кнута, стоитъ только запрячь, и ѣдешь; подожди, все, дескать, увидишь“. И смотрю, мнѣ показываютъ возжи, веревки, постромки, ваги, вальки, дышла, оси, различные рычаги и ломы, все иначе, чѣмъ у извозчичьей повозки. На самомъ же дѣлѣ это было ничто иное, какъ лежачій возъ, опрокинутый хребтомъ навзничь, съ дышломъ (сдѣланнымъ изъ двухъ длиннѣйшихъ елей), торчащимъ къ

верху, отъ котораго къ биламъ, или реямъ, спускались веревки вокругъ съ разными мрежами, рѣшетками и лѣстницами. Ось той телѣги находилась позади, у нея сидѣлъ человѣкъ и хвастался, что онъ одинъ направитъ всю эту громаду, куда захочетъ.

13. Вдругъ подулъ вѣтеръ. Тутъ наша дружина поднялась на ноги, начала бѣгать, скакать, кричать и торжествовать. Одинъ хватался за одно, другой за другое; нѣкоторые, какъ бѣлки, метались по тѣмъ веревкамъ, внизъ и вверхъ, то опуская шесты, то распуская какія то свернутыя рогожи и тому подобное. Я спросилъ: „Что это?“—„Это, молъ, запрягаютъ“, отвѣчали мнѣ. Смотрю, и вотъ, тѣ рогожи у насъ вздулись какъ житницы (ихъ называли нашими крыльями), и все это начало надъ нами шумѣть, и вода подъ нами стала разсѣкаться, брызгать, и прежде чѣмъ я сообразилъ, какъ берегъ и земля и все у насъ исчезло изъ глазъ. „Гдѣ мы очутились, спрашиваю я, что будетъ съ нами?“—„Мы летимъ“, говорили они. „Ну, такъ, благословясь, полетимъ!“ рѣшаюсь и слѣжу, какъ быстро насъ несетъ; правда, не безъ удовольствія, но и не безъ страха. Когда я вышелъ посмотрѣть на верхъ, меня объяло головокруженіе, когда я спустился на дно, страхъ напалъ на меня отъ воды, сильно шелестившей около стѣнъ. Мысленно спрашивалъ я, не слишкомъ ли большая отвага ввѣрять свою жизнь этимъ яростнымъ стихіямъ, водѣ и вѣтру, и сознательно лѣзть въ пасть смерти, отъ которой мы никакъ не далѣе, какъ на два вершка, т. е. на толщину доски, отдѣляющей меня отъ страшной пропасти. Но, рѣшивъ не выказывать страха, я молчалъ.

14. Въ то время какой-то рѣзкій запахъ сталъ поражать меня и проникать въ мой мозгъ и всѣ вну-

тренности и свалилъ меня. Я (какъ и другіе, не привыкшіе къ этому состоянію) валяюсь, рычу, не знаю, что дѣлать; все во мнѣ расплывается и льется изъ меня, такъ что казалось мнѣ, что мы тутъ, на водѣ, совсѣмъ расплывемся какъ слизень на солнцѣ. Я сѣтовалъ на себя и на своихъ проводниковъ, не вѣря въ возможность остаться въ живыхъ, но вмѣсто сострананія отъ нихъ всѣхъ я получалъ насмѣшку. Они по опыту, конечно, знали (что мнѣ было неизвѣстно), что это состояніе не продолжится долго, развѣ какой-нибудь день. Такъ и случилось. Моя сила понемногу начала возвращаться, и я убѣдился, что яростное море такимъ образомъ только привѣтствовало меня.

15. Однако чтожъ? Болѣе тяжелыя событія не замедлили наступить. Вѣтеръ насъ оставилъ, наши крылья опустились, мы стоимъ, не будучи въ силахъ двинуться ни на шагъ. „Что это будетъ?", смутился я опять. Занесло насъ въ эти морскія пустыни. Увы! найдемъ ли выходъ отсюда? Увидимъ ли землю еще разъ? Земля, мать дорогая, ты наша матушка родная, гдѣ ты? Рыбамъ воду, а намъ тебя далъ намъ Богъ создатель. Рыбы благоразумно держатся своего жилища, а мы безразсудные покидаемъ свое. Если небо не придетъ къ намъ на помощь, вѣрно, намъ погибать въ этой печальной безднѣ". Такими скорбными мыслями не переставалъ мучиться мой духъ. Слышу, какъ моряки подняли крикъ. Я, выбѣжавъ, спрашиваю. „Что это?" „Вѣтеръ идетъ", кричали они. Смотрю, но ничего не вижу; а они все-таки распускаютъ свои рогожи. Онъ пришелъ, захватилъ насъ и понесъ опять, всѣмъ на радость, но не надолго.

16. Вѣтеръ поднялся опять съ такой силой, что кидалъ не только нами, но и всей бездной воды подъ нами, такъ что ужасъ охватилъ наше сердце. Море

взбушевалось, и такими волнами поднимало насъ то вверхъ то внизъ, что мы ходили какъ будто по высокимъ горамъ и глубокимъ долинамъ. Иногда выбрасывало насъ вверхъ такъ, что, казалось, мы могли рукою достать луну, а оттуда опять низвергало точно въ открытую пропасть. Казалось, что противная или боковая волна нахлынетъ и тотчасъ проглотитъ насъ; но она каждый разъ поднимала насъ снова; и такъ досчатый нашъ корабль, отбрасываемый отъ волны къ волнѣ, наклонялся то на правый бокъ то на лѣвый и носомъ направлялся въ гору или внизъ. Брызги летѣли то на насъ то чрезъ насъ, и мы, не будучи въ состоянiи ни стоять ни лежать, перекидывались сбоку на бокъ, становясь то на ноги, то на голову. Голова у насъ кружилась и все опрокидывалось. Всякiй можетъ посудить, сколько пришлось вытерпѣть страха и ужасовъ, если это продолжалось цѣлый день и ночь. Эти люди болѣе чѣмъ всѣ другiе въ мiрѣ, подумалъ я, имѣютъ поводъ быть вѣрующими, жизнь ихъ не обезпечена ни на одинъ часъ. Слѣдя за ними, на сколько они проникнуты благочестiемъ, вижу, что они и теперь какъ будто въ корчмѣ, жрутъ, пьютъ, играютъ, хохочутъ, сквернословятъ, ругаются и распутничаютъ одинаково. Скорбя объ этомъ, я началъ ихъ увѣщевать и просить, чтобы они не забывали, гдѣ находятся, и, оставивши свое безчинство, воззвали бы къ Богу. Однако ничего не помогало. Одинъ осмѣялъ меня, другiе брюзжали на меня, третьи замахивались на меня, четвертые собирались выбросить меня. Мой Обманъ велѣлъ мнѣ молчать и вспомнить, что я гость въ чужомъ домѣ, гдѣ надо оставаться глухимъ и слѣпымъ. „Вѣдь невозможно, говорю я, чтобы это кончилось благополучно при такомъ поведенiи“. Тутъ они подняли смѣхъ. Видя такое безчинство, я долженъ былъ молчать, хотя въ страхѣ предчувствовалъ бѣду.

17. Между тѣмъ буря усилилась, и навстрѣчу намъ поднялся страшный вихрь. Море разбушевалось такъ, что волнами курило даже до облаковъ; волны, какъ мячикомъ, играли нами, и бездна то отверзалась и угрожала поглотить, то новой силой подбрасывала насъ вверхъ, то вѣтромъ заносило насъ въ круговоротъ и кружило тамъ: все трещало; вотъ сейчасъ, думалъ я, все разлетится вдребезги. Я весь замеръ, ничего кромѣ гибели не видя передъ собою. А моряки, будучи не въ состояніи преодолѣть такую силу и изъ боязни быть выброшенными на скалы или на мели, срывали крылья—паруса и, надѣясь удержаться на мѣстѣ, пока не пройдетъ буря, выбрасывали какіе-то большіе желѣзные крюки, укрѣпленные на толстыхъ веревкахъ. Но все было напрасно. Однихъ, карабкавшихся по веревкамъ, какъ гусеницъ порывомъ вѣтра сбрасывало въ море, у другихъ же вырывало якоря и топило ихъ въ глубинахъ. Тогда корабль нашъ, оставленный безъ всякой обороны, подбрасывало какъ щепку по быстрому теченію. Теперь только дрогнуло сердце у этихъ желѣзныхъ своевольныхъ исполиновъ: они блѣднѣли, коченѣли, не знали, что дѣлать; тогда только они вспомнили о Богѣ и, сами простирая руки къ небу, призывали другихъ молиться. Корабль сталъ погружаться на дно морское и, наталкиваясь на подводныя скалы, трескался. Вода быстро полилась къ намъ; хотя приказано было черпать ее, какъ кто могъ, все было напрасно: она врывалась къ намъ и забирала насъ. Какой тутъ раздавался плачъ, крикъ и неслыханное рыданіе! Никто не видѣлъ ничего другого передъ собою кромѣ жестокой смерти. Но такъ какъ каждому жизнь дорога, то всякій хватался за что только могъ, за доски, за палки, лишь бы только спастись. И вотъ, когда, наконецъ, нашъ корабль совсѣмъ разомкнуло, и все у насъ потонуло, я ухватившись за что-то, съ другими очутился

на какомъ-то берегу, остальныхъ же поглотила страшная бездна. Очнувшись отъ страха, я началъ упрекать своихъ проводниковъ, что они подвергли меня такой опасности. „Это не бѣда, отвѣчали они, хорошо и то, что мы выбрались изъ воды, и падать духомъ ты не долженъ". „Конечно, не долженъ, но я во всю свою жизнь не позволю заманить себя на что-нибудь подобное."

18. Затѣмъ, оглядѣвшись, я увидѣлъ, что спасшіеся со мною люди опять бѣжали къ морю и снова садились на корабль. „Самонадѣянные люди, не сдобровать вамъ! сказалъ я, а самъ я и глядѣть больше не хочу на это". „Не всякій настолько избалованъ, возразилъ мой толковникъ; не худо, вѣдь, любезный другъ, имѣть состояніе, а ради его человѣкъ долженъ жертвовать и жизнью". „Развѣ я скотина, чтобы жить только для тѣла и губить свою жизнь? Даже скотина и та этого не дѣлаетъ. А человѣкъ, владѣя такимъ высокимъ достояніемъ, какъ душа, долженъ прежде всего заботиться о ея пользѣ и наслажденіи".

ГЛАВА 10.

Путникъ смотритъ сословіе ученыхъ.

„Ступай, сказалъ мнѣ мой проводникъ, я понимаю, куда тебя тянетъ. Съ тобою надо къ ученымъ! Ученые, вотъ для тебя приманка! тамъ легче, спокойнѣе, и для ума какая полезная жизнь!" „Дѣйствительно, прибавилъ толковникъ, что можетъ быть увлекательнѣе, когда человѣкъ, не утруждая своей плоти, занимается изслѣдованіемъ возвышенныхъ предметовъ? Здѣсь, поистинѣ, находишь то, что смертныхъ людей уподобляетъ и, такъ сказать, дѣлаетъ равными безсмерт-

ному Богу; они становятся всевѣдущими, дознаваясь опытомъ, что есть, было и будетъ на небѣ, на землѣ и въ преисподней; конечно, это достается не всѣмъ въ одинаковой степени совершенства".—„Ведите меня туда! Почему медлите?" сказалъ я.

2. Мы подошли къ воротамъ, называемымъ Disciplina—Наказаніе. У этихъ длинныхъ, узкихъ и темныхъ воротъ находилась вооруженная стража, которой каждый желавшій пройти въ эту улицу ученыхъ, долженъ былъ заявить о себѣ и просить свободнаго пропуска. Я видѣлъ, какъ приходили толпы людей, преимущественно молодыхъ, которые тотчасъ подвергались различнымъ терпкимъ испытаніямъ. Тамъ, первымъ долгомъ, провѣряли, какой у каждаго кошель, какой задокъ, какая голова, какой мозгъ (что по соплямъ судили) и какая шкура. Если голова была стальная съ мозгомъ изъ ртути, задокъ оловянный, шкура желѣзная и кошель золотой, одобряли и тотчасъ охотно вели дальше; если же у кого не оказывалось этихъ пяти данныхъ, то приказывали ему вернуться или, сомнѣваясь въ его успѣхѣ, такъ, на удачу, принимали его.—„Развѣ для нихъ такъ важны эти пять металловъ?" спросилъ я съ удивленіемъ. „Даже очень, говоритъ толковникъ, подумай самъ: если нѣтъ у когонибудь стальной головы, она у него лопнетъ; если не имѣетъ въ ней ртутевиднаго мозга, изъ него не будетъ имѣть зеркала; если нѣтъ у него оловяннаго сидѣнья, не высидитъ ничего, растеряетъ все; а безъ золотого кошелька, гдѣ набрать ему времени, гдѣ взять учителей живыхъ и мертвыхъ. Или ты, можетъ быть, думаешь, что такія великія вещи могутъ доставаться даромъ?" Я смекнулъ, куда онъ мѣтитъ, т. е., что въ это сословіе должно принести здоровье, умъ, постоянство, терпѣніе, и деньги, поэтому сказалъ: „Поистинѣ вѣрно го-

ворится: „Non cuivis contingit adire Corinthum“ — „Не откормить коня сухопараго, не отростить древа суховерхаго“.

3. И вступивши далѣе въ ворота, я замѣтилъ, что каждый изъ тѣхъ стражей, взявъ нѣсколькихъ или одного изъ подходившихъ, и, занявшись съ нимъ, дулъ ему что-то въ уши, протиралъ глаза, прочищалъ носъ и ноздри, вытягивалъ языкъ и прирѣзывалъ его, складывалъ и разставлялъ руки и пальцы и т. п. Нѣкоторые даже пытались просверливать головы и что-то туда вливать. Мой толковникъ, видя меня ужаснувшимся, сказалъ: „Не удивляйся! Ученые должны руки, глаза, уши, мозгъ и всѣ внутреннія и внѣшнія орудія чувства имѣть другими, чѣмъ глупая толпа простого народа; а здѣсь они преобразуются, и безъ труда и отвращенія этого быть не можетъ“. Въ то время я подумалъ, какъ дорого достается тѣмъ убогимъ это преобразованіе. Не говорю о кошелькѣ, но о шкурѣ, которая все это должна была вынести. Кулакъ, указка, прутъ, то-и-дѣло, мелькали то на лицѣ, то на лбу, то на спинѣ и т. д., даже кровь цѣдили, и всѣ почти подрядъ были покрыты рубцами, шрамами, синяками и мозолями. Поэтому многіе, чтобы не попасть въ руки тѣхъ, заглянувъ только въ ворота, отступали назадъ; другіе, вырвавшись изъ рукъ преобразователей, тоже бѣжали. Меньшее ихъ число, выдержавшихъ подобныя испытанія, было отпускаемо на вольное пространство; также и я, чувствуя тяготѣніе къ этому сословію, держалъ оное преобразованіе, хотя и не безъ трудностей и горечи.

4. Когда мы выходили изъ воротъ, я увидалъ, какъ всякаго, хоть немного пообточеннаго, снабжали клеймомъ, по которому могли бы узнать, что онъ принадлежитъ къ ученымъ: за поясъ чернильницу, за ухо перо и въ

руки пустую книгу для собиранія науки. Это я тоже получилъ. „Вотъ, говоритъ мнѣ Всевѣдъ, передъ нами распутіе четырехъ дорогъ: въ философію, медицину, юриспруденцію и богословіе. Куда же итти прежде?“— „А ты какъ думаешь?“ спросилъ я.—„Прежде зайдемъ на площадь, куда они всѣ собираются, чтобы посмотрѣть ихъ вкупѣ; потомъ будемъ ходить по разнымъ аудиторіямъ.“

5. И онъ провелъ меня на какую-то площадь, гдѣ были цѣлыя облака студентовъ, магистровъ, докторовъ . . . . людей молодыхъ и сѣдыхъ стариковъ. Одни изъ нихъ держались толпами, разговаривая и собесѣдуя другъ съ другомъ, иные жались по угламъ отъ глазъ другихъ. Нѣкоторые (что я хорошо прослѣдилъ, а чего тамъ не смѣлъ имъ говорить) имѣли глаза, но не имѣли языка, у другихъ былъ языкъ, а не было глазъ, у нѣкоторыхъ были только уши безъ глазъ и безъ языка и т. д. Однако и здѣсь встрѣчаются недостатки, подумалъ я. Замѣтивъ, что всѣ эти люди, выходя изъ какого-то зданія и возвращаясь въ него, какъ пчелы роились изъ улья въ улей, я вызвалъ проводниковъ пойти туда же.

6. Мы вошли. Передъ нами открылась большая зала, которой не было и конца! Сколько было въ ней по всѣмъ стѣнамъ полокъ, перегородокъ, шкатулокъ, ящиковъ и коробокъ, такъ что едва ли могли бы увезти все это на сотняхъ тысячъ телѣгъ, и все имѣло свою надпись и названіе. „Въ какую же мы это аптеку пришли?“ спросилъ я.—„Да, въ аптеку, говоритъ толковникъ, гдѣ хранятся лѣкарства отъ недуговъ мысли, она собственнымъ именемъ называется библіотекою. Ты только посмотри, какія тутъ неисчерпаемыя сокровища мудрости!“ Я удивляюсь, какое множество приходившихъ ученыхъ людей толпилось около этого добра. Одни,

выбирая самыя красивыя и самыя изысканныя коробки, по кусочку извлекали изъ нихъ, принимали внутрь и, не торопясь, разжевывали. Подошедши къ одному, я спросилъ, что онъ это дѣлаетъ? Онъ отвѣчалъ мнѣ: „Преуспѣваю“. „Каковъ въ этомъ вкусъ?“ спрашиваю я. „Пока это жуешь, чувствуется нѣкоторая горечь и кислота, потомъ дѣлается сладко“. „Для чего же все это?“—Онъ отвѣчалъ: „Я нахожу для себя удобнѣе носить это внутри, и оно безопаснѣе у меня.“ А ты развѣ пользы въ этомъ не видишь?“ Всматриваясь въ него, вижу его полнымъ, упитаннымъ, съ прекраснымъ цвѣтомъ лица; глаза у него свѣтились, какъ свѣчи, рѣчь была внимательная, и все при немъ оживлялось. „Посмотри, вотъ, тоже на другихъ!“ предлагалъ мнѣ толковникъ.

7. Я посмотрѣлъ, какъ нѣкоторые весьма жадно обращались съ этими предметами, все подрядъ пихая въ себя, что ни попадалось подъ руку. Однако, при тщательномъ разсматриваніи, я замѣтилъ, что у нихъ не прибавлялось ни цвѣта, ни тѣла, ни жиру, только одно брюхо вздувалось отъ переполненія, и все, что они напихали въ себя, опять извергали несваренными. Нѣкоторые изъ нихъ подвергались головокруженію и лишались чувствъ, а другіе блѣднѣли, сохли и помирали. Видя это прочіе, пальцемъ указывали другъ-другу на нихъ и предостерегали, какъ опасно обращаться съ книгами (такъ называли тѣ коробки), одни убѣгали прочь, иные умоляли товарищей осторожно обращаться съ ними. По этому совѣту одни изъ нихъ такихъ лѣкарствъ внутрь не принимали, но, обвязавъ себя мѣшками и сумками, наполняли ихъ коробками (болѣе всего такими, на которыхъ были надписи: Vocabularium (перечень именъ), Dictionarium (словарь), Lexicon, Promptuarium (кладовая памяти), Florilegium, Anthologia (цвѣтникъ)

Loci communes (замѣчательныя изреченія), Postilla (сборникъ проповѣдей), Concordantia (согласныя мѣста изъ св. писанія), Herbarium (травникъ) и т. д., что по своей части каждый для себя считалъ пригоднымъ, и всякій, снабженный такимъ образомъ, въ случаѣ надобности что-нибудь высказать или написать, вынималъ изъ своихъ мѣшковъ, набирая оттуда въ ротъ и перо. Обративъ на это вниманіе, я спросилъ: „Эти, должно быть, носятъ свою науку въ сумкахъ?“ „Это все пособія памяти“, пояснялъ толковникъ, развѣ ты не слыхалъ про нихъ?“ „Да, слышалъ, какъ нѣкоторые находили весьма удобнымъ выпускать въ свѣтъ только вылежалыя вещи.“ „Можетъ быть“, но въ этомъ замѣтилъ я и нѣкоторое неудобство. Въ мое присутствіе случилось, что одни потеряли свои коробки, а у другихъ вспыхнувшій огонь уничтожилъ весь запасъ, который они на время отложили въ сторону. Сколько было тогда бѣготни, горя и воплей о помощи. Никто не хотѣлъ болѣе держать диспуты, писать, проповѣдывать, но каждый, повѣсивъ голову, ходилъ, прятался и краснѣлъ отъ стыда и у кого могъ, просьбами и деньгами добывалъ себѣ потерянное; но люди съ собственнымъ запасцемъ внутри, конечно, могли не такъ бояться подобнаго приключенія.

8. Однако не всѣ укладывали эти коробки по карманамъ, но прятали ихъ куда-то въ комнатки, и я, вошедши за ними, увидалъ, какъ они для нихъ приготовляютъ хорошіе футляры, раскрашиваютъ ихъ разными красками, или обкладываютъ серебромъ и золотомъ, уставляютъ ихъ на полкахъ и по временамъ, вынимая ихъ, разглядываютъ, потомъ опять уставляютъ, вблизи и поодаль любуются ими, показывая другимъ, какъ прекрасно все это уставлено, не забывая заглянуть и въ оглавленія, чтобы другимъ умѣть ихъ назвать. „Не

играютъ ли они?“ спрашиваю я. „Любезный, отвѣчалъ мнѣ толковникъ, какъ прекрасно имѣть хорошую библіотеку!“—„Даже, если не пользуешься ею?“ переспросилъ я. „Вѣдь и тѣ, которые любятъ библіотеки, принадлежатъ къ числу ученыхъ“, отвѣтилъ мнѣ толковникъ.—„Да, подумалъ я про себя, это все равно, какъ тотъ, который имѣетъ груды молотовъ и клещей и, не умѣя ими пользоваться, причисляетъ себя къ кузнецамъ“. Однако этого я не рѣшился произнести, чтобы не получить чего-либо.

9. Войдя опять въ залу, я замѣтилъ, что тѣхъ аптекарскихъ сосудовъ все больше и больше прибываетъ со всѣхъ сторонъ. Откуда же ихъ носятъ? Оказывается, что изъ-за какой-то перегородки, за которой находилось множество токарей. Тамъ они—одинъ тщательнѣе другого и красивѣе—изготовляли такія коробки изъ дерева, изъ кости, изъ камней и разныхъ матеріаловъ, и, наполнивъ ихъ мазью или отваромъ, выпускали для общественной пользы.—„Вотъ люди, достойные похвалы и всеобщаго почета, говоритъ мнѣ толковникъ, за то, что они наивысшими благами оказываютъ пользу человѣчеству и ради преуспѣянія мудрости и науки не жалѣютъ своихъ трудовъ, своими цѣнными дарами дѣлясь съ своими ближними“. Захотѣлось мнѣ посмотрѣть, какимъ образомъ приготовляется то, что онъ мнѣ назвалъ „дарами мудрости“. Помню, видѣлъ я нѣсколько человѣкъ, отыскивавшихъ пахучіе коренья и травы; они ихъ рѣзали, растирали, варили, перегоняли и потомъ составляли превосходныя снадобья, отвары, сиропы и другія лѣкарства, полезныя для человѣческой жизни. Между тѣмъ цѣлыя сотни другихъ, какъ я видѣлъ, только выбирали изъ чужихъ коробокъ и наполняли свои. „Эти, должно быть, занимаются переливаніемъ воды?“ спросилъ я.—„И

такимъ путемъ размножается наука“, отвѣчалъ мнѣ толковникъ. „Развѣ нельзя одно и то же различными способами перестраивать; къ самымъ прекраснымъ вещамъ всегда можно что-нибудь прибавить и что-нибудь измѣнить въ нихъ“.—„И попортить тоже“, досказалъ я съ гнѣвомъ, видя въ этомъ явный подлогъ.— Иной, на самомъ дѣлѣ, добывъ чужую, наполненную лѣкарствомъ коробку, для наполненія своихъ, разбавлялъ, какъ могъ, хоть помоями; другой для густоты прибавлялъ туда всякой бурды, даже пыли и сору, лишь бы только растворъ показался новымъ. Надписи же дѣлали еще роскошнѣе первыхъ, безъ стѣснѣнія восхваляя каждый свое, по-шарлатански. Мнѣ становилось ужасно досадно за тѣхъ, которые разбирали это, не провѣривъ внутренняго содержанія, и все брали подрядъ безразлично; а если нѣкоторые и выбирали, то только по внѣшнему виду и по надписямъ. Тутъ мнѣ было ясно, отчего происходитъ у людей такой недостатокъ во внутренней свѣжести мысли; напротивъ, чѣмъ кто больше глоталъ этихъ лѣкарствъ, тѣмъ больше давился, блѣднѣлъ, увядалъ и хирѣлъ. Съ другой стороны я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ большой части тѣхъ чудныхъ снадобьевъ не было суждено попасть для человѣческаго пріема, и доставались они въ удѣлъ моли, червямъ, паукамъ и мухамъ, пыли и плѣсени и попадали въ темные чуланы и задніе углы.

Во избѣжаніе этого нѣкоторые, какъ только изготовили свое снадобье (даже до его изготовленія) по сосѣдямъ бѣгали, прося у нихъ предисловій, стиховъ, анаграммать (надписей); не медля отыскивали покровителей, съ просьбой одолжить бы для ихъ новой стряпни своего имени, своего кошелька, и, не задумываясь, дѣлали самыя красивыя надписи, прилагали различныя *гравюры* всевозможныхъ цвѣтовъ и сами разносили это

по людямъ и насильно разсовывали. Несмотря на все это, они не достигали успѣха, ибо подобныхъ вещей наплодилось чрезмѣрно много. Я жалѣлъ тѣхъ, кто, имѣя возможность пользоваться полнѣйшимъ покоемъ, предается этому шарлатанству, пороча свое имя, во вредъ ближнимъ. Когда я объ этомъ заявлялъ, навлекалъ на себя ненависть, какъ будто мѣшаю общественной пользѣ. О томъ уже умалчиваю, какъ нѣкоторые изготовляли эти конфекты изъ вещей просто ядовитыхъ. Такимъ образомъ продавалось столько же отравъ сколько и лѣкарствъ, и я съ прискорбіемъ смотрѣлъ на этотъ безпорядокъ, но исправить было его не кому.

10. Мы пошли опять на площадь ученыхъ. О, сколько тамъ было ссоры, раздоровъ, схватокъ и погони другъ за другомъ! Рѣдко тутъ у кого-нибудь не было тяжбы съ кѣмъ-нибудь инымъ; не только молодые (что можно было бы приписать незрѣлости), но и сами старики досаждали другъ-другу. Кто считалъ себя болѣе ученымъ, или другіе кого признавали такимъ, тѣмъ больше затѣвалъ онъ раздоровъ и на другихъ размахивался, металъ, стрѣлялъ, даже страшно было глядѣть, и вотъ такимъ-то путемъ онъ хотѣлъ снискать себѣ похвалы и извѣстности. И сказалъ я: „Ради Бога, скажите мнѣ, да что же это такое? По вашимъ словамъ я думалъ, что это самое спокойное сословіе, однако нахожу въ немъ такъ много раздоровъ!“ „Сынъ мой, ты этого не понимаешь, вѣдь это они изощряютъ свой умъ“, отвѣтилъ мнѣ толковникъ.—„Что?—изощряютъ? Какое это изощреніе, гдѣ столько ранъ, гнѣва и ярой ненависти! Вѣдь ничего подобнаго я не видалъ даже въ сословіи ремесленниковъ“. „Ничего нѣтъ удивительнаго, сказалъ онъ, у тѣхъ наука ремесленная, рабская, а у этихъ свободная. Чего не дозволяютъ однимъ, въ томъ для другихъ полная свобода“. „Но какъ это на-

зывать порядкомъ, не знаю“ сказалъ я. Правда, ихъ вооруженіе такъ на видъ ничуть не казалось страшнымъ. Копья, шпаги и кинжалы, которыми кололи другъ-друга, были кожаные, и они не держали ихъ въ рукѣ, а во рту. Стрѣлы были изъ трости и гусиныхъ перьевъ, которыя они заряжали порохомъ, разбавленнымъ водою, и метали другъ на друга посредствомъ бумажныхъ луковъ. Со стороны казалось это нисколько не страшнымъ, но видя, какъ тотъ, въ кого слегка попадало, содрогался, кричалъ, ежился и убѣгалъ, могъ я понять, что это не шутка, а заправскій бой. Если одному случалось подвергаться нападенію многихъ, то лязгъ непріятельскихъ мечей поражалъ его слухъ, и градъ бумажныхъ пуль осыпалъ его. Иной, храбро защищаясь, отстаивалъ себя въ этомъ бою, разгоняя всѣхъ своихъ противниковъ; другой, обезсиленный отъ ранъ, падалъ въ изнеможеніи. Необыкновенную жестокость, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, замѣчалъ я здѣсь: не только побитыхъ и раненыхъ не оставляли въ покоѣ, напротивъ, тѣмъ безжалостнѣе наносили имъ раны, каждый, охотнѣе доказывая свое геройство на томъ, кто не могъ ему болѣе сопротивляться. Правда, были и такіе, которые умѣреннѣе держались, но и тѣ не были чужды споровъ и недоразумѣній. Стоило кому-нибудь что-нибудь высказать, какъ другой тотчасъ шелъ на отпоръ, даже о снѣгѣ и то затѣвали споръ: бѣлый ли онъ или черный, горячій ли или холодный.

11. Иногда нѣкоторые вступали въ эти несогласія и совѣтовали помириться, что меня очень радовало. Ходили слухи, что всѣ распри должны быть улажены, вопросъ только въ томъ, кто возьмется за это дѣло. Должно, говорили мнѣ, съ согласія царицы Мудрости выбрать изъ всѣхъ сословій самыхъ свѣдущихъ людей, уполномочить ихъ выслушать тяжущіяся стороны и

рѣшить, гдѣ правда. Дѣйствительно, явилось не мало такихъ, которые должны были и хотѣли быть судьями, но гораздо больше собралось людей, имѣвшихъ, вслѣдствіе различія пониманія, какія-либо распри другъ съ другомъ. Въ ихъ числѣ я видѣлъ Аристотеля съ Платономъ, Цицерона съ Саллустіемъ, Скота съ Ѳомой Аквинскимъ, Бартола съ Балдомъ, Еразма съ Сорбонистами, Рама и Кампанеллу съ Перипатетиками, Коперника съ Птоломеемъ, Ѳеофраста съ Галеномъ, Гуса, Лютера и другихъ съ папой и іезуитами, Брентія съ Безою, Бодина съ Віеромъ, Слейдана съ Суріемъ, Шмидлинга съ Кальвинистами, Гомара съ Арминіемъ, Розовыхъ братьевъ съ философастрами (лжефилософами) и многихъ другихъ. Когда посредники велѣли имъ подать свои заявленія и жалобы, доводы и возраженія въ самыхъ короткихъ словахъ, то они нанесли такіе стоги книгъ, что для ихъ разсмотрѣнія мало было бы даже шести тысячъ лѣтъ; при томъ требовали, чтобы это сжатое обозрѣніе ихъ пониманія временно было принято за правило, а затѣмъ уже, смотря по надобности, каждому представлена была полная свобода подробно объяснять и защищать свое мнѣніе. Тутъ иные начали заглядывать въ эти книги, и каждый, выхвативъ оттуда что-нибудь, защищалъ это, и такимъ образомъ между высшими властями и самими посредниками возникали большія недоразумѣнія изъ того, что одинъ защищалъ одного, другой другого. Не сумѣвъ ничего рѣшить, судьи разбѣжались, а ученые опять вернулись къ своимъ распрямъ. Это мнѣ было до слезъ прискорбно.

ГЛАВА 11.

Путникъ пришелъ къ философамъ.

„Теперь я поведу тебя къ самимъ философамъ“, сказалъ мнѣ толковникъ. Занятіе ихъ состоитъ въ томъ,

чтобы отыскивать средства для исправленія человѣческихъ недуговъ и указывать, въ чемъ состоитъ истинная мудрость". „Богъ дастъ, здѣсь научусь чему-нибудь истинному, вѣрному!" воскликнулъ я.—„Конечно, это люди, постигающіе истину каждой вещи, безъ вѣдома которыхъ ни небо не можетъ дѣйствовать, ни бездна не можетъ ничего скрывать, они благородно направляютъ человѣческую жизнь къ добродѣтелямъ, они просвѣщаютъ общества и страны и своею мудростью, проникающей до Его тайнъ, дѣлаются друзьями самого Бога."—„Пойдемъ, пойдемъ къ нимъ немедля", просилъ я. И онъ провелъ меня къ нимъ. Каковъ былъ мой ужасъ, когда я увидѣлъ множество старцевъ, занятыхъ удивительными мелочами. И что же? Біонъ тихо посиживалъ, Анахарсій прохаживался, Ѳалетъ леталъ, Гесіодъ пахалъ, Платонъ въ воздухѣ ловилъ идеи, Омиръ пѣлъ, Аристотель разсуждалъ, Пиѳагоръ молчалъ, Епименидъ спалъ, Архимедъ отталкивалъ землю, Солонъ сочинялъ права и Галенъ рецепты, Евклидъ мѣрилъ залу, Клеобулъ изслѣдовалъ будущее, Періандръ распредѣлялъ обязанности, Питтакъ воевалъ, Віантъ просилъ милостыни, Епиктетъ служилъ, Сенека, сидя среди грудъ золота, восхвалялъ бѣдность, Сократъ каждому говорилъ про себя, что онъ самъ ничего не знаетъ, Ксенофонтъ, напротивъ, обѣщалъ каждаго всему научить, Діогенъ, выглядывая изъ бочки, бранилъ всѣхъ, проходившихъ мимо, Тимонъ злословилъ всѣхъ, Демокритъ смѣялся всему этому, Гераклитъ, напротивъ, плакалъ, Зенонъ постился, Епикуръ пировалъ, Анаксархъ говорилъ, что это все ничто, что это только такъ кажется намъ. Было и много другихъ, болѣе мелкихъ философиковъ, и каждый дѣлалъ что-нибудь особенное; всего этого я не запомнилъ да и припоминать мнѣ не хочется. Глядя на это, я сказалъ: „Неужели это и есть *тѣ мудрецы*, свѣтъ всего міра? Увы! я надѣялся увидѣть

другихъ! Вѣдь они тутъ, какъ холопы въ корчмѣ, каждый по своему воетъ!"—„Ты глупъ и не понимаешь сихъ тайнъ". Услышавъ, что это тайны, я хотѣлъ глубже поразмыслить о нихъ, между тѣмъ толковникъ самъ началъ мнѣ ихъ изъяснять. Но въ то время подошелъ ко мнѣ нѣкто, въ философскомъ одѣяніи (назывался Павломъ Тарсенскимъ) и шепнулъ мнѣ на ухо: „Аще кто мнится мудръ быти въ васъ въ вѣцѣ семъ, буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ. Премудрость бо міра сего буйство у Бога есть; писано бо есть: „Господь вѣсть помышленія человѣческа, яко суть суетна". (I Кор. 3, 18) *). Съ этими словами вполнѣ согласовалось все видѣнное и слышанное здѣсь; и я, удовлетворенный этимъ, сказалъ: „Пойдемъ куда-нибудь въ другое мѣсто". Мой толковникъ назвалъ меня безумнымъ и негодовалъ на меня, что я, имѣя возможность чему-нибудь научиться у мудрыхъ, бѣгу отъ нихъ. Но я молча шелъ дальше.

2. Вотъ вступили мы въ какую-то аудиторію, гдѣ было множество людей, молодыхъ и старыхъ, съ указками, расписывающихъ буквы, черточки, запятыя и точки; если одинъ написалъ, или произносилъ иначе, нежели другой, начинали смѣяться другъ надъ другомъ или ссориться. Потомъ по стѣнамъ развѣшивали слова и спорили, что чему соотвѣтствуетъ и т. д., складывая ихъ, разбирая и переставляя различнымъ образомъ. Ничего не видя въ этомъ кромѣ ребячества, я попросилъ итти далѣе.

3. Мы пошли въ другую залу, гдѣ стояло множество людей съ кистями въ рукахъ; они сговаривались, какъ можно было бы написанныя или на вѣтеръ

---

*) „Если кто изъ васъ думаетъ быть мудрымъ въ вѣкѣ семъ, тотъ будь безумнымъ, чтобъ быть мудрымъ. Ибо мудрость міра сего есть безуміе предъ Богомъ, какъ написано: „Господь знаетъ умствованія мудрецовъ, что они суетны."

пущенныя слова окрасить на зелено, на красно, па черно, на бѣло, смотря, кто какъ можетъ. „Для чего же это?“ спросилъ я.—„Чтобы слушающему такъ или иначе можно было окрасить мозгъ“, отвѣтили мнѣ.— „Для раскрашиванія истины или лжи употребляютъ такія красильныя средства?“—„Какъ придется“. „Оказывается, здѣсь столько же лжи и суеты, сколько истины и пользы“, сказалъ я, и вышелъ оттуда.

4. Въ слѣдующей залѣ мы видѣли толпу какихъ-то бойкихъ юношей, на вѣсахъ и на пальцахъ измѣряющихъ слоги и около этого пляшущихъ и прыгающихъ. „Что это такое?“ удивляюсь, а толковникъ говоритъ мнѣ: „Изъ всѣхъ искусствъ, происходящихъ изъ буквъ, это самое замысловатое и веселое“.—„Въ чемъ оно состоитъ?“ спрашиваю я.—„Чего нельзя достигнуть простымъ подборомъ и устроеніемъ словъ, то достигается этимъ собираніемъ ихъ въ складки“, отвѣтилъ онъ. Замѣтивъ, что они, учась такому складыванію словъ, заглядывали въ какія-то книги, заглянулъ и я туда и читалъ: De culice—на комара, De passere—на воробья, De Lesbia, De Priapo, De arte amandi—объ искусствѣ любви, Metamorphoses—превращенія, Encomia—похвалы, Satirae—вообще шутки, басни, любовныя затѣи и всякая необузданность. Сразу противно мнѣ стало это занятіе, тѣмъ болѣе, когда я узналъ, что эти словомѣры не жалѣли своего искусства на прославленіе своихъ льстецовъ, а напротивъ, не щадили насмѣшекъ на тѣхъ, кто не угодилъ имъ; такъ что этимъ искусствомъ пользовались для того только, чтобы польстить или ущипнуть. Я поспѣшилъ скорѣе покинуть этихъ страстныхъ людей.

5. Прошедши немного дальше, мы вступили въ другое зданіе, гдѣ дѣлали и продавали Perspicilla—

зрительныя стекла. „Что это такое?“ спрашиваю я.— „Это notiones secundae—высшія понятія“, отвѣтили мнѣ; обладая ими, человѣкъ все видитъ, не только на поверхности, но и внутри всякаго предмета, можетъ заглядывать въ мозгъ другого и разбираться въ его разсудкѣ“. Многіе приходили и покупали эти очки, получая наставленіе отъ мастеровъ, какъ ихъ направлять и какъ поворачивать. Эти мастера имѣли свои мастерскія по разнымъ угламъ, и очки они дѣлали не одинаковые. Одинъ дѣлалъ большіе, другой малые; одинъ круглые, другой угловатые, и каждый нахваливалъ свой товаръ и манилъ къ себѣ покупателей; но и здѣсь дѣло не обходилось безъ ссоры, каждый бросалъ другъ въ друга, чѣмъ попало. Иногда одинъ и тотъ же покупалъ у каждаго изъ нихъ по парѣ очковъ и всѣ ихъ понадѣвалъ себѣ на носъ, иной довольствовался только одними. Однако первые говорили, что при всемъ томъ не видать ясно вдаль, между тѣмъ какъ вторые увѣряли, что они видятъ очень хорошо и даже за умъ и за разумъ другого. Но самъ я видѣлъ, какъ многіе изъ нихъ, не успѣвъ сдѣлать шагу, падали, спотыкаясь о камни, чурбаны и ухабы (которыхъ, какъ я раньше упомянулъ, вездѣ было много). „Почему же они не сторонятся этихъ преткновеній, если увѣряютъ, что въ эти очки все видятъ хорошо?“ спросилъ я.—„Очки тутъ не при чемъ, отвѣтили мнѣ, виновенъ тотъ, кто не умѣетъ ими пользоваться“. А фабриканты очковъ возразили, что для хорошаго зрѣнія недостаточно имѣть одни очки діалектики, а требуется прочистить еще глаза яснымъ коллиріемъ или глазной мазью изъ физики и математики. Для этой цѣли должно отправиться въ другія аудиторіи. По этому указанію толпа раздѣлилась въ разныя стороны. Я было послѣдовалъ за ними и звалъ своихъ проводниковъ, но Всюдубудъ заставилъ меня прежде

тренности и свалилъ меня. Я (какъ и другіе, не привыкшіе къ этому состоянію) валяюсь, рычу, не знаю, что дѣлать; все во мнѣ расплывается и льется изъ меня, такъ что казалось мнѣ, что мы тутъ, на водѣ, совсѣмъ расплывемся какъ слизень на солнцѣ. Я сѣтовалъ на себя и на своихъ проводниковъ, не вѣря въ возможность остаться въ живыхъ, но вмѣсто состраданія отъ нихъ всѣхъ я получалъ насмѣшку. Они по опыту, конечно, знали (что мнѣ было неизвѣстно), что это состояніе не продолжится долго, развѣ какой-нибудь день. Такъ и случилось. Моя сила понемногу начала возвращаться, и я убѣдился, что яростное море такимъ образомъ только привѣтствовало меня.

15. Однако чтожъ? Болѣе тяжелыя событія не замедлили наступить. Вѣтеръ насъ оставилъ, наши крылья опустились, мы стоимъ, не будучи въ силахъ двинуться ни на шагъ. „Что это будетъ?", смутился я опять. Занесло насъ въ эти морскія пустыни. Увы! найдемъ ли выходъ отсюда? Увидимъ ли землю еще разъ? Земля, мать дорогая, ты наша матушка родная, гдѣ ты? Рыбамъ воду, а намъ тебя далъ намъ Богъ создатель. Рыбы благоразумно держатся своего жилища, а мы безразсудные покидаемъ свое. Если небо не придетъ къ намъ на помощь, вѣрно, намъ погибать въ этой печальной безднѣ". Такими скорбными мыслями не переставалъ мучиться мой духъ. Слышу, какъ моряки подняли крикъ. Я, выбѣжавъ, спрашиваю. „Что это?" „Вѣтеръ идетъ", кричали они. Смотрю, но ничего не вижу; а они все-таки распускаютъ свои рогожи. Онъ пришелъ, захватилъ насъ и понесъ опять, всѣмъ на радость, но не надолго.

16. Вѣтеръ поднялся опять съ такой силой, что кидалъ не только нами, но и всей бездной воды подъ нами, такъ что ужасъ охватилъ наше сердце. Море

взбушевалось, и такими волнами поднимало насъ то вверхъ то внизъ, что мы ходили какъ будто по высокимъ горамъ и глубокимъ долинамъ. Иногда выбрасывало насъ вверхъ такъ, что, казалось, мы могли рукою достать луну, а оттуда опять низвергало точно въ открытую пропасть. Казалось, что противная или боковая волна нахлынетъ и тотчасъ проглотитъ насъ; но она каждый разъ поднимала насъ снова; и такъ досчатый нашъ корабль, отбрасываемый отъ волны къ волнѣ, наклонялся то на правый бокъ то на лѣвый и носомъ направлялся въ гору или внизъ. Брызги летѣли то на насъ то чрезъ насъ, и мы, не будучи въ состояніи ни стоять ни лежать, перекидывались сбоку на бокъ, становясь то на ноги, то на голову. Голова у насъ кружилась и все опрокидывалось. Всякій можетъ посудить, сколько пришлось вытерпѣть страха и ужасовъ, если это продолжалось цѣлый день и ночь. Эти люди болѣе чѣмъ всѣ другіе въ мірѣ, подумалъ я, имѣютъ поводъ быть вѣрующими, жизнь ихъ не обезпечена ни на одинъ часъ. Слѣдя за ними, на сколько они проникнуты благочестіемъ, вижу, что они и теперь какъ будто въ корчмѣ, жрутъ, пьютъ, играютъ, хохочутъ, сквернословятъ, ругаются и распутничаютъ одинаково. Скорбя объ этомъ, я началъ ихъ увѣщевать и просить, чтобы они не забывали, гдѣ находятся, и, оставивши свое безчинство, воззвали бы къ Богу. Однако ничего не помогало. Одинъ осмѣялъ меня, другіе брюзжали на меня, третьи замахивались на меня, четвертые собирались выбросить меня. Мой Обманъ велѣлъ мнѣ молчать и вспомнить, что я гость въ чужомъ домѣ, гдѣ надо оставаться глухимъ и слѣпымъ. „Вѣдь невозможно, говорю я, чтобы это кончилось благополучно при такомъ поведеніи“. Тутъ они подняли смѣхъ. Видя такое безчинство, я долженъ былъ молчать, хотя въ страхѣ предчувствовалъ бѣду.

17. Между тѣмъ буря усилилась, и навстрѣчу намъ поднялся страшный вихрь. Море разбушевалось такъ, что волнами курило даже до облаковъ; волны, какъ мячикомъ, играли нами, и бездна то отверзалась и угрожала поглотить, то новой силой подбрасывала насъ вверхъ, то вѣтромъ заносило насъ въ круговоротъ и кружило тамъ: все трещало; вотъ сейчасъ, думалъ я, все разлетится вдребезги. Я весь замеръ, ничего кромѣ гибели не видя передъ собою. А моряки, будучи не въ состояніи преодолѣть такую силу и изъ боязни быть выброшенными на скалы или на мели, срывали крылья—паруса и, надѣясь удержаться на мѣстѣ, пока не пройдетъ буря, выбрасывали какіе-то большіе желѣзные крюки, укрѣпленные на толстыхъ веревкахъ. Но все было напрасно. Однихъ, карабкавшихся по веревкамъ, какъ гусеницъ порывомъ вѣтра сбрасывало въ море, у другихъ же вырывало якоря и топило ихъ въ глубинахъ. Тогда корабль нашъ, оставленный безъ всякой обороны, подбрасывало какъ щепку по быстрому теченію. Теперь только дрогнуло сердце у этихъ желѣзныхъ своевольныхъ исполиновъ: они блѣднѣли, коченѣли, не знали, что дѣлать; тогда только они вспомнили о Богѣ и, сами простирая руки къ небу, призывали другихъ молиться. Корабль сталъ погружаться на дно морское и, наталкиваясь на подводныя скалы, трескался. Вода быстро полилась къ намъ; хотя приказано было черпать ее, какъ кто могъ, все было напрасно: она врывалась къ намъ и забирала насъ. Какой тутъ раздавался плачъ, крикъ и неслыханное рыданіе! Никто не видѣлъ ничего другого передъ собою кромѣ жестокой смерти. Но такъ какъ каждому жизнь дорога, то всякій хватался за что только могъ, за доски, за палки, лишь бы только спастись. И вотъ, когда, наконецъ, нашъ корабль совсѣмъ разомкнуло, и все у насъ потонуло, я ухватившись за что-то, съ другими очутился

на какомъ-то берегу, остальныхъ же поглотила страшная бездна. Очнувшись отъ страха, я началъ упрекать своихъ проводниковъ, что они подвергли меня такой опасности. „Это не бѣда, отвѣчали они, хорошо и то, что мы выбрались изъ воды, и падать духомъ ты не долженъ". „Конечно, не долженъ, но я во всю свою жизнь не позволю заманить себя на что-нибудь подобное."

18. Затѣмъ, оглядѣвшись, я увидѣлъ, что спасшіеся со мною люди опять бѣжали къ морю и снова садились на корабль. „Самонадѣянные люди, не сдобровать вамъ! сказалъ я, а самъ я и глядѣть больше не хочу на это". „Не всякій настолько избалованъ, возразилъ мой толковникъ; не худо, вѣдь, любезный другъ, имѣть состояніе, а ради его человѣкъ долженъ жертвовать и жизнью". „Развѣ я скотина, чтобы жить только для тѣла и губить свою жизнь? Даже скотина и та этого не дѣлаетъ. А человѣкъ, владѣя такимъ высокимъ достояніемъ, какъ душа, долженъ прежде всего заботиться о ея пользѣ и наслажденіи".

ГЛАВА 10.

Путникъ смотритъ сословіе ученыхъ.

„Ступай, сказалъ мнѣ мой проводникъ, я понимаю, куда тебя тянетъ. Съ тобою надо къ ученымъ! Ученые, вотъ для тебя приманка! тамъ легче, спокойнѣе, и для ума какая полезная жизнь!" „Дѣйствительно, прибавилъ толковникъ, что можетъ быть увлекательнѣе, когда человѣкъ, не утруждая своей плоти, занимается изслѣдованіемъ возвышенныхъ предметовъ? Здѣсь, поистинѣ, находишь то, что смертныхъ людей уподобляетъ и, такъ сказать, дѣлаетъ равными безсмерт-

ному Богу; они становятся всевѣдущими, дознаваясь опытомъ, что есть, было и будетъ на небѣ, на землѣ и въ преисподней; конечно, это достается не всѣмъ въ одинаковой степени совершенства".—„Ведите меня туда! Почему медлите?" сказалъ я.

2. Мы подошли къ воротамъ, называемымъ Disciplina—Наказаніе. У этихъ длинныхъ, узкихъ и темныхъ воротъ находилась вооруженная стража, которой каждый желавшій пройти въ эту улицу ученыхъ, долженъ былъ заявить о себѣ и просить свободнаго пропуска. Я видѣлъ, какъ приходили толпы людей, преимущественно молодыхъ, которые тотчасъ подвергались различнымъ терпкимъ испытаніямъ. Тамъ, первымъ долгомъ, провѣряли, какой у каждаго кошель, какой задокъ, какая голова, какой мозгъ (что по соплямъ судили) и какая шкура. Если голова была стальная съ мозгомъ изъ ртути, задокъ оловянный, шкура желѣзная и кошель золотой, одобряли и тотчасъ охотно вели дальше; если же у кого не оказывалось этихъ пяти данныхъ, то приказывали ему вернуться или, сомнѣваясь въ его успѣхѣ, такъ, на удачу, принимали его.—„Развѣ для нихъ такъ важны эти пять металловъ?" спросилъ я съ удивленіемъ. „Даже очень, говоритъ толковникъ, подумай самъ: если нѣтъ у когонибудь стальной головы, она у него лопнетъ; если не имѣетъ въ ней ртутевиднаго мозга, изъ него не будетъ имѣть зеркала; если нѣтъ у него оловяннаго сидѣнья, не высидитъ ничего, растеряетъ все; а безъ золотого кошелька, гдѣ набрать ему времени, гдѣ взять учителей живыхъ и мертвыхъ. Или ты, можетъ быть, думаешь, что такія великія вещи могутъ доставаться даромъ?" Я смекнулъ, куда онъ мѣтитъ, т. е., что въ это сословіе должно принести здоровье, умъ, постоянство, терпѣніе, и деньги, поэтому сказалъ: „Поистинѣ вѣрно го-

ворится: „Non cuivis contingit adire Corinthum“ — „Не откормить коня сухопараго, не отростить древа суховерхаго“.

3. И вступивши далѣе въ ворота, я замѣтилъ, что каждый изъ тѣхъ стражей, взявъ нѣсколькихъ или одного изъ подходившихъ, и, занявшись съ нимъ, дулъ ему что-то въ уши, протиралъ глаза, прочищалъ носъ и ноздри, вытягивалъ языкъ и пририѣзывалъ его, складывалъ и разставлялъ руки и пальцы и т. п. Нѣкоторые даже пытались просверливать головы и что-то туда вливать. Мой толковникъ, видя меня ужаснувшимся, сказалъ: „Не удивляйся! Ученые должны руки, глаза, уши, мозгъ и всѣ внутреннія и внѣшнія орудія чувства имѣть другими, чѣмъ глупая толпа простого народа; а здѣсь они преобразуются, и безъ труда и отвращенія этого быть не можетъ“. Въ то время я подумалъ, какъ дорого достается тѣмъ убогимъ это преобразованіе. Не говорю о кошелькѣ, но о шкурѣ, которая все это должна была вынести. Кулакъ, указка, прутъ, то-и-дѣло, мелькали то на лицѣ, то на лбу, то на спинѣ и т. д., даже кровь цѣдили, и всѣ почти подрядъ были покрыты рубцами, шрамами, синяками и мозолями. Поэтому многіе, чтобы не попасть въ руки тѣхъ, заглянувъ только въ ворота, отступали назадъ; другіе, вырвавшись изъ рукъ преобразователей, тоже бѣжали. Меньшее ихъ число, выдержавшихъ подобныя испытанія, было отпускаемо на вольное пространство; также и я, чувствуя тяготѣніе къ этому сословію, держалъ оное преобразованіе, хотя и не безъ трудностей и горечи.

4. Когда мы выходили изъ воротъ, я увидалъ, какъ всякаго, хоть немного пообточеннаго, снабжали клеймомъ, по которому могли бы узнать, что онъ принадлежитъ къ ученымъ: за поясъ чернильницу, за ухо перо и въ

руки пустую книгу для собиранія науки. Это я тоже получилъ. „Вотъ, говоритъ мнѣ Всевѣдъ, передъ нами распутіе четырехъ дорогъ: въ философію, медицину, юриспруденцію и богословіе. Куда же итти прежде?"— „А ты какъ думаешь?" спросилъ я.—„Прежде зайдемъ на площадь, куда они всѣ собираются, чтобы посмотрѣть ихъ вкупѣ; потомъ будемъ ходить по разнымъ аудиторіямъ."

5. И онъ провелъ меня на какую-то площадь, гдѣ были цѣлыя облака студентовъ, магистровъ, докторовъ . . . . людей молодыхъ и сѣдыхъ стариковъ. Одни изъ нихъ держались толпами, разговаривая и собесѣдуя другъ съ другомъ, иные жались по угламъ отъ глазъ другихъ. Нѣкоторые (что я хорошо прослѣдилъ, а чего тамъ не смѣлъ имъ говорить) имѣли глаза, но не имѣли языка, у другихъ былъ языкъ, а не было глазъ, у нѣкоторыхъ были только уши безъ глазъ и безъ языка и т. д. Однако и здѣсь встрѣчаются недостатки, подумалъ я. Замѣтивъ, что всѣ эти люди, выходя изъ какого-то зданія и возвращаясь въ него, какъ пчелы роились изъ улья въ улей, я вызвалъ проводниковъ пойти туда же.

6. Мы вошли. Передъ нами открылась большая зала, которой не было и конца! Сколько было въ ней по всѣмъ стѣнамъ полокъ, перегородокъ, шкатулокъ, ящиковъ и коробокъ, такъ что едва ли могли бы увезти все это на сотняхъ тысячъ телѣгъ, и все имѣло свою надпись и названіе. „Въ какую же мы это аптеку пришли?" спросилъ я.—„Да, въ аптеку, говоритъ толковникъ, гдѣ хранятся лѣкарства отъ недуговъ мысли, она собственнымъ именемъ называется библіотекою. Ты только посмотри, какія тутъ неисчерпаемыя сокровища мудрости!" Я удивляюсь, какое множество приходившихъ ученыхъ людей толпилось около этого добра. Одни,

выбирая самыя красивыя и самыя изысканныя коробки, по кусочку извлекали изъ нихъ, принимали внутрь и, не торопясь, разжевывали. Подошедши къ одному, я спросилъ, что онъ это дѣлаетъ? Онъ отвѣчалъ мнѣ: „Преуспѣваю". „Каковъ въ этомъ вкусъ?" спрашиваю я. „Пока это жуешь, чувствуется нѣкоторая горечь и кислота, потомъ дѣлается сладко". „Для чего же все это?"—Онъ отвѣчалъ: „Я нахожу для себя удобнѣе носить это внутри, и оно безопаснѣе у меня." А ты развѣ пользы въ этомъ не видишь?" Всматриваясь въ него, вижу его полнымъ, упитаннымъ, съ прекраснымъ цвѣтомъ лица; глаза у него свѣтились, какъ свѣчи, рѣчь была внимательная, и все при немъ оживлялось. „Посмотри, вотъ, тоже на другихъ!" предлагалъ мнѣ толковникъ.

7. Я посмотрѣлъ, какъ нѣкоторые весьма жадно обращались съ этими предметами, все сподрядъ пихая въ себя, что ни попадалось подъ руку. Однако, при тщательномъ разсматриванiи, я замѣтилъ, что у нихъ не прибавлялось ни цвѣта, ни тѣла, ни жиру, только одно брюхо вздувалось отъ переполненiя, и все, что они напихали въ себя, опять извергали несваренными. Нѣкоторые изъ нихъ подвергались головокруженiю и лишались чувствъ, а другiе блѣднѣли, сохли и помирали. Видя это прочiе, пальцемъ указывали другъ-другу на нихъ и предостерегали, какъ опасно обращаться съ книгами (такъ называли тѣ коробки), одни убѣгали прочь, иные умоляли товарищей осторожно обращаться съ ними. По этому совѣту одни изъ нихъ такихъ лѣкарствъ внутрь не принимали, но, обвязавъ себя мѣшками и сумками, наполняли ихъ коробками (болѣе всего такими, на которыхъ были надписи: Vocabularium (перечень именъ), Dictionarium (словарь), Lexicon, Promptuarium (кладовая памяти), Florilegium, Anthologia (цвѣтникъ)

Loci communes (замѣчательныя изреченія), Postilla (сборникъ проповѣдей), Concordantia (согласныя мѣста изъ св. писанія), Herbarium (травникъ) и т. д., что по своей части каждый для себя считалъ пригоднымъ, и всякій, снабженный такимъ образомъ, въ случаѣ надобности что-нибудь высказать или написать, вынималъ изъ своихъ мѣшковъ, набирая оттуда въ ротъ и перо. Обративъ на это вниманіе, я спросилъ: „Эти, должно быть, носятъ свою науку въ сумкахъ?“ „Это все пособія памяти“, пояснялъ толковникъ, развѣ ты не слыхалъ про нихъ?“ „Да, слышалъ, какъ нѣкоторые находили весьма удобнымъ выпускать въ свѣтъ только вылежалыя вещи.“ „Можетъ быть“, но въ этомъ замѣтилъ я и нѣкоторое неудобство. Въ мое присутствіе случилось, что одни потеряли свои коробки, а у другихъ вспыхнувшій огонь уничтожилъ весь запасъ, который они на время отложили въ сторону. Сколько было тогда бѣготни, горя и воплей о помощи. Никто не хотѣлъ болѣе держать диспуты, писать, проповѣдывать, но каждый, повѣсивъ голову, ходилъ, прятался и краснѣлъ отъ стыда и у кого могъ, просьбами и деньгами добывалъ себѣ потерянное; но люди съ собственнымъ запасцемъ внутри, конечно, могли не такъ бояться подобнаго приключенія.

8. Однако не всѣ укладывали эти коробки по карманамъ, но прятали ихъ куда-то въ комнатки, и я, вошедши за ними, увидалъ, какъ они для нихъ приготовляютъ хорошіе футляры, раскрашиваютъ ихъ разными красками, или обкладываютъ серебромъ и золотомъ, уставляютъ ихъ на полкахъ и по временамъ, вынимая ихъ, разглядываютъ, потомъ опять уставляютъ, вблизи и поодаль любуются ими, показывая другимъ, какъ прекрасно все это уставлено, не забывая заглянуть и въ оглавленія, чтобы другимъ умѣть ихъ назвать. „Не

играютъ ли они?“ спрашиваю я. „Любезный, отвѣчалъ мнѣ толковникъ, какъ прекрасно имѣть хорошую библіотеку!“—„Даже, если не пользуешься ею?“ переспросилъ я. „Вѣдь и тѣ, которые любятъ библіотеки, принадлежатъ къ числу ученыхъ“, отвѣтилъ мнѣ толковникъ.—„Да, подумалъ я про себя, это все равно, какъ тотъ, который имѣетъ груды молотовъ и клещей и, не умѣя ими пользоваться, причисляетъ себя къ кузнецамъ“. Однако этого я не рѣшился произнести, чтобы не получить чего-либо.

9. Войдя опять въ залу, я замѣтилъ, что тѣхъ аптекарскихъ сосудовъ все больше и больше прибываетъ со всѣхъ сторонъ. Откуда же ихъ носятъ? Оказывается, что изъ-за какой-то перегородки, за которой находилось множество токарей. Тамъ они—одинъ тщательнѣе другого и красивѣе—изготовляли такія коробки изъ дерева, изъ кости, изъ камней и разныхъ матеріаловъ, и, наполнивъ ихъ мазью или отваромъ, выпускали для общественной пользы.—„Вотъ люди, достойные похвалы и всеобщаго почета, говоритъ мнѣ толковникъ, за то, что они наивысшими благами оказываютъ пользу человѣчеству и ради преуспѣянія мудрости и науки не жалѣютъ своихъ трудовъ, своими цѣнными дарами дѣлясь съ своими ближними“. Захотѣлось мнѣ посмотрѣть, какимъ образомъ приготовляется то, что онъ мнѣ назвалъ „дарами мудрости“. Помню, видѣлъ я нѣсколько человѣкъ, отыскивавшихъ пахучіе коренья и травы; они ихъ рѣзали, растирали, варили, перегоняли и потомъ составляли превосходныя снадобья, отвары, сиропы и другія лѣкарства, полезныя для человѣческой жизни. Между тѣмъ цѣлыя сотни другихъ, какъ я видѣлъ, только выбирали изъ чужихъ коробокъ и наполняли свои. „Эти, должно быть, занимаются переливаніемъ воды?“ спросилъ я.—„И

такимъ путемъ размножается наука", отвѣчалъ мнѣ толковникъ. „Развѣ нельзя одно и то же различными способами перестраивать; къ самымъ прекраснымъ вещамъ всегда можно что-нибудь прибавить и что-нибудь измѣнить въ нихъ".—„И попортить тоже", досказалъ я съ гнѣвомъ, видя въ этомъ явный подлогъ.—Иной, на самомъ дѣлѣ, добывъ чужую, наполненную лѣкарствомъ коробку, для наполненія своихъ, разбавлялъ, какъ могъ, хоть помоями; другой для густоты прибавлялъ туда всякой бурды, даже пыли и сору, лишь бы только растворъ показался новымъ. Надписи же дѣлали еще роскошнѣе первыхъ, безъ стѣснѣнія восхваляя каждый свое, по-шарлатански. Мнѣ становилось ужасно досадно за тѣхъ, которые разбирали это, не провѣривъ внутренняго содержанія, и все брали подрядъ безразлично; а если нѣкоторые и выбирали, то только по внѣшнему виду и по надписямъ. Тутъ мнѣ было ясно, отчего происходитъ у людей такой недостатокъ во внутренней свѣжести мысли; напротивъ, чѣмъ кто больше глоталъ этихъ лѣкарствъ, тѣмъ больше давился, блѣднѣлъ, увядалъ и хирѣлъ. Съ другой стороны я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ большой части тѣхъ чудныхъ снадобьевъ не было суждено попасть для человѣческаго пріема, и доставались они въ удѣлъ моли, червямъ, паукамъ и мухамъ, пыли и плѣсени и попадали въ темные чуланы и задніе углы.

Во избѣжаніе этого нѣкоторые, какъ только изготовили свое снадобье (даже до его изготовленія) по сосѣдямъ бѣгали, прося у нихъ предисловій, стиховъ, анаграммать (надписей); не медля отыскивали покровителей, съ просьбой одолжить бы для ихъ новой стряпни своего имени, своего кошелька, и, не задумываясь, дѣлали самыя красивыя надписи, прилагали различныя гравюры всевозможныхъ цвѣтовъ и сами разносили это

по людямъ и насильно разсовывали. Несмотря на все это, они не достигали успѣха, ибо подобныхъ вещей наплодилось чрезмѣрно много. Я жалѣлъ тѣхъ, кто, имѣя возможность пользоваться полнѣйшимъ покоемъ, предается этому шарлатанству, пороча свое имя, во вредъ ближнимъ. Когда я объ этомъ заявлялъ, навлекалъ на себя ненависть, какъ будто мѣшаю общественной пользѣ. О томъ уже умалчиваю, какъ нѣкоторые изготовляли эти конфекты изъ вещей просто ядовитыхъ. Такимъ образомъ продавалось столько же отравъ сколько и лѣкарствъ, и я съ прискорбіемъ смотрѣлъ на этотъ безпорядокъ, но исправить было его не кому.

10. Мы пошли опять на площадь ученыхъ. О, сколько тамъ было ссоры, раздоровъ, схватокъ и погони другъ за другомъ! Рѣдко тутъ у кого-нибудь не было тяжбы съ кѣмъ-нибудь инымъ; не только молодые (что можно было бы приписать незрѣлости), но и сами старики досаждали другъ-другу. Кто считалъ себя болѣе ученымъ, или другіе кого признавали такимъ, тѣмъ больше затѣвалъ онъ раздоровъ и на другихъ размахивался, металъ, стрѣлялъ, даже страшно было глядѣть, и вотъ такимъ-то путемъ онъ хотѣлъ снискать себѣ похвалы и извѣстности. И сказалъ я: „Ради Бога, скажите мнѣ, да что же это такое? По вашимъ словамъ я думалъ, что это самое спокойное сословіе, однако нахожу въ немъ такъ много раздоровъ!“ „Сынъ мой, ты этого не понимаешь, вѣдь это они изощряютъ свой умъ“, отвѣтилъ мнѣ толковникъ.—„Что?—изощряютъ? Какое это изощреніе, гдѣ столько ранъ, гнѣва и ярой ненависти! Вѣдь ничего подобнаго я не видалъ даже въ сословіи ремесленниковъ“. „Ничего нѣтъ удивительнаго, сказалъ онъ, у тѣхъ наука ремесленная, рабская, а у этихъ свободная. Чего не дозволяютъ однимъ, въ томъ для другихъ полная свобода“. „Но какъ это на-

зывать порядкомъ, не знаю“ сказалъ я. Правда, ихъ вооруженіе такъ на видъ ничуть не казалось страшнымъ. Копья, шпаги и кинжалы, которыми кололи другъ-друга, были кожаные, и они не держали ихъ въ рукѣ, а во рту. Стрѣлы были изъ трости и гусиныхъ перьевъ, которыя они заряжали порохомъ, разбавленнымъ водою, и метали другъ на друга посредствомъ бумажныхъ луковъ. Со стороны казалось это нисколько не страшнымъ, но видя, какъ тотъ, въ кого слегка попадало, содрогался, кричалъ, ежился и убѣгалъ, могъ я понять, что это не шутка, а заправскій бой. Если одному случалось подвергаться нападенію многихъ, то лязгъ непріятельскихъ мечей поражалъ его слухъ, и градъ бумажныхъ пуль осыпалъ его. Иной, храбро защищаясь, отстаивалъ себя въ этомъ бою, разгоняя всѣхъ своихъ противниковъ; другой, обезсиленный отъ ранъ, падалъ въ изнеможеніи. Необыкновенную жестокость, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, замѣчалъ я здѣсь: не только побитыхъ и раненыхъ не оставляли въ покоѣ, напротивъ, тѣмъ безжалостнѣе наносили имъ раны, каждый, охотнѣе доказывая свое геройство на томъ, кто не могъ ему болѣе сопротивляться. Правда, были и такіе, которые умѣреннѣе держались, но и тѣ не были чужды споровъ и недоразумѣній. Стоило кому-нибудь что-нибудь высказать, какъ другой тотчасъ шелъ на отпоръ, даже о снѣгѣ и то затѣвали споръ: бѣлый ли онъ или черный, горячій ли или холодный.

11. Иногда нѣкоторые вступали въ эти несогласія и совѣтовали помириться, что меня очень радовало. Ходили слухи, что всѣ распри должны быть улажены, вопросъ только въ томъ, кто возьмется за это дѣло. Должно, говорили мнѣ, съ согласія царицы Мудрости выбрать изъ всѣхъ сословій самыхъ свѣдущихъ людей, уполномочить ихъ выслушать тяжущіяся стороны и

рѣшить, гдѣ правда. Дѣйствительно, явилось не мало такихъ, которые должны были и хотѣли быть судьями, но гораздо больше собралось людей, имѣвшихъ, вслѣдствіе различія пониманія, какія-либо распри другъ съ другомъ. Въ ихъ числѣ я видѣлъ Аристотеля съ Платономъ, Цицерона съ Саллустіемъ, Скота съ Ѳомой Аквинскимъ, Бартола съ Балдомъ, Еразма съ Сорбонистами, Рама и Кампанеллу съ Перипатетиками, Коперника съ Птоломеемъ, Ѳеофраста съ Галеномъ, Гуса, Лютера и другихъ съ папой и іезуитами, Брентія съ Безою, Бодина съ Віеромъ, Слейдана съ Суріемъ, Шмидлинга съ Кальвинистами, Гомара съ Арминіемъ, Розовыхъ братьевъ съ философастрами (лжефилософами) и многихъ другихъ. Когда посредники велѣли имъ подать свои заявленія и жалобы, доводы и возраженія въ самыхъ короткихъ словахъ, то они нанесли такіе стоги книгъ, что для ихъ разсмотрѣнія мало было бы даже шести тысячъ лѣтъ; при томъ требовали, чтобы это сжатое обозрѣніе ихъ пониманія временно было принято за правило, а затѣмъ уже, смотря по надобности, каждому представлена была полная свобода подробно объяснять и защищать свое мнѣніе. Тутъ иные начали заглядывать въ эти книги, и каждый, выхвативъ оттуда что-нибудь, защищалъ это, и такимъ образомъ между высшими властями и самими посредниками возникали большія недоразумѣнія изъ того, что одинъ защищалъ одного, другой другого. Не сумѣвъ ничего рѣшить, судьи разбѣжались, а ученые опять вернулись къ своимъ распрямъ. Это мнѣ было до слезъ прискорбно.

ГЛАВА 11.

Путникъ пришелъ къ философамъ.

„Теперь я поведу тебя къ самимъ философамъ“, сказалъ мнѣ толковникъ. Занятіе ихъ состоитъ въ томъ,

чтобы отыскивать средства для исправленія человѣческихъ недуговъ и указывать, въ чемъ состоитъ истинная мудрость". „Богъ дастъ, здѣсь научусь чему-нибудь истинному, вѣрному!" воскликнулъ я.—„Конечно, это люди, постигающіе истину каждой вещи, безъ вѣдома которыхъ ни небо не можетъ дѣйствовать, ни бездна не можетъ ничего скрывать, они благородно направляютъ человѣческую жизнь къ добродѣтелямъ, они просвѣщаютъ общества и страны и своею мудростью, проникающей до Его тайнъ, дѣлаются друзьями самого Бога."—„Пойдемъ, пойдемъ къ нимъ немедля", просилъ я. И онъ провелъ меня къ нимъ. Каковъ былъ мой ужасъ, когда я увидѣлъ множество старцевъ, занятыхъ удивительными мелочами. И что же? Біонъ тихо посиживалъ, Анахарсій прохаживался, Ѳалетъ леталъ, Гесіодъ пахалъ, Платонъ въ воздухѣ ловилъ идеи, Омиръ пѣлъ, Аристотель разсуждалъ, Пиѳагоръ молчалъ, Епименидъ спалъ, Архимедъ отталкивалъ землю, Солонъ сочинялъ права и Галенъ рецепты, Евклидъ мѣрилъ залу, Клеобулъ изслѣдовалъ будущее, Періандръ распредѣлялъ обязанности, Питтакъ воевалъ, Віантъ просилъ милостыни, Епиктетъ служилъ, Сенека, сидя среди грудъ золота, восхвалялъ бѣдность, Сократъ каждому говорилъ про себя, что онъ самъ ничего не знаетъ, Ксенофонтъ, напротивъ, обѣщалъ каждаго всему научить, Діогенъ, выглядывая изъ бочки, бранилъ всѣхъ, проходившихъ мимо, Тимонъ злословилъ всѣхъ, Демокритъ смѣялся всему этому, Гераклитъ, напротивъ, плакалъ, Зенонъ постился, Епикуръ пировалъ, Анаксархъ говорилъ, что это все ничто, что это только такъ кажется намъ. Было и много другихъ, болѣе мелкихъ философиковъ, и каждый дѣлалъ что-нибудь особенное; всего этого я не запомнилъ да и припоминать мнѣ не хочется. Глядя на это, я сказалъ: „Неужели это и есть тѣ мудрецы, свѣтъ всего міра? Увы! я надѣялся увидѣть

другихъ! Вѣдь они тутъ, какъ холопы въ корчмѣ, каждый по своему воетъ!“—„Ты глупъ и не понимаешь сихъ тайнъ“. Услышавъ, что это тайны, я хотѣлъ глубже поразмыслить о нихъ, между тѣмъ толковникъ самъ началъ мнѣ ихъ изъяснять. Но въ то время подошелъ ко мнѣ нѣкто, въ философскомъ одѣяніи (назывался Павломъ Тарсенскимъ) и шепнулъ мнѣ на ухо: „Аще кто мнится мудръ быти въ васъ въ вѣцѣ семъ, буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ. Премудрость бо міра сего буйство у Бога есть; писано бо есть: „Господь вѣсть помышленія человѣческа, яко суть суетна“. (I Кор. 3, 18) *). Съ этими словами вполнѣ согласовалось все видѣнное и слышанное здѣсь; и я, удовлетворенный этимъ, сказалъ: „Пойдемъ куда-нибудь въ другое мѣсто“. Мой толковникъ назвалъ меня безумнымъ и негодовалъ на меня, что я, имѣя возможность чему-нибудь научиться у мудрыхъ, бѣгу отъ нихъ. Но я молча шелъ дальше.

2. Вотъ вступили мы въ какую-то аудиторію, гдѣ было множество людей, молодыхъ и старыхъ, съ указками, расписывающихъ буквы, черточки, запятыя и точки; если одинъ написалъ, или произносилъ иначе, нежели другой, начинали смѣяться другъ надъ другомъ или ссориться. Потомъ по стѣнамъ развѣшивали слова и спорили, что чему соотвѣтствуетъ и т. д., складывая ихъ, разбирая и переставляя различнымъ образомъ. Ничего не видя въ этомъ кромѣ ребячества, я попросилъ итти далѣе.

3. Мы пошли въ другую залу, гдѣ стояло множество людей съ кистями въ рукахъ; они сговаривались, какъ можно было бы написанныя или на вѣтеръ

*) „Если кто изъ васъ думаетъ быть мудрымъ въ вѣкѣ семъ, тотъ будь безумнымъ, чтобъ быть мудрымъ. Ибо мудрость міра сего есть безуміе предъ Богомъ, какъ написано: „Господь знаетъ умствованія мудрецовъ, что они суетны.“

пущенныя слова окрасить на зелено, на красно, на черно, на бѣло, смотря, кто какъ можетъ. „Для чего же это?“ спросилъ я.—„Чтобы слушающему такъ или иначе можно было окрасить мозгъ“, отвѣтили мнѣ.— „Для раскрашиванія истины или лжи употребляютъ такія красильныя средства?“—„Какъ придется“. „Оказывается, здѣсь столько же лжи и суеты, сколько истины и пользы“, сказалъ я, и вышелъ оттуда.

4. Въ слѣдующей залѣ мы видѣли толпу какихъ-то бойкихъ юношей, на вѣсахъ и на пальцахъ измѣряющихъ слоги и около этого пляшущихъ и прыгающихъ. „Что это такое?“ удивляюсь, а толковникъ говоритъ мнѣ: „Изъ всѣхъ искусствъ, происходящихъ изъ буквъ, это самое замысловатое и веселое“.—„Въ чемъ оно состоитъ?“ спрашиваю я.—„Чего нельзя достигнуть простымъ подборомъ и устроеніемъ словъ, то достигается этимъ собираніемъ ихъ въ складки“, отвѣтилъ онъ. Замѣтивъ, что они, учась такому складыванію словъ, заглядывали въ какія-то книги, заглянулъ и я туда и читалъ: De culice—на комара, De passere—на воробья, De Lesbia, De Priapo, De arte amandi—объ искусствѣ любви, Metamorrhoses—превращенія, Encomia—похвалы, Satirae—вообще шутки, басни, любовныя затѣи и всякая необузданность. Сразу противно мнѣ стало это занятіе, тѣмъ болѣе, когда я узналъ, что эти словомѣры не жалѣли своего искусства на прославленіе своихъ льстецовъ, а напротивъ, не щадили насмѣшекъ на тѣхъ, кто не угодилъ имъ; такъ что этимъ искусствомъ пользовались для того только, чтобы польстить или ущипнуть. Я поспѣшилъ скорѣе покинуть этихъ страстныхъ людей.

5. Прошедши немного дальше, мы вступили въ другое зданіе, гдѣ дѣлали и продавали Perspicilla—

зрительныя стекла. „Что это такое?“ спрашиваю я.— „Это notiones secundae—высшія понятія“, отвѣтили мнѣ; обладая ими, человѣкъ все видитъ, не только на поверхности, но и внутри всякаго предмета, можетъ заглядывать въ мозгъ другого и разбираться въ его разсудкѣ“. Многіе приходили и покупали эти очки, получая наставленіе отъ мастеровъ, какъ ихъ направлять и какъ поворачивать. Эти мастера имѣли свои мастерскія по разнымъ угламъ, и очки они дѣлали не одинаковые. Одинъ дѣлалъ большіе, другой малые; одинъ круглые, другой угловатые, и каждый нахваливалъ свой товаръ и манилъ къ себѣ покупателей; но и здѣсь дѣло не обходилось безъ ссоры, каждый бросалъ другъ въ друга, чѣмъ попало. Иногда одинъ и тотъ же покупалъ у каждаго изъ нихъ по парѣ очковъ и всѣ ихъ понадѣвалъ себѣ на носъ, иной довольствовался только одними. Однако первые говорили, что при всемъ томъ не видать ясно вдаль, между тѣмъ какъ вторые увѣряли, что они видятъ очень хорошо и даже за умъ и за разумъ другого. Но самъ я видѣлъ, какъ многіе изъ нихъ, не успѣвъ сдѣлать шагу, падали, спотыкаясь о камни, чурбаны и ухабы (которыхъ, какъ я раньше упомянулъ, вездѣ было много). „Почему же они не сторонятся этихъ преткновеній, если увѣряютъ, что въ эти очки все видятъ хорошо?“ спросилъ я.—„Очки тутъ не при чемъ, отвѣтили мнѣ, виновенъ тотъ, кто не умѣетъ ими пользоваться“. А фабриканты очковъ возразили, что для хорошаго зрѣнія недостаточно имѣть одни очки діалектики, а требуется прочистить еще глаза яснымъ коллиріемъ или глазной мазью изъ физики и математики. Для этой цѣли должно отправиться въ другія аудиторіи. По этому указанію толпа раздѣлилась въ разныя стороны. Я было послѣдовалъ за ними и звалъ своихъ проводниковъ, но Всюдубудъ заставилъ меня прежде

2. Выслушивая ихъ такимъ образомъ, онъ каждому прилѣплялъ на лобъ различные титулы: „Сій есть магистръ свободныхъ искусствъ, сій докторъ медицины, сій лиценціатъ обоихъ правъ“ и т. д., и, прикрѣпивъ печатью, приказывалъ всѣмъ присутствующимъ и отсутствующимъ, подъ немилостью богини Паллады, при встрѣчѣ съ ними не величать ихъ иначе. Послѣ чего всѣ разошлись. Я спросилъ: „Будетъ ли еще что?“ „Чего жъ тебѣ еще недостаетъ?“ говоритъ толковникъ, или не видишь, какъ всѣ даютъ имъ дорогу.“ Дѣйствительно, всѣ уступали имъ.

3. Все-таки я пожелалъ видѣть, что дальше выйдетъ изъ нихъ, и сталъ наблюдать за однимъ изъ магистровъ такихъ наукъ; ему предложили что-то счесть, онъ не сумѣлъ; велѣли мѣрить, не зналъ; велѣли звѣзды называть, не умѣлъ; велѣли дѣлать силлогизмы, отказался; велѣли на чужихъ языкахъ говорить, не умѣлъ; велѣли говорить рѣчь на своемъ языкѣ, не умѣлъ; велѣли, наконецъ, читать и писать, не сумѣлъ. „Какой грѣхъ, сказалъ я, расписываться магистромъ семи искусствъ и не знать ни одного!“ „Чтожъ изъ этого? Если не знаетъ одинъ, знаетъ другой, третій, четвертый, вѣдь не вездѣ же можетъ быть полно“, отвѣтилъ толковникъ. „Теперь я понимаю, сказалъ я, что человѣка, весь свой вѣкъ пробывшаго въ школѣ, потратившаго на это свое имѣніе, все-таки и по привѣшаніи титуловъ и печатей нужно еще спросить: научился ли онъ чему-нибудь? Избави Богъ отъ такого порядка!“— „Ты не перестанешь умничать, говоритъ онъ, пока чего-нибудь не наживешь себѣ. Болтай! Клянусь, не пройдетъ это тебѣ даромъ.“—„Такъ пусть слывутъ они магистрами и докторами хоть семидесяти семи искусствъ и знаютъ всѣ науки или ни одной, но я больше объ этомъ ничего не хочу говорить; лучше пойдемте отсюда.“

ревьевъ, камней, а тамъ дальше были вода, огонь, облака, звѣзды и планеты и даже ангелы. Философы разсуждали, нельзя ли у каждаго изъ этихъ созданій отнять его отличительный признакъ и сдѣлать всѣхъ похожими. Для этого они отнимали отъ каждаго сперва видъ, или форму, потомъ выдѣляли вещество или матерію, наконецъ отнимали всѣ случайныя примѣты, пока не получалось отъ каждаго простое Ens—Естество. Тогда начинали препираться, всѣ ли эти вещи одно и то же, всѣ ли хороши, всѣ ли дѣйствительно то, чѣмъ онѣ представляются, и подобныхъ вопросовъ задавали другъ-другу не мало. Нѣкоторые, наблюдая за ними, удивлялись, какъ высоко поднялся человѣческій умъ, что можетъ постигнуть и уразумѣть всякую сущность и умѣетъ отрѣшить тѣлесность всѣхъ вещественныхъ предметовъ, и мнѣ самому начали нравиться эти научныя тонкости. Но вдругъ выступилъ одинъ изъ ихъ среды, и, все это назвавъ мечтаніемъ, совѣтовалъ лучше оставить такой разборъ; многихъ увлекъ за собою. Прочіе возставали, объявляя первыхъ еретиками за то, что они хотятъ отнять отъ философіи высшую науку, какъ главу всѣхъ другихъ наукъ. Наслушавшись этихъ пререканій, я поспѣшилъ удалиться.

8. Тѣмъ временемъ идемъ и попадаемъ къ какимъ-то людямъ, которые, стоя въ залѣ, наполненной цифрами, разбирались въ нихъ. Одни, набирая изъ общей кучи, раскладывали ихъ; другіе, сгребая горстью, укладывали въ кучки; одни, отнимая по части, сносили въ одно, а иные это же самое дѣлили и разносили снова. Для меня показалась очень удивительною эта работа; между тѣмъ какъ они увѣряли, что во всей философіи нѣтъ болѣе точной, болѣе истинной науки; тутъ ничего не можетъ недоставать, ничего исчезнуть и ничего не можетъ быть съ избыткомъ. „На что же это?“

искусство?“ спросилъ я. Они подивились моему невѣжеству и начали наперерывъ разсказывать мнѣ чудеса, напр., одинъ утверждалъ, что скажетъ сразу, сколько гусей летитъ въ стаѣ, не считая ихъ; другой скажетъ мнѣ, во сколько часовъ опорожнится бассейнъ пятью трубами; третій скажетъ, сколько грошей у меня въ кошелькѣ, не заглядывая въ него, и т. д., даже нашелся одинъ, который отважился составить исчисленіе песчинокъ морскихъ, и о томъ тотчасъ же написалъ книгу (Архимедъ). Другой по его примѣру (но съ бо́льшей точностью) сталъ считать летающую на солнцѣ пыль (Евклидъ). Я былъ въ ужасѣ, они же, стараясь довести меня до пониманія, показывали свои правила: Trium—тройное правило, Societatis—правило товарищества, Alligationis—правило смѣшенія, Falsi—правило ложныхъ положеній, которыя я понялъ кое-какъ. Но когда они хотѣли меня ввести въ самую заднюю залу, которая называлась Algebra, или Косса, я, увидѣвъ издали цѣлую кучу какихъ-то скобокъ и крючковъ, едва не подвергся головокруженію, и, закрывъ глаза, просилъ ихъ вывести меня.

9. Надъ другой аудиторіей, къ которой мы подошли, было написано: Оудеіс агеометретос еісіто *). Остановившись, я спросилъ: „Можно ли будетъ намъ туда войти, если впускаютъ только геометровъ“. „Ничего, иди“, сказалъ Всюдубудъ. Тамъ находилось много людей; каждый изъ нихъ чертилъ про себя линіи, скобы, кресты, круги, четыреугольники, точки. Потомъ подходили и показывали другъ-другу: одинъ замѣчалъ, что слѣдуетъ быть иначе, а другой то же самое одобрялъ, отчего происходили несогласія. Если кому-нибудь удавалось найти какую-нибудь новую линію или дугу, онъ

*) Входъ разрѣшается знающимъ геометрію.

этой работой. Разсказывали мнѣ, что на вѣтвяхъ этого дерева подъ землею растутъ всякаго рода превосходные плоды, которыхъ добываютъ тѣ кроткіе и трудолюбивые звѣрки. „Вотъ это и есть основа сей религіи", сказалъ Всевѣдъ. Я догадался, что устои ея—на крыльяхъ воображенія, а цѣль ея и плодъ—рыться въ землѣ и тѣшить себя невидимыми наслажденіями тамъ, гдѣ они не растутъ, и слѣпо искать, не зная чего.

5. Вышедъ оттуда, я спрашивалъ проводника: „Чѣмъ же они доказываютъ истину и правоту основанія своей религіи?"—„Пойди и посмотри самъ", отвѣтилъ онъ мнѣ. И мы вышли на площадь за храмомъ, гдѣ эти, въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, умытые люди, засучивая рукава, сверкая глазами, кусая губы и страшно ревя, бѣгали, рубили саблей встрѣчнаго и полоскались въ его крови. Я въ ужасѣ бѣжалъ назадъ.—„Что же это они дѣлаютъ?" спрашивалъ я.—„Они ведутъ собесѣдованія о религіи и доказываютъ, что алкоранъ истинная книга", пояснилъ Обманъ.

6. Мы возвратились опять во храмъ. Здѣсь среди тѣхъ, которые носили расписанную доску съ деревомъ, происходилъ споръ о верховномъ кротѣ, какъ я при томъ понялъ. Одни утверждали, что онъ одинъ управляетъ тѣми мелкими землеройками; другіе говорили, что у него два помощника. Изъ-за этого у нихъ возникъ такой непримиримый споръ, что пренія, къ ужасу всѣхъ, между ними доходили до меча и огня, какъ и съ другими внѣ храма.

ГЛАВЫ: 18, 19, 20, 21. *

ГЛАВА 22.

Путникъ попалъ къ журналистамъ.

Когда мы подвигались къ воротамъ, на слѣдующей площади, по лѣвой сторонѣ я увидалъ толпу людей.

и подобныя орудія, и всѣ занимались измѣреніемъ и взвѣшиваніемъ. Одни мѣрили залу, и у каждаго получалось свое измѣреніе, отчего ссорились и снова провѣряли. Другіе измѣряли тѣнь въ длину, ширину, въ толщину, а третьи вѣсили ее на вѣсахъ. Всѣ увѣряли, что ничего нѣтъ въ мірѣ и кромѣ міра, чего бы они не могли измѣрить. Видя въ этомъ занятіи больше тщеславія, чѣмъ надобности, я, кивнувъ головою, вышелъ оттуда.

12. Въ той залѣ, въ которую мы вступили, слышалось много музыки и пѣнія, бряцанія и шума отъ различныхъ инструментовъ. Присутствующіе, находясь около нихъ, осматривали ихъ со всѣхъ сторонъ, заглядывали и прикладывали ухо, желая постигнуть звуки, что съ чѣмъ было созвучно, въ какомъ направленіи, почему такъ и не иначе звучитъ. Одни изъ нихъ съ восторгомъ объявляли, будто нашли это созвучіе, въ которомъ есть нѣчто божественное и непостижимая тайна; другіе съ большой охотою спѣшили разобрать, сложить, переложить это. Однако у одного изъ тысячи едва удавалось; другіе только глядѣли. А если кто другой пытался приложить тоже свою руку, то скрипѣло, не лучше моего. Замѣтивъ, что многіе почтенные люди считали это игрушкою и тратой времени, пошелъ и я оттуда.

13. По лѣстницѣ привелъ меня Всюдубудъ на какіе-то балконы, гдѣ я увидѣлъ множество людей, дѣлающихъ лѣстницы и приставляющихъ ихъ къ облакамъ; здѣсь они лазали вверхъ, хватали звѣзды, протягивали къ нимъ веревки, правила, гири, циркули и мѣрили пути ихъ вращенья. Я подивился человѣческой отважности, какъ люди рѣшаются тянуться даже до неба и звѣздамъ давать законы. Это замѣчательное

искусство было мнѣ по вкусу, и я самъ усердно принялся за него. Но, позанявшись имъ. я убѣдился, что звѣзды не такъ кружились, какъ астрономы подпѣвали. Да и сами они жаловались то на anomalitatem coeli— неправильность неба, пытаясь все-таки различными способами привести ихъ въ порядокъ, то мѣняли ихъ мѣста, нѣкоторыя изъ звѣздъ срывая и помѣщая на землю, или землю сажая вверхъ, посреди нихъ: словомъ всячески строили ипотезы (предположенія) и ничего не удавалось имъ.

14. Поэтому нѣкоторые считали лишнимъ лазать на высоту, а только наблюдали снизу, къ чему та или другая звѣзда приготовлялась, и, построивъ треугольники, квадранты, секстили, конъюнкціи, оппозиціи и другіе аспекты, объявляли (то всенародно, то частнымъ образомъ) извѣстнымъ лицамъ ихъ будущее счастье и несчастье, предсказывали рожденіе, писали гаданія и пускали ихъ въ народъ. Нерѣдко этимъ предсказаніемъ возбуждали въ людяхъ боязнь и страхъ, иногда радость; но многіе, не обращая на это никакого вниманія, бросали предсказанія въ уголъ, обзывали ихъ самихъ звѣздолжецами, говоря, что и безъ гаданій могутъ они досыта наѣсться, напиться и выспаться. Если только искусство само по себѣ истинно, то зачѣмъ обращать вниманіе на постороннее сужденіе. Но чѣмъ больше я углублялся въ него, тѣмъ меньше истины я ждалъ отъ него; если предсказанію случалось сбываться разъ, зато пять разъ приходилось терпѣть неудачу. Сообразивъ такимъ путемъ, что нетрудно гадать даже безъ звѣздъ, если угадываніе встрѣчаетъ похвалу, а ошибка извиненіе, я счелъ напраснымъ здѣсь долѣе задерживаться.

15. Оттуда мы вышли на одну площадь, гдѣ стояло много людей съ какими-то кривыми, гнутыми тру-

него, не зналъ, откуда сыпалось на его голову. Да и обращаться съ самими свирѣлями не совсѣмъ было безопасно. Такъ какъ тѣ звуки не для всякаго уха были одинаковы, оттого не разъ возникали недоразумѣнія и ссоры. Подобный случай встрѣтился и сомною. Доставъ одну пріятно звучащую свирѣль, я предложилъ ее своему другу, но посторонніе, перехвативъ ее, бросили на земь и затоптали, упрекая меня, что я распространяю такія вещи. Видя, какъ бѣшено они возмущены противъ меня, я долженъ былъ бѣжать. Мои проводники давно обѣщали мнѣ показать замокъ Фортуны, и мы направились къ нему.

ГЛАВА 23.

Путникъ обозрѣваетъ замокъ Фортуны и прежде всего доступъ къ нему.

Когда мы подошли къ желанному замку Счастья, видно было, какъ со всѣхъ улицъ города стекаются сюда толпы народа, обступаютъ его кругомъ и ищутъ, какимъ бы путемъ подняться вверхъ. Въ замокъ вели единственныя, по высокимъ ступенямъ и тѣсныя ворота, но они были полуразрушены, завалены мусоромъ и заросля терніемъ; они, по преданію, назывались „добродѣтелью.“ Мнѣ говорили, что въ былыя времена это были единственныя ворота, ведущія къ замку Счастья, но потомъ они какимъ-то образомъ скоро подверглись разрушенію; люди понадѣлали для себя внизу другихъ меньшихъ входовъ, забросивъ главныя ворота по ихъ недоступности и неудобству.

2. Итакъ, пробивъ стѣны, съ обѣихъ сторонъ воротъ, люди надѣлали себѣ входовъ, надъ которыми я прочиталъ такія надписи: Лицемѣріе, Ложь, Лесть, Порокъ, Ловкость, Насиліе и т. д. Когда я сталъ вслухъ

Regnum—Владычество и т. д., и съ противной стороны: Superbia—Гордость, Gula—Обжорство, Libido—Сластолюбіе, Discordia—Раздоръ, Tyrannis—Самовластіе, и т. д. Философы, съ своей стороны просили, увѣщевали всѣхъ посѣтителей любоваться хорошими изображеніями, презирать дурныя, восхваляя первыя и порицая вторыя. Это мнѣ очень понравилось. „Наконецъ-то я нашелъ людей съ занятіемъ, достойнымъ ихъ рода!“ воскликнулъ я. Между тѣмъ, сами эти любезные увѣщатели больше какъ-то липли къ уродливымъ изображеніямъ, и, нисколько не стѣсняясь, сами страстно любовались ими; а прочіе люди, видя это, слѣдовали ихъ примѣру, любезничали, шутили и забавлялись съ этими уродами. „Здѣсь люди (какъ Есоповъ волкъ сказалъ) говорятъ одно, а дѣлаютъ другое!“ воскликнулъ я съ гнѣвомъ. „Что хвалятъ уста, отъ того далека ихъ мысль, и что претитъ языку, къ тому льнетъ ихъ сердце“. „А ты, вѣроятно, искалъ между ними ангеловъ?“ напустился на меня толковникъ. Понравится ли тебѣ когда что-нибудь? Вездѣ видишь порокъ“. Я поникъ головою и молчалъ, тѣмъ болѣе, что прочіе, замѣтивъ, что я наблюдаю за ними, стали не любезно поглядывать на меня. Я вышелъ, покинувъ ихъ.

ГЛАВА 12.

Путникъ смотритъ алхимію.

„Пойдемъ, теперь я покажу тебѣ верхъ человѣческаго остроумія—самое прелестное занятіе! оно даетъ душѣ благороднѣйшее наслажденіе, кто разъ предастся ему, во всю жизнь не оставитъ его“. Съ такими словами обратился ко мнѣ Всюдубудъ. Я попросилъ его поспѣшить указать мнѣ это. Онъ привелъ меня въ какіе-то погреба; тамъ по нѣскольку въ рядъ стояли

горны, печи, котлы и много стеклянной посуды: все кругомъ блестѣло. Люди же носили туда и подкладывали хворостъ, раздували, потомъ опять тушили и что-то постоянно наливали и разливали. „Кто они такіе и чѣмъ занимаются?“ спросилъ я. „Это самые остроумные философы, которые довершаютъ то, чего небесное солнце своимъ жаромъ въ нѣдрахъ земли не можетъ произвести въ нѣсколько вѣковъ: они перегоняютъ всякіе металлы въ самую высшую степень, то есть въ золото“, пояснилъ мнѣ проводникъ. „Для чего же это?“ спросилъ я. „Вѣдь желѣза и другихъ металловъ требуется больше, нежели золота“. „Какой ты неразсудительный, сказалъ онъ, вѣдь золото—самая цѣнная вещь; имѣя его, человѣкъ не боится бѣдности“.

2. „Сверхъ того, средство, которымъ они превращаютъ металлы въ золото, имѣетъ и ту удивительную силу, что въ цѣлости сохраняетъ человѣческое здоровье до самой смерти, даже не допускаетъ смерти въ теченіе двухъ или трехъ вѣковъ; а тотъ, который умѣетъ имъ пользоваться, можетъ сдѣлать себя даже безсмертнымъ. Это ихъ средство называется философскій камень, lapis philosophicus, и есть ничто иное, какъ ядро жизни, суть и основаніе всего міра; изъ него бытіе свое получаютъ животныя, растенія, металлы да и самые элементы“. Я испугался этихъ чудесныхъ дѣйствій и переспросилъ: „Такъ, значитъ, они безсмертны?“—„Не всѣмъ, конечно, удается найти это, отвѣтилъ онъ, но которые находятъ, не всегда умѣютъ съ нимъ обращаться“. „Если бы только у меня былъ этотъ камень, сказалъ я, я бы научился обращаться съ нимъ, чтобы смерть не могла подступить ко мнѣ, и золота надѣлалъ бы вдоволь для себя и для другихъ. Гдѣ же получается этотъ камень?“ „Вотъ здѣсь его приготовляютъ!“ указалъ онъ мнѣ. „Въ этихъ котелкахъ?“ „Да.“

3. Тутъ я началъ съ большимъ любопытствомъ слѣдить за всѣмъ, что и какъ дѣлалось у нихъ. Однако я замѣтилъ, что не у всѣхъ одинаково удавалось это дѣло: одинъ изъ нихъ развелъ слишкомъ слабый огонь и не могъ доварить, другой—слишкомъ пылкій огонь, такъ что лопались сосуды, и насъ чѣмъ-то обдавало. Оказалось, что у него вылеталъ азотъ, о чемъ онъ горько плакалъ. Третій, переливая изъ посуды въ посуду, проливалъ или смѣшивалъ неровно. У иного дымомъ выѣдало глаза, такъ что онъ не могъ наблюдать за кальцинаціей (перекалкою) и фиксаціей, или, если дымъ попадалъ въ глаза, тѣмъ временемъ, какъ онъ ихъ протиралъ, улетучивался у него азотъ. Были и такіе, которые и совсѣмъ умирали отъ дыму. У большинства же не хватало углей въ ихъ мѣшкахъ, они должны были просить у другихъ, а пока бѣгали, все остывало и пропадало. Такихъ приключеній было достаточно; неудачи повторялись весьма часто, и хотя въ свою среду они не допускали всякаго, а только того, у кого въ мѣшкѣ былъ запасъ, но этотъ запасъ у каждаго очень скоро расходовался, и онъ по необходимости долженъ былъ или оставить всѣ свои опыты, или бѣжать къ другому займовать.

4. „Трудящихся напрасно здѣсь много, но не вижу ни одного, которому удалось бы найти философскій камень," сказалъ я при всѣхъ. „Люди вывариваютъ золото и выгоняютъ жизнь, а у нихъ и золото и жизнь прогараетъ. А гдѣ же безсмертные, гдѣ люди, скопившіе груды золота?" „Они во всякомъ случаѣ тебѣ не покажутся, и я бы тоже не совѣтовалъ. Такую драгоцѣнность должно хранить въ тайнѣ. Иначе, если бы одинъ изъ владыкъ міра сего только узналъ о комънибудь изъ нихъ, онъ захотѣлъ бы всегда держать его при себѣ, и тогда онъ долженъ былъ бы оставаться

на всю жизнь узникомъ. Оттого-то и должны они укрываться", убѣждалъ меня проводникъ.

5. Въ то время нѣкоторые изъ тѣхъ пригорѣлыхъ, собравшись, доискивались причины своихъ неудачъ. Одинъ обвинялъ философовъ за то, что они слишкомъ запутанно описываютъ это искусство, другой жаловался на хрупкость стеклянныхъ сосудовъ, третій указывалъ на несвоевременные и неблагопріятные аспекты или виды планетъ, четвертый сердился на земныя мутныя примѣсы меркурія (ртути), пятый жаловался на недостатокъ средствъ. Оказывалось причинъ такъ много, что они не знали, какъ помочь своему искусству. И вотъ одинъ за другимъ потянулись къ выходу, и я направился туда же.

ГЛАВА 13.

Путникъ смотритъ Розе-Круціевъ *).

Вышедши на площадь, я увидалъ разъѣзжающаго на конѣ всадника, трубнымъ звукомъ созывающаго всѣхъ философовъ. Отовсюду видно было, какъ стали стекаться они толпою, и когда были на мѣстѣ, онъ началъ имъ повѣствовать на пяти языкахъ о несовершенствѣ свободныхъ искусствъ и всей философіи и какъ нѣкоторые великіе люди, предназначенные на это самимъ Богомъ, уже изслѣдовали всѣ такіе недостатки, пополнили человѣческую мудрость и привели ее на ту степень, на которой она была въ раю до грѣхопаденія. Дѣлать золото—для нихъ это послѣдняя статья, потому что вся природа для нихъ открыта и ясна; они могутъ даже у какого-либо существа отнять его видъ или придать ему другой, когда захотятъ. Они знаютъ языки всѣхъ народовъ; знаютъ, что происходитъ по всему пространству земли и на новомъ свѣтѣ; знаютъ все и

*) Розовое Братство, въ 1612 г. основанное въ Германіи.

другъ съ другомъ могутъ разговаривать на разстояніи даже тысячи миль. Они, говорятъ, имѣютъ камень и имъ исцѣляютъ всякія болѣзни и могутъ давать долговѣчность. Говорятъ, ихъ настоятель Уго Алверда, прожилъ 562 года, а товарищи немногимъ меньше. Они втайнѣ трудились нѣсколько столѣтій надъ исправленіемъ философіи,—ихъ только семеро—теперь же, когда все доведено ими до совершенства и, по ихъ мнѣнію, наступаетъ пора преобразованія всего міра, долѣе они скрываться не хотятъ; напротивъ, открыто заявляютъ всѣмъ, что съ каждымъ, достойнымъ ихъ, они готовы дѣлиться своими великими тайнами. Всякій, заявляющій имъ о себѣ на какомъ угодно языкѣ и изъ какого угодно народа не будетъ оставленъ безъ любезнаго отвѣта. Недостойный человѣкъ, только изъ алчности и любопытства желающій имѣть дѣло съ ними, никогда ничего не узнаетъ.

2. Объявивъ это, глашатый исчезъ. Видно было, какъ всѣ ученые были встревожены этимъ извѣстіемъ. Они, потупивъ свои взоры, стали дѣлиться по кучкамъ и разсуждать объ этомъ то на ухо, то вслухъ. Подойдя къ нимъ, я сталъ прислушиваться: одни, чрезмѣрно восхищаясь, не знали, куда дѣваться отъ радости, и жалѣли предковъ, что на ихъ долю не выпала подобная радость; они чувствовали себя счастливѣйшими, имѣя теперь такую усовершенствованную философію, которая дѣлаетъ возможнымъ все познать, имѣть всего вдоволь, по желанію, прожить нѣсколько столѣтій безъ болѣзни и сѣдинъ. „О, счастливый, счастливый нашъ вѣкъ!“ восклицали они многократно. Слушая ихъ, мнѣ самому становилось веселѣе: „Богъ дастъ, и я получу то, чего другіе такъ жаждутъ“. Однако иные даже очень задумывались, какъ понимать это. Если оказалось бы истиною то, о чемъ проповѣдывалось, то было бы чему

радоваться, но это превосходило и затемняло ихъ разумъ. Другіе, открыто возражая, называли это обманомъ, говоря: „Если они существуютъ столько вѣковъ, почему не явились раньше? Если они увѣрены во всемъ этомъ, почему смѣло не выступили въ свѣтъ, а какъ нетопыри свистятъ откуда-то изъ угла.“ „Философія такъ хорошо поставлена, утверждали они, что не нуждается ни въ какихъ преобразованіяхъ, а если выпустить ее изъ своихъ рукъ, то, значитъ, совсѣмъ лишиться ея.“ Наконецъ, иные страшно ругали ихъ и проклинали, называя ихъ вѣщунами, чародѣями и воплощенными діаволами.

3. На площади все шумѣло, каждый горѣлъ желаніемъ представиться имъ. Многіе подавали прошенія (одни тайно, другіе явно), радуясь заранѣе, что и они будутъ приняты въ это общество. Но я видѣлъ, что прошеніе, побывавъ вездѣ, возвращалось къ каждому безъ отвѣта, и прежнюю надежду смѣняла тоска, а у людей, не довѣрявшихъ, встрѣчали насмѣшки. Нѣкоторые повторяли свои прошенія по нѣскольку разъ черезъ всѣхъ Музъ. Всякій, какъ только могъ и умѣлъ, просилъ, даже заклиналъ не отвергать душъ, жаждущихъ науки. Одни изъ нихъ отъ нетерпѣнія сами бѣгали по всему міру и жаловались на свое несчастье, что не могутъ найти тѣхъ счастливыхъ людей. Одинъ обвинялъ себя въ своей непригодности, другой обвинялъ первыхъ; одинъ отчаивался, другой тревожился въ погонѣ за ними. Не видя этому конца, я въ смущеніи ушелъ.

4. Вдругъ опять раздался звукъ трубы, народъ побѣжалъ, и я за нимъ. Вижу человѣка, который, уставляя свою лавку, зазывалъ людей къ осмотру и покупкѣ чудесныхъ тайнъ изъ сокровищъ новой философіи, удовлетворяющихъ всѣхъ жаждущихъ сокровенной

мудрости. Всѣ радовались, что святое Розовое братство дѣлится явно и щедро своими сокровищами; многіе спѣшили и покупали. То, что продавалось, находилось въ коробкахъ съ красивыми надписями: Porta Sapientiae Врата мудрости, Fortalitium scientiae—Крѣпость науки, Gymnasium universitatis—Школа всѣхъ предметовъ, Bonum macromicrocosmicon—Благо міра, въ большомъ и маломъ, Harmonia utriusque cosmi—Согласіе обоихъ міровъ, Christiano-cabalisticum — Загадки христіанства, Antrum naturae—Пещера природы, Arx primaterialis—Крѣпость исконнаго бытья, Divine-magicum—Божественная магія, Tertrinum catholicum—Трижды тройное каѳоличество, Pyramis Triumphalis—Пирамида побѣдоносснаго торжества, Аллилуія, и т. д. Купившему запрещалось открывать покупку, ибо сила этой тайны, говорили они, дѣйствуетъ проникновеніемъ; въ противномъ случаѣ она могла бы улетучиться. Тѣмъ не менѣе любопытные неудерживались; открывъ и найдя свои коробки пустыми, указывали другимъ, и тѣ, открывъ тоже и не найдя въ нихъ ничего, съ неистовымъ крикомъ обращались къ продавцу: Обманъ, обманъ! но онъ ихъ успокаивалъ, называя это величайшей тайной, никѣмъ незримой развѣ только сынами науки (filiis scientiae), чего сподобляется одинъ изъ тысячи, но тутъ онъ не при чемъ.

5. Почти всѣ этимъ успокоились. Онъ исчезъ, и зрители съ различнымъ настроеніемъ духа расходились по разнымъ сторонамъ, а я до сихъ поръ не могу знать, проникъ ли кто-нибудь въ эти тайны или нѣтъ. Только то знаю, что послѣ всего этого какъ-то стихло, особенно, которые прежде болѣе всѣхъ суетились и домогались высокихъ тайнъ, они теперь съ зажатымъ ртомъ разсѣлись всѣ по разнымъ угламъ; можетъ быть, ихъ уже посвятили въ тайны общества (какъ многіе объ этомъ догадывались), и они должны были дать клятву

молчать, или же (какъ мнѣ казалось, глядѣвшему изъ-подъ очковъ) имъ стыдно было за свою надежду и свой потраченный трудъ. Итакъ все это расходилось и стихало, какъ послѣ бури, когда тучи расходятся безъ дождя. „Такъ, должно быть изъ всего этого, ровно ничего не выйдетъ? Увы, мои надежды! А я въ ожиданіи такихъ утѣшеній радовался, что здѣсь обрѣту пригодную пищу для своего ума!"—такъ жаловался я своимъ провожатымъ.— „А кто знаетъ?" отвѣтилъ мнѣ толковникъ: „Это еще можетъ сбыться. Можетъ быть не пришелъ еще часъ, когда имъ суждено явиться?" „Неужели мнѣ здѣсь выжидать? сказалъ я, когда столькимъ тысячамъ, болѣе меня ученыхъ людей не представлялось встрѣчать такого счастливаго примѣра. Далѣе глядѣть я не хочу на это. Пойдемъ отсюда".

ГЛАВА 14.

Путникъ смотритъ медицину.

Отъ физической и химической аудиторіи проводники повели меня по какимъ-то закоулкамъ на другую площадь, гдѣ представилось мнѣ ужасное зрѣлище. Здѣсь распяли человѣка, и, отрѣзывая у него членъ по члену, рылись во всѣхъ его внутренностяхъ, съ удовольствіемъ показывая другъ-другу гдѣ что нашли. „Какая это жестокость, обращаться съ человѣкомъ, какъ со скотомъ!" воскликнулъ я. „Это такъ должно быть" отвѣтилъ мнѣ толковникъ—это ихъ школа".

2. Потомъ, оставивъ это, разбѣжались по огородамъ, лугамъ, полямъ и горамъ собирать всевозможныя растенія, и черезъ нѣсколько времени нанесли всего этого такія груды, только разобрать и осмотрѣть которыя потребовалось бы много лѣтъ. И вотъ каждый, схвативъ изъ той груды, что ему показалось, или что

попадалось, бѣжалъ съ этимъ къ распростертому тѣлу, и, натягивая на его суставы, примѣрялъ въ длину, въ ширину и въ толщину. Одинъ находилъ это пригоднымъ, другой нѣтъ; шли изъ-за этого громкія препирательства, да и съ названіями тѣхъ травъ выходили немалыя затрудненія. Кто изъ нихъ больше зналъ былинъ и травъ, умѣлъ ихъ мѣрить и вѣсить, того вѣнчали вѣнкомъ изъ травъ и приказывали величать докторомъ того искусства.

3. Къ нимъ приносили и приводили людей внутренно и наружно раненыхъ, гніющихъ и разлагающихся, которыхъ они осматривали и нюхали всѣ зловонія, рылись въ ихъ нечистотахъ, даже до тошноты. Все, что они тутъ продѣлывали, называли распознаваніемъ. Потомъ что-то варили, парили, жарили, плавили, пекли, растопляли, пережигали, холодили, палили, рубили, рѣзали, кололи, опять зашивали, вязали, мазали, крѣпили, мягчили, покрывали, поливали и т. д. и т. д. Между тѣмъ больные гибли у нихъ на рукахъ, и большая часть больныхъ жаловалась, что чахнутъ по ихъ неумѣнію или нерадѣнію. Хотя такое искусство и приносило нѣкоторую прибыль этимъ любезнымъ цѣлителямъ, однако оно тоже требовало очень много усиленнаго, а иногда даже отвратительнаго труда отъ того, кто добросовѣстно служилъ своему призванію, а непріязни онъ получалъ столько же, сколько и признательности. Нѣтъ, не нравилось мнѣ это.

ГЛАВА 15.

Путникъ смотритъ юриспруденцію, или правовѣдѣніе.

Теперь привели меня въ одну обширную аудиторію, гдѣ находилось знаменитыхъ людей больше, чѣмъ гдѣ-либо. Они по стѣнамъ кругомъ имѣли свои расписанныя укрѣпленія, срубы, заборы, ограды, заставы,

перегородки и заслонки, въ которыхъ продѣланы были разныя отверстія, скважины, пробоины, двери, лазейки и ворота съ запорами, замками, съ различными ключами, ключиками и крючками. Одни измѣряли все это, указывая другъ-другу, гдѣ и какъ можно кому пройти и гдѣ нельзя. „Чѣмъ же эти люди занимаются?" спросилъ я.—„Они изслѣдуютъ, какимъ образомъ каждый могъ бы въ мірѣ оставаться при своей собственности или же отъ другого кое-что мирнымъ путемъ, ради упроченія порядка и согласія, перевести на себя," пояснили мнѣ.—„Это прекрасное дѣло!" сказалъ я, но, заглянувъ подальше, я получилъ къ нему отвращеніе.

2. Во-первыхъ потому, что тѣ заставы и ограды были устроены не для огражденія души, ума и тѣла человѣческаго, а только имѣнія, этого преходящаго достоянія, для котораго человѣку затрачивать столько труда, сколько я видѣлъ здѣсь, казалось мнѣ нестоющимъ.

3. Кромѣ того все искусство это было основано только на прихоти нѣкоторыхъ людей. Случалось одному установить что-либо подъ видомъ права, какъ всѣ другіе соглашались, а если вздумалось кому дѣлать ограды и проломъ, то заграждалъ или разрушалъ. Одно прямо противорѣчило другому, и для примиренія этихъ противорѣчій другіе должны были прибѣгать къ отважной и остроумной головоломкѣ. „Стоило-ли, подивился я, изъ-за какой-нибудь мелочи, едва встрѣчающейся разъ въ тысячу лѣтъ, такъ горячиться, трудиться до поту для своего тщеславія!" Кто искуснѣе умѣлъ разрушать ограду, прорываться и опять заграждать, тотъ больше восторгался собою и въ другихъ возбуждалъ удивленіе. Нѣкоторые (ради изощренія въ преніяхъ) вступали съ ними въ споръ, доказывая, что

должно иначе городить и разгораживать; возникали у нихъ несогласія и ссоры, а затѣмъ каждый, ставъ на свое мѣсто, принимался за свою живопись, стараясь заманить къ себѣ зрителей. Вдоволь насмотрѣвшись на эти забавы, я, покачавъ головою, сказалъ: „Поскорѣй пойдемте отсюда! Мнѣ здѣсь скучно!"—„Понравится ли тебѣ, наконецъ, что-нибудь въ этомъ мірѣ!" съ гнѣвомъ отвѣтилъ мнѣ толковникъ.—„Самыя благородныя занятія и тѣ ты порицаешь, вѣтреный!"—А товарищъ его, Всюдубудъ, прибавилъ: „Мнѣ кажется, онъ, скорѣе, ханжитъ. Поведемъ его дальше, тамъ, авось, ему понравится."

ГЛАВА 16.

Путникъ смотритъ повышеніе магистровъ и докторовъ.

Въ то время, какъ разъ раздался звукъ трубы, какъ будто возвѣщающей о какомъ-то торжествѣ. Всевѣдъ, смекнувъ, сказалъ: „Послушайте, вернемся, здѣсь будетъ еще на что посмотрѣть."—„А что же именно?" спросилъ я.—„Академія будетъ награждать вѣнками самыхъ прилежныхъ и болѣе усовершенствовавшихся въ искусствахъ и наукахъ." Желая увидѣть такое рѣдкое зрѣлище, пошелъ и я за стекавшейся толпой. Вотъ здѣсь, подъ философскимъ небомъ я увидѣлъ человѣка съ бумажнымъ скипетромъ; къ нему подходили нѣкоторые изъ толпы и требовали свидѣтельствъ въ высшихъ наукахъ. Тотъ находилъ ихъ прошенія вполнѣ достойными и велѣлъ подавать на запискахъ перечень всѣхъ ихъ знаній, въ которыхъ они просятъ утвержденія. И вотъ одинъ за другимъ представляли свои итоги: то по философіи, то по медицинѣ или юриспруденціи, и для гладкости подмазывали собственнымъ кошелькомъ.

2. Выслушивая ихъ такимъ образомъ, онъ каждому прилѣплялъ на лобъ различные титулы: „Сій есть магистръ свободныхъ искусствъ, сій докторъ медицины, сій лиценціатъ обоихъ правъ“ и т. д., и, прикрѣпивъ печатью, приказывалъ всѣмъ присутствующимъ и отсутствующимъ, подъ немилостью богини Паллады, при встрѣчѣ съ ними не величать ихъ иначе. Послѣ чего всѣ разошлись. Я спросилъ: „Будетъ ли еще что?“ „Чего жъ тебѣ еще недостаетъ?“ говоритъ толковникъ, или не видишь, какъ всѣ даютъ имъ дорогу.“ Дѣйствительно, всѣ уступали имъ.

3. Все-таки я пожелалъ видѣть, что дальше выйдетъ изъ нихъ, и сталъ наблюдать за однимъ изъ магистровъ такихъ наукъ; ему предложили что-то счесть, онъ не сумѣлъ; велѣли мѣрить, не зналъ; велѣли звѣзды называть, не умѣлъ; велѣли дѣлать силлогизмы, отказался; велѣли на чужихъ языкахъ говорить, не умѣлъ; велѣли говорить рѣчь на своемъ языкѣ, не умѣлъ; велѣли, наконецъ, читать и писать, не сумѣлъ. „Какой грѣхъ, сказалъ я, расписываться магистромъ семи искусствъ и не знать ни одного!“ „Чтожъ изъ этого? Если не знаетъ одинъ, знаетъ другой, третій, четвертый, вѣдь не вездѣ же можетъ быть полно“, отвѣтилъ толковникъ. „Теперь я понимаю, сказалъ я, что человѣка, весь свой вѣкъ пробывшаго въ школѣ, потратившаго на это свое имѣніе, все-таки и по привѣшаніи титуловъ и печатей нужно еще спросить: научился ли онъ чему-нибудь? Избави Богъ отъ такого порядка!“— „Ты не перестанешь умничать, говоритъ онъ, пока чего-нибудь не наживешь себѣ. Болтай! Клянусь, не пройдетъ это тебѣ даромъ.“—„Такъ пусть слывутъ они магистрами и докторами хоть семидесяти семи искусствъ и знаютъ всѣ науки или ни одной, но я больше объ этомъ ничего не хочу говорить; лучше пойдемте отсюда.“

ГЛАВА 17.

Путникъ смотритъ сословіе набожниковъ.

Меня провели какими-то ходами на площадь, на которой воздвигнуто было множество разнаго вида храмовъ и часовенъ, куда входили и выходили толпы людей. Мы вошли въ ближайшій изъ нихъ. Тамъ по всѣмъ сторонамъ находились рѣзныя и литыя изображенія мужчинъ и женщинъ, различныхъ звѣрей, птицъ, гадовъ, деревьевъ и растеній, а также изображенія солнца, мѣсяца и звѣздъ, даже противныхъ діаволовъ. Каждый изъ приходящихъ, ставъ передъ тѣмъ, что ему нравилось, падалъ на колѣни, цѣловалъ, кадилъ и сожигалъ жертвы. Хотя здѣсь и удивляло меня общее согласіе и терпимость другъ къ другу, когда каждый свое дѣло справлялъ по своему и спокойно оставлялъ другого при его пониманіи (чего я потомъ нигдѣ не видалъ), но меня поражалъ здѣсь какой-то дурной запахъ и смрадъ: ужасъ объялъ меня, и я поспѣшилъ вонъ.

2. Мы вступили въ другой храмъ, бѣлый и чистый, въ которомъ не было никакихъ образовъ, кромѣ живыхъ фигуръ; онѣ, качая головами, тихо что-то бормотали, или, выпрямившись и заткнувъ уши, раззѣвали рты и издавали голосъ, похожій на волчій. Повремени, собираясь вмѣстѣ, они заглядывали въ какія-то книги съ диковинными изображеніями, напримѣръ, пернатыхъ и крылатыхъ звѣрей, птицъ безъ перьевъ и безъ крыльевъ, животныхъ съ человѣческими членами и людей со скотскими, одно тѣло со многими головами и наоборотъ, а вмѣсто головы хвостъ; у нѣкоторыхъ даже глаза были подъ брюхомъ и ноги на хребтѣ; у нѣкоторыхъ было безъ счету глазъ, ушей, ртовъ, ногъ; у другихъ, напротивъ, ничего подобнаго, но все опять было странно извращено, свихнуто, искривлено и находилось въ

полной несоразмѣрности, напр., одинъ членъ въ пядень, другой въ сажень, одинъ съ палецъ, другой съ бочку, такъ что передать всего уродства нѣтъ никакой возможности. Въ этомъ, они говорили, заключается ихъ исторія, и старшіе поучали объ этомъ младшихъ, какъ будто о чемъ-то возвышенномъ и таинственномъ. „Кто бы полагалъ, что существуютъ люди, которымъ нравится подобная безвкусица! Оставимте ихъ, пойдемъ лучше на другое мѣсто", сказалъ я. По дорогѣ оттуда я видѣлъ, что они прохаживались и среди другихъ людей, однако, въ такомъ видѣ, что всѣмъ становились противными, всѣ смѣялись и подшучивали надъ ними. Это заставило меня съ пренебреженіемъ отвергнуться отъ нихъ.

3. Затѣмъ отправились мы въ другой храмъ. Тотъ былъ круглъ и не менѣе того опрятенъ, но безъ украшеній, кромѣ нѣкоторыхъ буквъ по стѣнамъ и ковровъ на полу. Люди вели себя въ немъ скромно и набожно, были накрыты бѣлыми покрывалами и очень блюли чистоту; то-и-дѣло умывались, подавали милостыню, такъ что я, по ихъ внѣшнему виду, начиналъ чувствовать къ нимъ нѣкоторое влеченіе и спросилъ: „Какое же у нихъ основаніе этихъ дѣйствій?"—„Основаніе они прячутъ подъ платьемъ", отвѣтилъ мнѣ Всюдубудъ. Я подошелъ къ нимъ и попросилъ дать мнѣ посмотрѣть его. „Кромѣ толкователей никто другой этого не можетъ видѣть", отвѣтили мнѣ.—„Мнѣ все-таки хочется видѣть", добивался я, ссылаясь на разрѣшеніе Рока.

4. И мнѣ показали доску, на которой было изображено дерево, съ корнями, вьющимися вверхъ, на воздухъ, съ вѣтвями же, торчащими въ землю, а около тѣхъ вѣтвей рылось много землероекъ, и одинъ большой кротъ, ходя кругомъ, сзывалъ другихъ, управляя

этой работой. Разсказывали мнѣ, что на вѣтвяхъ этого дерева подъ землею растутъ всякаго рода превосходные плоды, которыхъ добываютъ тѣ кроткіе и трудолюбивые звѣрки. „Вотъ это и есть основа сей религіи", сказалъ Всевѣдъ. Я догадался, что устои ея—на крыльяхъ воображенія, а цѣль ея и плодъ—рыться въ землѣ и тѣшить себя невидимыми наслажденіями тамъ, гдѣ они не растутъ, и слѣпо искать, не зная чего.

5. Вышедъ оттуда, я спрашивалъ проводника: „Чѣмъ же они доказываютъ истину и правоту основанія своей религіи?"—„Пойди и посмотри самъ", отвѣтилъ онъ мнѣ. И мы вышли на площадь за храмомъ, гдѣ эти, въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, умытые люди, засучивая рукава, сверкая глазами, кусая губы и страшно ревя, бѣгали, рубили саблей встрѣчнаго и полоскались въ его крови. Я въ ужасѣ бѣжалъ назадъ.—„Что же это они дѣлаютъ?" спрашивалъ я.—„Они ведутъ собесѣдованія о религіи и доказываютъ, что алкоранъ истинная книга", пояснилъ Обманъ.

6. Мы возвратились опять во храмъ. Здѣсь среди тѣхъ, которые носили расписанную доску съ деревомъ, происходилъ споръ о верховномъ кротѣ, какъ я при томъ понялъ. Одни утверждали, что онъ одинъ управляетъ тѣми мелкими землеройками; другіе говорили, что у него два помощника. Изъ-за этого у нихъ возникъ такой непримиримый споръ, что пренія, къ ужасу всѣхъ, между ними доходили до меча и огня, какъ и съ другими внѣ храма.

ГЛАВЫ: 18, 19, 20, 21. *

ГЛАВА 22.

Путникъ попалъ къ журналистамъ.

Когда мы подвигались къ воротамъ, на слѣдующей площади, по лѣвой сторонѣ я увидалъ толпу людей.

„О, этихъ миновать намъ нельзя!“ сказалъ мнѣ Всюдубудъ. „Что же у нихъ такое,“ спросилъ я. „Пойди, посмотри.“—Мы приблизились къ нимъ. И что же? Стоятъ они по двое, по трое, другъ противъ друга, вертятъ пальцами, покачиваютъ головою, хлопаютъ въ ладоши, почесываютъ за ухомъ; при томъ одни ликуютъ, другіе плачутъ. „Что же это происходитъ здѣсь? „Не комедію ли играютъ они?“ спросилъ я. „Какая же это игра“, говоритъ толковникъ. „Это весьма серьезныя вещи, и каждая изъ нихъ возбуждаетъ въ нихъ то удивленіе, то смѣхъ, то гнѣвъ.“ „Очень бы хотѣлось мнѣ знать, сказалъ я, что это такое, чему они удивляются, чему смѣются и на что гнѣваются.“ Взглянувъ тѣмъ временемъ, я увидалъ, какъ они носились съ какими то свирѣлками и, наклонясь другъ къ другу, играли въ ухо, и тѣ, если звукъ оказался пріятнымъ, подплясывали, если же нѣтъ, сердились.

2. Однако мнѣ казалось удивительнымъ, что звукъ одной и той же свирѣли однимъ нравился, а другимъ былъ такъ противенъ, что они, затыкая уши, убѣгали въ сторону, а если слушали, то горько плакали, даже рыдали. „Это нѣчто странное, какъ одна и та же свирѣль однихъ услаждаетъ, а другихъ печалитъ.“ Толковникъ говоритъ: „Эта разность зависитъ не отъ звука, а отъ слуха, ибо, какъ на больныхъ одно и то же лѣкарство дѣйствуетъ не одинаково, смотря по болѣзни каждаго, такъ и въ этомъ случаѣ: внѣшній звукъ дѣлается сладкимъ или горькимъ по мѣрѣ того, какова у каждаго страсть или склонность къ извѣстной вещи.“

3. „Откуда же они берутъ эти свирѣли?“—„Отовсюду приносятъ ихъ, вотъ и здѣсь развѣ ты не видишь ихъ продавцевъ?“ говоритъ онъ. И дѣйствительно, тутъ ходили и разъѣзжали нарочные гонцы, про-

дающіе такія свирѣли. Охотнѣе покупали у разъѣзжающихъ на рысакахъ, но болѣе благоразумные предпочитали покупать у такихъ, которые ходили пѣшкомъ и прихрамывали на костыляхъ, такъ какъ покупатели уже испытали болѣе вѣрный звукъ ихъ свирѣлей.

4. Останавливаясь здѣсь и тамъ, я смотрѣлъ и прислушивался. Дѣйствительно, это поистинѣ составляетъ своего рода удовольствіе прислушиваться къ несущимся съ разныхъ сторонъ звукамъ. Не нравилась мнѣ только неумѣренность нѣкоторыхъ людей; они скупали всѣ свирѣли и дудки, гдѣ только онѣ появлялись, и, поигравъ на каждой понемногу, тотчасъ отбрасывали ее въ сторону. Здѣсь сновали люди разныхъ сословій, которые рѣдко заглядывали домой а все время проводили здѣсь, на площади, прислушиваясь ко всякому свисту.

5. Но это занятіе не понравилось мнѣ, когда я позналъ его суетность. Весьма часто раздавался такой печальный звукъ, что всѣхъ повергалъ въ уныніе; спустя недолгое время звучалъ другой, и вмѣсто печали возбуждалъ только смѣхъ. Если звукъ нѣкоторой свирѣли на столько былъ пріятенъ, что всѣ, слушавшіе его, ликовали и восхищались, то онъ вдругъ обрывался или превращался въ плачъ или скрежетъ. Кто думалъ руководствоваться звукомъ этихъ свирѣлей, часто изъ-за пустяковъ подвергался напрасной радости и напрасному страху. Смѣшны были тѣ люди, которые позволяли сѣбя обманывать дуновеніемъ всякаго вѣтра. Поэтому я хвалилъ тѣхъ, которые, не обращая вниманія на подобныя шутки, продолжали заниматься своимъ дѣломъ.

6. Въ этомъ, однако, было иное неудобство: кто не прислушивался къ тому, что насвистывали вокругъ

него, не зналъ, откуда сыпалось на его голову. Да и обращаться съ самими свирѣлями не совсѣмъ было безопасно. Такъ какъ тѣ звуки не для всякаго уха были одинаковы, оттого не разъ возникали недоразумѣнія и ссоры. Подобный случай встрѣтился и со мною. Доставъ одну пріятно звучащую свирѣль, я предложилъ ее своему другу, но посторонніе, перехвативъ ее, бросили на земь и затоптали, упрекая меня, что я распространяю такія вещи. Видя, какъ бѣшено они возмущены противъ меня, я долженъ былъ бѣжать. Мои проводники давно обѣщали мнѣ показать замокъ Фортуны, и мы направились къ нему.

ГЛАВА 23.

Путникъ обозрѣваетъ замокъ Фортуны и прежде всего доступъ къ нему.

Когда мы подошли къ желанному замку Счастья, видно было, какъ со всѣхъ улицъ города стекаются сюда толпы народа, обступаютъ его кругомъ и ищутъ, какимъ бы путемъ подняться вверхъ. Въ замокъ вели единственныя, по высокимъ ступенямъ и тѣсныя ворота, но они были полуразрушены, завалены мусоромъ и заролыя терніемъ; они, по преданію, назывались „добродѣтелью.“ Мнѣ говорили, что въ былыя времена это были единственныя ворота, ведущія къ замку Счастья, но потомъ они какимъ-то образомъ скоро подверглись разрушенію; люди понадѣлали для себя внизу другихъ меньшихъ входовъ, забросивъ главныя ворота по ихъ недоступности и неудобству.

2. Итакъ, пробивъ стѣны, съ обѣихъ сторонъ воротъ, люди надѣлали себѣ входовъ, надъ которыми я прочиталъ такія надписи: Лицемѣріе, Ложь, Лесть, Порокъ, Ловкость, Насиліе и т. д. Когда я сталъ вслухъ

произносить эти названія, нѣкоторые проходившіе, услыхавъ, гнѣвались на меня, роптали и хотѣли сбросить меня съ горы, такъ что я долженъ былъ скрыться. Но скоро я замѣтилъ, что нѣкоторые все-таки старались пролѣзть черезъ прежнія, старинныя ворота, по мусору и сквозь терніе, при томъ одни пролѣзали, другіе нѣтъ и, опять возвращаясь къ нижнимъ входамъ, проходили черезъ нихъ.

3. Прошедши внутрь, я увидѣлъ, что за оградою еще не было замка, а только площадь, на которой стояло множество народа, со вздохами устремляющаго свои взоры вверхъ, къ болѣе высокимъ палатамъ. На мой вопросъ: что они дѣлаютъ здѣсь? отвѣтили мнѣ, что это просители, жаждущіе ласковаго взгляда госпожи Фортуны и доступа къ ея замку. „Развѣ не всѣ они еще попадутъ туда? Нѣтъ сомнѣнія, что они трудились всѣ,“ замѣтилъ я. „Пусть каждый старается, какъ онъ умѣетъ, но рѣшеніе всетаки зависитъ отъ госпожи Фортуны: кого она пожелаетъ къ себѣ принять. Можешь посмотрѣть, какъ это идетъ,“—отвѣтилъ толковникъ. Вижу, что на высоту не было ни всходовъ ни воротъ, но только одно вращающееся колесо, и кто прицѣплялся къ нему, его поднимало на верхъ, на какой-то помостъ, и только тамъ госпожа Фортуна принимала его и пускала дальше. Но снизу не всякому желающему удавалось ухватиться за колесо, ибо руки скользили съ него, развѣ только тому, кто съ помощью Случайности—такъ назывался секретарь госпожи Фортуны—былъ подсаженъ. Секретарь Случайность прохаживалась въ толпѣ и хватала перваго встрѣчнаго и сажала на колесо Счастья. Между тѣмъ какъ нѣкоторые сами лѣзли ей на глаза и, представляя свои потраченные труды, свой потъ, свои мозоли, шрамы и другія заслуги, съ мольбою протягивали къ

ней руки. Но она ни на что не взирала, ни на лица, ни на просьбы, и я подозрѣвалъ, что она просто была глуха и слѣпа.

4. Много здѣсь было людей изъ разныхъ сословій, которые, не жалѣя своего кропотливаго труда, лишь бы пробраться черезъ ворота „добродѣтели“ или черезъ второстепенные входы; но дождаться Счастья всетаки не могли; иной, и немечтавшій о счастьѣ, вдругъ былъ за руку подхваченъ и вознесенъ вверхъ. Нѣкоторые изъ тѣхъ просителей даже посѣдѣли отъ тоски, что имъ не удавалось попасть на очередь, впадали въ отчаяніе и, махнувъ на счастье, возвращались къ своимъ занятіямъ и заботамъ. Тогда, влекомые прежними желаніями, опять лѣзли къ замку Счастья, обращая взоры и протягивая руки къ госпожѣ Фортунѣ. Состояніе подобныхъ просителей казалось мнѣ во всякомъ случаѣ несчастнымъ и жалкимъ.

ГЛАВА 24.

Путникъ обозрѣваетъ состояніе богачей.

„Теперь хотѣлось бы мнѣ посмотрѣть, обратился я къ своему проводнику, что находится тамъ вверху, и какъ госпожа Фортуна чтитъ своихъ гостей.“ „Хорошо,“ сказалъ онъ, и прежде чѣмъ я замѣтилъ, какъ мы уже поднялись на верхъ, гдѣ госпожа Фортуна, стоя на шарѣ, раздавала своимъ избраннымъ короны, жезлы, правленія, цѣпи, пряжки, кошели, титулы и имена, медъ и сахаръ и послѣ этого пропускала ихъ выше. Взглянувъ на строеніе замка, состоящаго изъ трехъ этажей, я замѣтилъ, что нѣкоторыхъ вводятъ въ нижнія палаты, другихъ въ среднія, а иныхъ въ верхнія. „Здѣсь въ низу“, говоритъ

мнѣ толковникъ, живутъ люди, которыхъ Фортуна почтила деньгами и имѣніемъ, въ среднихъ палатахъ живутъ тѣ, которыхъ она питаетъ наслажденіями и роскошью, а въ верхнихъ тѣ, которыхъ она облекаетъ славою, дабы они другими были видимы, почитаемы и прославляемы. Нѣкоторыхъ надѣляетъ двойнымъ, а иногда и тройнымъ счастьемъ; тѣ тогда могутъ свободно прохаживаться, гдѣ имъ угодно. Видишь, какое счастье ожидаетъ тѣхъ, кому удастся попасть туда".

2. „Такъ пойдемъ, сказалъ я, хоть прежде къ этимъ". И мы вошли въ нижнее помѣщеніе; тамъ было мрачно и не весело, такъ что я сначала почти ничего не видѣлъ, только слышалъ какое-то бряцанье, и изо всѣхъ угловъ поражалъ меня душный запахъ тухлети. Когда зрѣніе у меня стало немного проясняться, я разглядѣлъ множество людей всякаго сословія; одни ходили, другіе стояли, иные сидѣли или лежали, и у каждаго изъ нихъ то ноги были скованы узами, то руки сомкнуты цѣпями, а иногда съ цѣпью на шеѣ и съ бременемъ на хребтѣ! Я ужаснулся и воскликнулъ: „Господи, въ какую мы тюрьму пришли!"—„Какой ты неразумный, улыбаясь, говоритъ мнѣ толковникъ. Вѣдь это и есть дары госпожи Фортуны, которыми она надѣляетъ своихъ возлюбленныхъ сыновъ". Осматривая поочередно у каждаго его дары, я убѣдился, что это было ничто иное какъ стальныя кандалы, желѣзныя цѣпи, оловянная или глиняная ноша. „Какіе же это дары? Такихъ во всякомъ случаѣ я не желалъ бы". —„Глупый, однако же плохо ты смотришь, говорилъ мнѣ толковникъ; вѣдь это все золото". Съ напряженіемъ вглядываюсь и всетаки ничего не вижу, кромѣ желѣза и глины. „Не умствуй ужъ слишкомъ замѣчаетъ онъ, а довѣряй больше другимъ, нежели себѣ. Посмотри, какъ они цѣнятъ это".

3. Гляжу, и, дѣйствительно, они, къ моему удивленію, очень много любовались своими узами. Одинъ пересчитывалъ кольца на своей цѣпи, другой разбиралъ ихъ и опять складывалъ; иной, поднося ее ко рту, лобзалъ; другой оберегая ее отъ мороза, жары и ушиба обвертывалъ платкомъ; иногда двое, трое, сойдясь, снова мѣрили и взвѣшивали ихъ, и, если у кого оказывалась цѣпь легче, тотъ огорчался и завидовалъ другому; у кого она была больше и тяжелѣе, похаживалъ кругомъ, надувался, чванился и щеголялъ ею. Но нѣкоторые изъ нихъ, напротивъ, боясь, должно быть, зависти и воровства, сидя тихо въ углу, тайно любовались величиной своихъ цѣпей, не заботясь о томъ, чтобы онѣ видны были другимъ. Тѣ же, у которыхъ были сундуки, наполненные глыбами и камнями, съ мѣста на мѣсто ихъ переносили, отпирали и запирали ихъ, не позволяя себѣ никуда отойти отъ нихъ, изъ боязни лишиться своихъ сокровищъ. Нѣкоторые, сомнѣваясь въ безопасности своихъ сундуковъ обвязывались и обвѣшивались ими въ такомъ множествѣ, что не могли ни ходить, ни стоять, только лежали, задыхаясь и пыхтя. „Не этихъ ли людей, скажите ради всѣхъ святыхъ, должно называть счастливыми?“ спросилъ я. Хотя тамъ внизу я видѣлъ много человѣческаго труда и заботъ, но не встрѣчалъ ничего болѣе жалкаго, какъ это здѣшнее счастье“. „Чтоже намъ таить, сказалъ Всевѣдъ, правда, конечно, что имѣть эти дары Фортуны и не пользоваться ими причиняетъ больше заботъ, чѣмъ наслажденія. Однако въ этомъ госпожа Фортуна не виновна, говоритъ толковникъ, что владѣющій ея дарами не умѣетъ пользоваться ими. Она не скупа на свое, какъ иной затхлый скряга, не умѣющій обращать свое богатство ни на пользу себѣ, ни на пользу другимъ. А всетаки, чтобы тамъ ни говорилось, — великое счастье значитъ:

„имѣть“. „Я не мечтаю о такомъ счастьѣ, какое вижу здѣсь“, сказалъ я.

ГЛАВА 25.

Состояніе роскошниковъ міра.

„Теперь пойдемъ вверхъ, сказалъ Всевѣдъ, тамъ увидишь иное зрѣлище, только одни наслажденія, увѣряю тебя. „Мы поднялись по лѣстницѣ въ первую залу, гдѣ стояло и висѣло рядами множество кроватей съ мягкими перинами; на нихъ разваливались люди, окруженные множествомъ слугъ, готовыхъ ко всякой услугѣ, съ опахалами, вѣерами и другими орудіями въ рукахъ. Если кому изъ нихъ вздумалось встать, тотчасъ со всѣхъ сторонъ спѣшили поддержать его; захотѣлъ одѣться, тотчасъ подавали ему не иныя, какъ шелковыя, мягкія одѣянія; хотѣлъ перейдти куда-нибудь, тотчасъ переносили его, обложеннаго подушками. „Вотъ здѣсь удобства, какихъ ты вѣроятно ищешь!“ говоритъ толковникъ. „Чего еще желать больше этого?“ Имѣть столько всякаго добра, ни о чемъ не заботиться, ничего не касаться, имѣть избытокъ всего, что только душѣ угодно, даже вѣтру не дать подуть на себя, неужели это не блаженство?“ „Конечно, здѣсь веселѣе, чѣмъ въ тѣхъ нижнихъ тюрьмахъ; но и здѣсь однако не все мнѣ нравится,“ отвѣтилъ я. „Чего тебѣ еще?„— „Здѣсь я вижу однихъ лѣнивцевъ съ заплывшими глазами, вспухшей головой и вздутымъ брюхомъ, съ членами, подобно болячему вереду; вѣдь стоитъ только задѣть такого счастливца или подуть на него противному вѣтру, какъ тотчасъ съ нимъ сдѣлается дурно. „Стоячая вода пухнетъ,“ говорятъ, и здѣсь это очевидно. Когда же этимъ людямъ пользоваться жизнью, если они ее проспятъ и пролежатъ въ лѣни. „То не

для меня.“—„Странный ты философъ,“ возразилъ мнѣ на это толковникъ.

2. Меня повели дальше въ другое помѣщеніе, гдѣ было много очаровательнаго для глазъ и ушей: тамъ были великолѣпные сады, пруды и звѣринцы со всякими звѣрями, птицами и рыбами. Тамъ раздавался пріятный звукъ музыки, веселое общество забавлялось, бѣганьемъ, пляскою, шутками, борьбою и другими затѣями и играми. „Это ужъ не назовешь стоячей водою,“ говоритъ толковникъ. „Правда, говорю я, но позволь мнѣ на это смотрѣть по своему. Здѣсь не можетъ никто наѣсться и напиться этихъ развлеченій; утомившись ими, всякій бѣжитъ въ сторону и ищетъ снова себѣ удовольствій въ другомъ. Въ этомъ мнѣ кажется мало наслажденія!“ „Такъ если ты ищешь наслажденія въ ѣдѣ и питьѣ,“ говоритъ онъ, „пойдемъ сюда.“

3. И вотъ зала, въ которую мы вступили, была заставлена столами, богато накрытыми; за ними пировали и веселились люди. Приступивъ ближе къ нимъ, вижу, какъ нѣкоторые такъ жадно глотали всякія яства, что и брюха не хватало у нихъ, они должны были попускать себѣ поясъ, иначе доходило до изверженій. Иные, чмокая, выбирали только лакомства и желали имѣть длинную журавлиную шею, чтобы продолжительнѣе могли чувствовать вкусъ. Многіе хвастались, что въ теченіе десяти или двадцати лѣтъ не видали восхода и заката солнца, потому что, когда оно заходило, они никогда не бывали трезвыми, а когда восходило, не успѣвали еще протрезвиться. Но они нисколько не сокрушались, весело сидѣли и подъ звуки музыки вторили по своему: кто вылъ, кто ревѣлъ, кто каркалъ, кто мяукалъ, кто свисталъ, кто чири-

калъ, кто рыдалъ, сопровождая разными жестами свои звѣриные и птичіе голоса.

4. „Не нравится ли мнѣ эта гармонія?“ обратился ко мнѣ толковникъ. „Что тутъ можетъ нравиться,“ сказалъ я. „Что же наконецъ тебѣ понравится? Пень ты, что-ли, что даже такое веселье не можетъ разшевелить тебя?“ Въ то время нѣкоторые изъ пирующихъ замѣтили меня, и тотчасъ одинъ изъ нихъ сталъ пить за мое здоровье; другой, подмигивая глазами, давалъ знать, чтобы я присѣлъ ближе; третій началъ пытать, кто я такой и чего здѣсь хочу; четвертый накинулся на меня, почему я не сказалъ: Господи, благослови! „Неужели угодно Господу Богу благословлять такіе свинскіе пиры?“ воскликнулъ я тогда съ жаромъ. Не успѣлъ я этого еще промолвить, какъ полетѣлъ на меня градъ тарелокъ, блюдъ, чашекъ и стакановъ, что едва могъ я уклониться и убѣжать отъ нихъ. Мнѣ трезвому, правда, легче было сторониться, чѣмъ имъ, пьянымъ, попадать въ меня. „Вотъ, не говорилъ ли я тебѣ давно, упрекалъ меня толковникъ, держи языкъ за зубами, не мудрствуй и старайся примѣняться къ людямъ, а не жди, чтобы другіе плясали по твоей дудкѣ.“

5. Всюдубудъ, засмѣявшись и взявъ меня подъ руку, сказалъ: „Пойдемъ туда опять,“ но я не хотѣлъ. „Вѣдь тамъ для тебя многое, на что ты не обратилъ вниманія. Пойди, только смотри, веди себя осторожнѣе, ну, хоть издали постой.“ Я согласился и вернулся къ нимъ. Зачѣмъ таить? Меня уговорили сѣсть съ ними, и я подсѣлъ; пилъ съ ними за здоровье, чокался съ ними, и, желая испытать все до конца, въ чемъ заключается сладость того веселья, принялся распѣвать, покрикивать, попрыгивать, вообще продѣлывать все по

примѣру прочихъ. Но это выходило у меня какъ-то не смѣло, и съ разу видно было, что мнѣ это вовсе не приличествуетъ; и другіе, видя меня такимъ, подсмѣивались надо мною и кричали, что я забываю чокаться съ ними. А между тѣмъ у меня начало подъ кафтаномъ что-то грызть, подъ шапкою ломить, изъ горла вырываться, ноги стали какъ-то подкашиваться, языкъ балаболить, голова кругомъ ходить, и я теперь только началъ досадовать на себя и на своихъ проводниковъ. Испытавъ еще другія наслажденія этихъ сластолюбцевъ, я имъ во всеуслышаніе объявилъ, что такъ жить, какъ они, значитъ жить по скотски, а не по человѣчески.

6. Сколько здѣсь слышалось всякихъ нареканій: то кушанія невкусны, то напитки не такіе и не лѣзутъ имъ въ горло. Многіе выражали имъ свое участіе, и чтобы имъ помочь бѣгали по разнымъ странамъ міра и отыскивали гдѣ имъ что по вкусу; повара должны были изощряться въ своемъ искусствѣ, чтобы лакомствамъ придать особый запахъ, окраску или вкусъ, чтобъ заманить ихъ въ желудокъ сластолюбцевъ; лѣкаря должны были всячески облегчать, чтобы одно уступало другому. Не мало стоило труда и издержекъ отыскивать для нихъ все, чѣмъ угодно имъ было напитаться; сколько требовалось искусства и ловкости ввести это въ желудокъ, не говоря о томъ, сколько боли и колотья сами должны были вынести. Они были отвратительны своимъ оханьемъ, икотой и отрыжкой; спали плохо, все харкали и фыркали, такъ что всѣ углы были полны всякаго рода изверженій; и такъ они ходили и валялись, больные подагрой, съ испорченнымъ желудкомъ, съ трясущимися руками, съ гнойными глазами. „Не въ этомъ ли наслажденіе?“ воскликнулъ я. „Чтобы не накликать на свою голову новой бѣды, пой-

демъ поскорѣе отсюда.“ Отвернувшись и зажавши носъ, я быстро направился вонъ.

7. По дорогѣ я замѣтилъ другое помѣщеніе, гдѣ толпы людей обоего пола ходили подъ руку, обнимались и цѣловались и т. д. Только замѣчу одно, что здѣсь всѣ заключенные госпожей Фортуной, были одержимы подкожною жгучею паршею, возбуждающею у нихъ непрестанный зудъ, и они, не имѣя возможности пользоваться спокойствіемъ, куда ни пришли, чесались до крови, обо что только могли. Однако это чесанье не помогало, но разжигало еще больше ихъ прежній зудъ, за что они, правда, стыдились, но тайно по угламъ ничего не дѣлали другого, какъ только чесались. Очевидно можно было судить, что это мерзкій, неизлѣчимый недугъ. У многихъ изъ нихъ снаружи высыпалась такая гадость, такъ что они сами гнушались другъ-другомъ. Но каково было здоровымъ глазамъ и здоровому смыслу выносить ихъ и чувствовать ихъ смрадъ! Это была послѣдняя палата во дворцѣ роскоши, откуда нельзя было ни назадъ ни впередъ, развѣ въ пропасть тамъ сзади, куда многіе, предаваясь буйности, проваливались и заживо попадали въ кромѣшныя темноты міра.

ГЛАВА 26.

Состояніе возвышенныхъ въ мірѣ.

Оттуда мы прошли на самую верхнюю часть дворца, открытую, не имѣвшую надъ собою никакой кровли, кромѣ небосклона. Тамъ стояло много креселъ, одни выше другихъ, всѣ по краямъ, чтобы снизу, изъ города, было видно, кто выше или ниже посаженъ госпожей Фортуной, такъ что всѣ проходившіе (однако спереди) отдавали имъ честь, сгибали передъ

ними колѣни и кивали головами. „Что можетъ быть прекраснѣе, какъ чувствовать себя такимъ высокопоставленнымъ, обратился ко мнѣ толковникъ, со всѣхъ сторонъ быть на виду, чтобы всѣ глядѣли на тебя!“— „И стоять подъ дождемъ, снѣгомъ, градомъ, въ жару и холодѣ“, прибавилъ я. „Пустяки, а каково быть на такомъ мѣстѣ, гдѣ всѣ обращаютъ на тебя вниманіе и уважаютъ тебя“, возразилъ мнѣ толковникъ. „Безспорно, уважаютъ, сказалъ я, но въ этомъ уваженіи едва ли больше пріятнаго, чѣмъ тяжелаго бремени. Сколько глазъ слѣдитъ за каждымъ изъ нихъ! вѣдь онъ не смѣетъ и даже не можетъ пошевелиться, чтобы всѣ тотчасъ же не увидали и не пересудили его; какое же въ этомъ пріятство?“ Особенно прискорбно было видѣть, какъ многіе возсѣдавшимъ тутъ изъявляли уваженіе, а за спиной и по бокамъ порицали ихъ. Видно было, какъ стоявшіе около такого высокаго замѣстителя кидали на него косые взгляды, дули губы, покачивали головами, строили насмѣшки, и всякій своей гадостью пачкалъ его спину; нѣкоторые даже, подрываясь подъ ихъ кресла, готовили имъ паденіе, и въ мое присутствіе многіе подвергались этой или подобной участи.

2. Такъ какъ кресла, какъ я уже сказалъ, были разставлены по краямъ, то стоило только немного поотодвинуть ихъ, какъ тотчасъ же они опрокидывались, и кто, по своей гордости, не предвидѣлъ, летѣлъ долой. Кромѣ того они были устроены какъ будто на пружинахъ; если кто покрѣпче ихъ прикасался, они пошатывались, и сидѣвшій легко могъ очутиться на землѣ. Чѣмъ выше было это сидѣніе, тѣмъ легче было его пошатнуть и съ него упасть. Сколько видно было непріязни однихъ къ другимъ и зависти, стремленія ссадить съ креселъ, отнять управленіе, ... стереть у другого титулъ, такъ что устойчивости здѣсь

ни въ чемъ не замѣчалось: одинъ возсѣдалъ на кресло, другой съ него сходилъ или стремглавъ падалъ. Глядя на это, я сказалъ: „Однако незавидно—если за такой тяжкій и продолжительный трудъ, чтобы занять это высокое мѣсто, суждена такая кратковременная награда! Иной не успѣлъ еще воспользоваться славою, какъ вдругъ всему конецъ.“—„Такъ ужъ угодно госпожѣ Фортунѣ раздавать свои дары тѣмъ, которыхъ она хочетъ почтить; должны наконецъ одни уступать другимъ“, отвѣтилъ толковникъ.

ГЛАВА 27.

Слава прославленныхъ въ мірѣ.

„Госпожа Фортуна, продолжалъ толковникъ, еще иначе награждаетъ достойныхъ міра сего, заслуживавшихъ ея вниманія,—безсмертіемъ“.—„Какъ же это возможно, скажи на милость?“, спросилъ я. „Вѣдь это счастье сдѣлаться безсмертнымъ! Прошу васъ, укажите мнѣ!“—Всюдубудъ, повернувъ меня, указалъ мнѣ въ томъ замкѣ, на западной сторонѣ, болѣе возвышенную площадь или выступъ, также подъ открытымъ небомъ, куда отъ нижней площади вела лѣстница съ дверью внизу; около нея сидѣлъ нѣкто, исполненный со всѣхъ сторонъ множествомъ глазъ и ушей—настоящій уродъ (называли его Censuram vulgi—Пересудъ). Ему каждый, желавшій идти на площадь Славы, долженъ былъ не только заявить о себѣ, но для оцѣнки представить ему всѣ свои вещи, за которыя онъ чаялъ удстоиться безсмертія. Если въ его дѣлахъ было что-нибудь особенное, необыкновенное, хорошее или худое, его пропускали вверхъ; если же нѣтъ, его оставляли внизу. Но болѣе всего люди изъ сословія властей, воителей и ученыхъ попадали туда, а менѣе изъ сословія набожныхъ ремесленниковъ и домохозяевъ.

2. Но досаднѣе всего было то, что туда впускали столько же злыхъ, (разбойниковъ, мучителей, любодѣевъ, убійцъ, поджигателей и т. д.) сколько и добрыхъ. Для людей превратныхъ это служило поощреніемъ въ порокахъ, чего я самъ былъ здѣсь свидѣтелемъ. Пришелъ одинъ такой искатель безсмертія и на вопросъ, что совершилъ онъ достойнаго безсмертной памяти, отвѣтилъ, что онъ уничтожилъ то, что въ мірѣ зналъ самымъ знаменитымъ: поджегъ и въ одинъ день обратилъ въ пепелъ и мусоръ храмъ, на который семнадцать царствъ въ теченіи трехъ столѣтій не жалѣли труда и издержекъ. Въ ужасъ пришелъ Цензоръ-Пересудъ отъ этой дерзкой выходки и, считая его недостойнымъ, не хотѣлъ впустить туда. Но явилась госпожа Фортуна и повелѣла его принять. Этотъ примѣръ ободрилъ другихъ; они стали перечислять всѣ содѣянные ими ужасы: одинъ хвалился, что пролилъ, сколько могъ, человѣческой крови; другой, что придумалъ новую хулу злословить Бога; иной, что Бога приговорилъ на смерть; другой, что съ неба сорвавъ солнце, погрузилъ его въ бездну; иной, что основалъ новое общество поджигателей, воровъ и разбойниковъ съ цѣлью очищать родъ человѣческій и т. д., и всѣхъ ихъ пропускали вверхъ; это приводило меня въ ужасъ.

3. Однако я направился вслѣдъ за ними. Тамъ принималъ ихъ какой-то, состоящій при госпожѣ Фортунѣ чиновникъ, по имени Фама, или Молва, у котораго ничего больше не было, какъ только уста. Какъ тотъ нижній привратникъ былъ полонъ глазъ и ушей, такъ этотъ, напротивъ, исполненъ былъ устъ и языковъ, отъ которыхъ исходило много шуму и звуку, и нашъ любезный искатель безсмертія находилъ пользу въ томъ, что тѣмъ крикомъ повсюду разглашалось его имя.— Замѣчательно, всякій такой о каждомъ изъ нихъ раз-

дававшійся крикъ постепенно опять стихалъ, пока не стихло все, а потомъ вдругъ начинало снова звучать о комъ-нибудь другомъ. „Какое же это безсмертіе?“ сказалъ я. „Вѣдь почти каждый, короткое время побывъ въ мірѣ, опять исчезаетъ изъ глазъ людей, съ устъ ихъ и мыслей. Толковникъ отвѣтилъ: „Тебѣ все еще мало? Ну такъ посмотри хоть на этихъ“.

4. Оглянувшись, я увидалъ сидѣвшихъ живописцевъ, какъ они взоромъ ловили нѣкоторыхъ людей и снимали съ нихъ портреты. „Зачѣмъ это они дѣлаютъ?“ спросилъ я. „Затѣмъ, чтобы память о нихъ не исчезала и не прекращалась, подобно звуку голоса.“ Они, снявъ съ каждаго портретъ, бросали его безъ всякаго разбора въ оврагъ, оставляя здѣсь только его изображеніе, которое выставляли на жерди, всѣмъ на показъ.— „Какое же это безсмертіе!“ воскликнулъ я, вѣдь здѣсь оставляютъ только бумагу и на ихъ имя потраченныя чернила; сами же они жалко гибнутъ, подобно прочимъ. Ложь кроется въ этомъ, мой милосердый Боже! что мнѣ проку въ томъ, что кто-нибудь мною намажетъ бумагу, а кто знаетъ, что будетъ со мною. Ничего хорошаго я не нахожу въ этомъ.“ Толковникъ обругалъ меня безумнымъ, не зная, что пользы для міра въ такихъ сужденіяхъ, противныхъ всѣмъ.

5. Я замолчалъ. Но вдругъ меня поражаетъ новая несправедливость. Портретъ, кого я въ живыхъ зналъ красивымъ и миловиднымъ, былъ обезсбраженъ; напротивъ съ другого, котораго я зналъ безобразнымъ, писали здѣсь самый красивый портретъ; съ иного дѣлали, какъ я замѣтилъ, даже по нѣскольку изображеній, но все разныя, и меня возмущала небрежность и невѣжество этихъ живописцевъ. Суета въ этомъ очевидная. Сколько тутъ было портретовъ поблекшихъ, запыленныхъ, истлѣвшихъ до неузнаваемости; а нѣко-

торые, заваленные грудою другихъ, никому не были видимы. Вотъ гдѣ слава!

6. Тѣмъ временемъ явилась Фортуна и велѣла бросать нѣкоторые, не только старинные и ветхіе, но и новые, только что оконченные портреты; мнѣ стало ясно, что это вожделѣнное безсмертіе само по себѣ ничего не значитъ, и что по такому сумасбродному непостоянству Фортуны ничѣмъ не возможно обезпечить себя (такъ какъ она то принимала на свой за́мокъ, то сбрасывала съ него) и потому она мнѣ съ ея дарами здѣсь еще болѣе стала ненавистна. Такимъ же точно образомъ обращалась она и со своими сынами, сластолюбцами и богачами, то надѣляла ихъ роскошью и богатствомъ, то опять отнимала у нихъ, а иногда, неожиданно лишивши всего, толкала изъ за́мка вонъ.

7. Но еще ужаснѣе было видѣть, какъ смерть заходила сюда на за́мокъ и подбирала одного за другимъ. Въ богатыхъ стрѣляла обыкновенными стрѣлами или, ставъ на колѣни, давила и душила ихъ собственными же цѣпями. Роскошникамъ подсыпала въ лакомства яду, высокопоставленныхъ сбрасывала, и они ломали себѣ шею, или прогоняла ихъ сквозь чащу мечей, ружей, кинжаловъ, почти каждаго какимъ-нибудь необыкновеннымъ способомъ отправляя на тотъ свѣтъ.

ГЛАВА 28.

Путникъ начинаетъ отчаяваться и споритъ со своими проводниками.

На меня напалъ страхъ, когда я видѣлъ, что нигдѣ въ мірѣ, даже на самомъ за́мкѣ Счастья, нѣтъ никакого утѣшенія, чему бы мысль могла отдаться смѣло, безопасно и всецѣло. Такія тяжелыя думы все

болѣе и болѣе безпокоили меня; изъ такого состоянія мой толковникъ Обманъ (не смотря на все стараніе) никакъ не могъ меня вывести и развлечь. „Ахъ, горе мнѣ! воскликнулъ я. Неужели ничего не найду отраднаго въ этомъ злосчастномъ мірѣ? А вѣдь, посмотришь, сколько вездѣ хлопотъ и томленія.“—„А кто же виноватъ въ этомъ, какъ не ты самъ, кислый кисель, когда всѣмъ гнушаешься, что же тебѣ наконецъ понравится? Взгляни на другихъ, какъ всякій веселъ въ своемъ званіи, бодръ духомъ и находитъ въ своихъ дѣлахъ довольно услады.“—„Потому, что всѣ безумствуютъ, или лгутъ; невозможно же, чтобы они вкушали истинное утѣшеніе,“ сказалъ я.—„Безумствуй и ты, говоритъ Всюдубудъ, чтобы облегчить свое уныніе.“ „Не сумѣю, какъ начать; вѣдь знаешь, что я нѣсколько разъ пытался и всегда отъ всего отклоняло меня открытіе крутыхъ перемѣнъ во всякомъ дѣлѣ и жалкій исходъ,“ сказалъ я.

2. „Это ничто иное, какъ твоя фантазія. Если бы ты не былъ такъ разборчивъ въ дѣлахъ человѣческихъ и не трепалъ бы всѣмъ, какъ свинья вѣникомъ, и ты былъ бы, какъ другіе люди, болѣе спокойнымъ и пользовался бы утѣшеніемъ, радостью и счастьемъ,“ убѣждалъ меня толковникъ.—„Да, если бы я именно, какъ ты, довольствовался внѣшностью, сказалъ я, въ какой-нибудь случайной кислой улыбкѣ видѣлъ бы радость, въ чтеніи нѣсколькихъ страницъ бумаги находилъ бы мудрость и осколокъ какого-нибудь случайнаго счастья принималъ бы за высшее удовлетвореніе. Но куда дѣнутся тѣ слезы, потъ, стоны, скитанія, недостатки и иныя невзгоды, которымъ по всѣмъ сословіямъ нѣтъ числа, мѣры и конца! Ахъ, увы, посудите же вы! Какая это несчастная жизнь! И что мнѣ пользы въ томъ, что вы провели меня повсюду? Все время вы показы-

вали мнѣ богатство, знаніе и обѣщали мнѣ утѣшеніе и безопасность. Но что я имѣю изъ этого? Только знаю одно, что послѣ такого круженія, послѣ столькихъ усилій и перенесенныхъ опасностей, при столь большомъ утомленіи и изнеможеніи мысли, я наконецъ ничего не нахожу въ самомъ себѣ, кромѣ одной боли а отъ другихъ встрѣчаю одну ненависть.“

3. „И по дѣломъ тебѣ!“ сказалъ мнѣ толковникъ. „Почему не слѣдуешь моему совѣту, который я съ самого начала предлагалъ тебѣ: ничего не провѣрять, всему вѣрить, ничего не разбирать, все принимать, ни на что не пенять, все одсбрять. Вотъ путь, по которому ты могъ бы спокойно итти, у людей снискалъ бы благоволеніе и въ самомъ себѣ нашелъ бы довольство“. „Конечно, возразилъ я, тогда, помраченный тобою, я вмѣстѣ съ другими безумствовалъ бы и, скитаясь, веселился бы, издыхая подъ игомъ, плясалъ бы, изнемогая и умирая, торжествовалъ бы. Видѣлъ я, узналъ и убѣдился, что самъ я ничего не значу, ничего не умѣю и ничего не имѣю, какъ и другіе, а много себѣ воображаемъ. Мы ловимъ тѣнь, а истина вездѣ уходитъ отъ насъ. Подумайте!“

4. „Еще разъ повторяю тебѣ, обратился ко мнѣ толковникъ. Ты самъ передъ собою виновникъ, ищешь чего-то великаго, необыкновеннаго, чего недостается никому.“—„Тѣмъ еще мучительнѣе, что я не одинъ, а весь мой родъ несчастенъ и при томъ еще слѣпъ, не вѣдая своихъ бѣдствій.—„Не знаю, какъ и чѣмъ тебя, такую путань, удовлетворить. Если тебѣ ничего не нравится въ мірѣ, ни люди, ни трудъ, ни лѣность, ни знаніе, ни незнаніе, что тогда съ тобою дѣлать въ этомъ мірѣ, не знаю.“

5. „Поведемте его еще на за̀мокъ нашей царицы, стоящій посреди площади, тамъ онъ, авось, опомнится,“ прибавилъ Всюдубудъ.

ГЛАВА 29.

Путникъ обозрѣваетъ замокъ царицы міра Мудрости.

Они повели меня съ собою. И вотъ передъ нами представился за̀мокъ царицы міра. Снаружи онъ красовался разнообразной, великолѣпной живописью, у воротъ его стояла стража, дабы никого не впускать, развѣ только по должности или по высокой власти въ мірѣ. Имъ однимъ, какъ слугамъ царицы и исполнителямъ ея распоряженій, разрѣшалось входить и выходить; другіе же люди, желающіе его посмотрѣть, могли только любоваться его наружностью (такъ какъ не подобаетъ, молъ, посвящать всѣхъ въ тайны управленія сего міра). Поэтому здѣсь толпилось довольно много зѣвакъ; но проводники все-таки провели меня въ ворота, что меня очень обрадовало, ибо я желалъ постичь эти тайны мудрости міра.

2. Однако и тутъ не обошлось для меня безъ приключеній. Стража, преградивши мнѣ дорогу, начала пытать, чего я здѣсь хочу, и угрожала прогнать и толкала меня. Но Всюдубудъ, знакомый и здѣсь, вмѣсто меня отвѣтивъ имъ что-то, взялъ меня за руку и провелъ впередъ до самой первой площади.

3. Разглядывая ближе самое зданіе за̀мка, я поражался бѣлизною его стѣнъ, и онѣ, какъ мнѣ говорили, были сдѣланы изъ алебастра, но когда самъ тщательно разсмотрѣлъ ихъ и провѣрилъ руками, я не нашелъ ничего, кромѣ бумаги и кое гдѣ изъ щелей выглядывающей кудели; по этимъ признакамъ я за-

ключилъ, что самое зданіе замка съ его стѣнами дѣло дутое и набивное. Удивленный такимъ обманомъ, я засмѣялся. Межъ тѣмъ мы подошли къ лѣстницѣ, по которой входили куда-то вверхъ, но я, боясь крушенія (должно быть предчувствовало мое сердце) не хотѣлъ туда итти. „И зачѣмъ эта фантазія у тебя опять, мой любезный, разыгралась? Пожалуй, скоро будешь бояться,“ упрекалъ меня толковникъ, „чтобы и небо не обрушилось на тебя? Развѣ ты не видишь, какое множество людей ходитъ по этой лѣстницѣ?“ Дѣйствительно, видя другихъ, и я пошелъ по той лѣстницѣ, витой, высокой и построенной въ кругъ, такъ что едва устоялъ отъ головокруженія.

ГЛАВА 30.

Путникъ обжалованъ на замкѣ Мудрости.

Мы вошли въ большую палату, гдѣ обдало меня какимъ-то необыкновеннымъ свѣтомъ, не отъ множества оконъ, но болѣе (какъ объяснили мнѣ) отъ драгоцѣнныхъ камней, которыми были унизаны всѣ стѣны и отъ постланныхъ дорогихъ ковровъ, сверкающихъ золотомъ; здѣсь вмѣсто потолка простиралось какое-то облако или туманъ. Точнѣе изслѣдовать это я не успѣлъ, потому что мой взоръ былъ привлеченъ самой царицей, величественно сидѣвшей подъ балдахиномъ на самомъ возвышенномъ мѣстѣ, и ея совѣтницами и дружиной, стоявшей около нея во всемъ своемъ великолѣпіи съ обѣихъ сторонъ. Я устрашился этой славы, особенно когда всѣ начали поглядывать на меня. „Не бойся ничего,“ говоритъ мнѣ Всюдубудъ, подойди поближе, что бы тебя увидала ея величество, будь похрабрѣе, однако не забывай стыда и вѣжливости.“ И такъ довелъ онъ меня до самой середины палаты и велѣлъ мнѣ низко поклониться, что и сдѣлалъ я, иначе не зная, какъ поступить.

2. Мой толковникъ, помимо моей воли, сталъ объясняться за меня, начавъ свою рѣчь такими словами: „Яснѣйшая царица міра, ярко сіяющій лучъ Божій, величественная Мудрость! Сій юноша, представленный нами предъ ясныя очи достоинства твоего, получивъ какимъ-то счастьемъ отъ Рока (правителя твоей милости) разрѣшеніе пройти и посмотрѣть всѣ сословія и порядки преславнаго сего царства, гдѣ Великій Богъ тебя поставилъ, дабы ты провидѣніемъ своимъ управляла міромъ отъ края до края—теперь совершилъ путь по всѣмъ сословіямъ, въ сопровожденіи назначенныхъ такимъ людямъ проводниковъ. Однако мы (съ покорностью и сокрушеніемъ изъявляемъ тебѣ) со всѣмъ своимъ искреннимъ и вѣрнымъ трудомъ того не могли достигнуть, чтобы онъ, полюбивъ извѣстный разрядъ людей, спокойно водворился бы въ немъ и былъ бы однимъ изъ вѣрныхъ, послушныхъ и постоянныхъ обывателей нашей общей родины; напротивъ онъ все время при всемъ тоскуетъ у насъ, всѣмъ гнушается и жаждетъ другого чего-то необыкновеннаго. По сему мы, не будучи въ состояніи удовлетворить и понять его дикихъ желаній, представляемъ его Твоей величественной Свѣтлости, да соизволитъ Твое Провидѣніе поступить съ нимъ, какъ будетъ Тебѣ благоугодно.“

3. Когда я слышалъ эти слова, (которыхъ, признаюсь, не ожидалъ) каждый можетъ посудить, каково мнѣ было! Очевидно, сюда привели меня на судъ: я былъ въ страхѣ. Особенно, когда увидѣлъ у трона царицы лежащаго свирѣпаго звѣря (трудно сказать, былъ ли это песъ или рысь или какой-нибудь змѣй съ сверкающими глазами, посматривающими на меня), для котораго требовалось немного, что бы натравить его на меня. Здѣсь же стояли два оруженосца, тѣлохранителя царицы, хоть и въ женской одеждѣ, однако

грозные, особенно, стоявшій слѣва. Этотъ имѣлъ на себѣ желѣзный панцырь, колючій подобно ежу (и дотронуться до него было опасно, какъ я видѣлъ). На рукахъ и ногахъ у него были стальные когти, въ одной рукѣ держалъ копье и мечъ, въ другой лукъ и огонь. Второй казался мнѣ не столь страшнымъ, сколько смѣшнымъ: Вмѣсто панцыря на немъ была на изнанку вывороченная лисья шуба, вмѣсто бердыша въ правой рукѣ былъ лисій хвостъ, а въ лѣвой вѣтка съ орѣхами, которыми онъ постоянно потряхивалъ.

4. Когда договорилъ толковникъ (вѣрнѣе сказать, мой измѣнникъ) царица (съ лицемъ закрытымъ тончайшей тканью) важною и протяжною рѣчью такъ обратилась ко мнѣ: Благовоспитанный юноша! Твое намѣреніе и желаніе все посмотрѣть, что есть въ мірѣ, не худо, и мнѣ оно нравится (что и съ радостью разрѣшаю я всякому изъ своихъ поклонниковъ, охотно содѣйствуя имъ черезъ сихъ вѣрныхъ служителей и служительницъ своихъ). Но къ моему удивленію узнаю о тебѣ, что ты человѣкъ разборчивый; пускаешься въ умствованіе, тогда какъ твоя обязанность, какъ гостя-новичка, въ мірѣ только учиться. По таковой причинѣ я, хотя могла бы подвергнуть тебя наказанію въ примѣръ другимъ, однако предпочитая, дабы доказательства моей терпимости, снисхожденія и доброты были болѣе извѣстны, чѣмъ строгости вообще, теперь прощаю тебя и предоставляю тебѣ находиться здѣсь при мнѣ въ за́мкѣ съ тѣмъ, что бы ты лучше уразумѣлъ самого себя и мое управленіе. Цѣни же эту мою милость и вѣдай, что не всякому удается придти на сіи таинственныя мѣста, гдѣ свершаются рѣшенія и приговоры міра.“ Договоривши это, она подала рукою знакъ, и я, по ея мановенію, отступилъ въ сторону, желая видѣть, что будетъ дальше.

5. Между тѣмъ, ставъ въ сторонѣ, спрашиваю толковника, какъ называютъ тѣхъ совѣтниковъ, и въ чемъ состоитъ обязанность каждаго изъ нихъ. „Особы, стоящія ближе всѣхъ къ ея величеству царицѣ, суть тайныя совѣтницы: по правую Чистота, Радивость, Осторожность, Разсудительность, Привѣтливость, Умѣренность, а по лѣвую: Правда, Ревность, Откровенность, Храбрость, Терпѣливость, Устойчивость, и онѣ, какъ совѣтницы, всегда предстоятъ ея царскому престолу.“

6. Эти же, стоящія на нижнихъ уступахъ, суть правительницы и намѣстницы ея въ мірѣ. Та, которая одѣта въ сѣромъ одѣяніи, есть управительница нижней страны и называется она Дѣятельность; та, которая одѣта въ золотую парчу съ низанымъ ожерельемъ на шеѣ, съ увѣнчанной головою (я думаю, ты уже раньше видѣлъ ее) есть намѣстница на замкѣ Блаженства и называется госпожа Фортуна. Онѣ обѣ вмѣстѣ со своими помощницами находятся иногда тамъ при своихъ дѣлахъ правленія, иногда бываютъ здѣсь ради представленія по своей службѣ и за полученіемъ рѣшеній и приказаній. У каждой изъ нихъ опять имѣются свои помощницы: такъ госпожа Дѣятельность имѣетъ надъ супружествомъ Любовь, надъ ремеслами и промыслами Трудолюбіе, надъ учеными Зоркость, надъ духовенствомъ Набожность, надъ начальствомъ Справедливость, надъ солдатами Храбрость и т. д.“

7. Слыша эти красивыя имена и зная, что въ мірѣ встрѣчалъ я все наоборотъ, я охотно желалъ высказаться, но не рѣшался, а только думалъ про себя: „Странное управленіе сего міра! Царь женщина, совѣтники женщины, все правительство женское! Кого же тутъ бояться?“.

8. Еще спросилъ я про тѣхъ двухъ тѣлохранителей, кто они и для чего они? „Такъ какъ у ея величества царицы, пояснялъ мнѣ толковникъ, есть также свои враги и предатели, отъ которыхъ она должна защищаться, то для этого они приставлены: одинъ въ лисьемъ уборѣ и называется Лесть, а другой, въ желѣзѣ и съ огнемъ, называется Сила; гдѣ не можетъ выступить одинъ, защищаетъ другой, оба они заступаютъ другъ друга. Песъ же приставленъ на мѣсто стражника, чтобы своимъ лаемъ объявлять и отгонять всякаго подозрительнаго человѣка. При дворѣ называютъ его Почта, но тѣ, которымъ обязанность его не очень нравится, дали ему прозвище Противникъ. Но ты не зазѣвайся, слушай и замѣчай, что будетъ здѣсь происходить". „Хорошо, даже охотно", сказалъ я.

ГЛАВА 31.

Соломонъ съ большой дружиной пришелъ въ замокъ Мудрости.

Только я собирался слушать, что тутъ будетъ, какъ раздался звукъ, и поднялся шумъ; всѣ стали оглядываться, оглянулся и я. Вижу кого-то въ коронѣ, съ золотымъ жезломъ, въ полномъ блескѣ восходящаго во дворецъ, а за нимъ слѣдовавшую большую дружину, возбуждавшую всеобщее изумленіе. Взоры всѣхъ а также мои были устремлены на него. Онъ, представъ, объявилъ, что Богъ изъ боговъ удостоилъ его тѣмъ, что разрѣшилъ ему осмотрѣть міръ съ большей свободою, чѣмъ дозволено другимъ людямъ, жившимъ до него и послѣ него, и взять себѣ правительницу міра, Мудрость, въ замужество; и потому, де, онъ теперь ищетъ ея. (Назывался же онъ славнѣйшимъ подъ небомъ царемъ Израильскаго народа Соломономъ).

2. На это отвѣтили ему черезъ канцлершу Осторожность, что Мудрость супруга самого Бога, и потому

не можетъ выходить замужъ, однако, если угодно ему пользоваться ея благоволеніемъ, этого она ему не возбраняетъ; тогда Соломонъ сказалъ: „Теперь сяду и посмотрю, какова разница между мудростью и безуміемъ; ибо ничего не нравится мнѣ, что творится во всей подсолнечной“.

3. Слыша это, я очень обрадовался, что теперь, Богъ дастъ, буду имѣть другого вождя и совѣтника, чѣмъ до сихъ поръ, и при немъ могу устоять безъ всякой опасности, все осмотрѣть ближе на мѣстѣ и наконецъ итти вслѣдъ за нимъ“. Я въ своей душѣ прославлялъ Бога.

4. Вмѣстѣ съ Соломономъ пришло сюда много слугъ и друзей извѣдать царицу міра Мудрость; среди его приближенныхъ находились мужи благочестивые, полные достоинства. На мой вопросъ, кто они, ихъ назвали мнѣ патріархами, пророками, апостолами, исповѣдниками и т. д. Въ тылу его дружины показали мнѣ и нѣкоторыхъ философовъ: Сократа, Платона, Епиктета, Сенеку и другихъ. Всѣ они разсѣлись по сторонамъ, и я сѣлъ тоже, съ нетерпѣніемъ ожидая, что тутъ будетъ.

ГЛАВА 32.

Путникъ смотритъ тайные суды и управленіе міра.

Скоро я затѣмъ понялъ, что здѣсь, на замкѣ Мудрости, управляютъ дѣлами, касающимися только общаго состоянія всѣхъ сословій міра, другія же частныя дѣла разбираются въ особыхъ присутсвенныхъ мѣстахъ, думахъ, судилищахъ, консисторіяхъ и т. д. Но что происходило здѣсь въ мое присутствіе, я разскажу въ краткихъ словахъ.

2. Прежде всего предстали чиновницы міра Дѣятельность и Фортуна, докладывая о безпорядкахъ по

всѣмъ сословіямъ, возникающихъ именно черезъ общее недовѣріе, уловки, происки и всякія хитрости, требуя какимъ-нибудь образомъ содѣйствовать улучшенію. Я обрадовался, что вотъ, наконецъ, они сами изобличаютъ тѣ безпорядки міра, которые замѣтилъ и я. „Ты, должно быть воображалъ, сказалъ мнѣ толковникъ, что у тебя одного есть глаза, и кромѣ тебя никто ничего не видитъ; замѣть, какъ тщательно на это обращаютъ вниманіе тѣ, коимъ поручено дѣло“.—„Я очень радъ этому, и дай Богъ, чтобы это нашло свой путь“, прибавилъ я.

3. Межъ тѣмъ совѣтницы, собравшись и посовѣтовавшись, велѣли справиться у канцлерши Осторожности, можно ли изслѣдовать причину этого зла. Послѣ многихъ разслѣдованій доложили, что вкралось нѣсколько крамольниковъ и возмутителей, распространяющихъ тайные и явные безпорядки. Главными виновниками (тутъ поименно ихъ называли) считались: Обжорство, Алчность, Лихва, Сластолюбіе, Гордость, Жестокость, Лѣность, Праздность и нѣсколько другихъ.

4. На томъ совѣщаніи было составлено и прочитано рѣшеніе, чтобы открытыми указами (разосланными по всей странѣ и въ особыхъ мѣстахъ вывѣшенными) обнародовать, что ея величество царица Мудрость, замѣчая, какъ черезъ нѣкоторыхъ бродягъ иностранцевъ распространяются и поддерживаются различные безпорядки, то по той, де, причинѣ всѣ, уличенные виновными въ этомъ злѣ, высылаются на вѣки изъ общества всего царства, а именно: Обжорство, Алчность, Лихва, Сластолюбіе и т. д., съ того же самаго часа, чтобы не попадаться на глаза, подъ страхомъ дѣйствительной смертной казни. Когда этотъ указъ былъ обнародованъ, невѣроятный шумъ возникъ въ народѣ: въ каждомъ пробудилась надежда на золотой вѣкъ.

5. Спустя немного, когда въ мірѣ никакихъ улуч-

шеній не замѣчалось, явились многіе съ жалобами, что исполненіе судебнаго приговора не состоялось. Послѣ засѣданія по этому поводу царицею назначены были коммиссары: Небрежинъ и Переглядкинъ, а къ нимъ ради большаго почета изъ царскихъ совѣтницъ Умѣренность, съ порученіемъ тщательно разслѣдовать, не остались ли въ странѣ, вопреки указу, тѣ зловредные изгнанники, или не осмѣлились ли нѣкоторые изъ нихъ вернуться обратно. Коммиссары отправились и, спустя нѣкоторое время вернувшись, докладывали, что дѣйствительно нашли нѣсколько подозрительныхъ лицъ, но тѣ не признаютъ себя изгнанниками и именуются иначе: одинъ, дескать, похожій на Обжорство, называется Похмелье или Навеселье; другой, похожій на Алчность, называется Хозяйство; третій, похожій на Лихву, называется Ростъ; четвертый, похожій на Сластолюбіе, называется Ласка; пятый, похожій на Гордость, называется Важность; шестой, похожій на Жестокость, называется Строгость; седьмой, похожій на Лѣность, называется Добродушіе и т. д.

6. По выслушаніи этого доклада въ совѣтѣ было объявлено, что Похмелье не Обжорство, и Алчностью не называется Хозяйство и т. д. Поэтому означенныхъ лицъ должно отпустить на свободу, такъ какъ указъ не относится къ нимъ. Когда такое рѣшеніе было обнародовано, обвиненныхъ выпускали на свободу, и толпа простого народа провожала ихъ, знакомилась и дружилась съ ними. Взглянувъ на Соломона и его друзей, я видѣлъ, какъ они покачивали головами; но когда они молчали, молчалъ и я, только слышалъ, какъ одинъ шепталъ другому: „Имена, вишь, изгнали, но злодѣи, переменивъ свои имена, пользуются полной свободой. Ничего добраго не выйдетъ изъ этого!“

7. Въ то время пришли и просили пріема депу-

таты (посланные) отъ всѣхъ сословій міра, и, получивъ разрѣшеніе, они съ разными жестами начали излагать всепокорнѣйшую просьбу отъ всѣхъ вѣрноподданныхъ, дабы ея величество царица милостиво изволила уважить, какъ ея вѣрноподданные послушно держались до сихъ поръ скипетра ея величества, покорно довольствуясь ея правосудіемъ, приговорами и всѣмъ управленіемъ, и что они впредь намѣрены держаться того а не другого образа мысли; только, де, того покорнѣйше просятъ, дабы въ награду за прежнюю вѣрность и въ поощреніе къ новой непоколебимой вѣрности ея царскому величеству—сдѣлали нѣкоторое расширеніе привилегій и льготъ (какъ ея царскому величеству будетъ благоугодно).—Въ признательность за такія милости они обѣщались выказать подобающее повиновеніе и преданность. Докончивъ свою рѣчь, они поклонились до земли и отступили назадъ. Я, протеревъ себѣ глаза, спрашиваю: „Что же это будетъ? Неужели для міра все еще мало льготъ, что проситъ ихъ больше? Узду на васъ, вотъ что надо, да кнутъ да еще немножко чемерицы *)" прошепталъ я про себя. Я далъ себѣ зарокъ не говорить ничего, да и не подобало мнѣ высказывать своего сужденія въ присутствіи такихъ мудрецовъ и сѣдыхъ старцевъ, которые за этимъ дѣломъ тоже зорко слѣдили.

8. Опять собрались совѣтницы и по долгомъ совѣщаніи царица велѣла объявить, что всегда первою ея заботою было преобразовать и возвысить свое царство и поэтому, благосклонно выслушавъ просьбу своихъ любезныхъ вѣрноподданныхъ, она не пожелаетъ оставить ее безъ послѣдствій . . . . . , ...

---

*) Чемерица Helleborus nigra въ старину служила лѣкарствомъ отъ сумасшествія.

9. Затѣмъ была подана челобитная отъ людей бѣдныхъ сословій, въ которой они, указывая на избытокъ имѣнія у другихъ и горькую нужду у себя, жаловались на большое неравенство и просили его исправить какимъ-либо образомъ. По обсужденіи этого прошенія рѣшили отвѣтить бѣднымъ, что хотя ея величество царица желаетъ удобства всѣмъ, какого каждый для себя ищетъ, однако слава ея царства требуетъ, чтобы одни передъ другими сіяли. Да и ради установленнаго разъ въ мірѣ порядка иначе быть не можетъ, какъ то, чтобы не только замокъ Фортуны былъ занятъ, но и дворъ Дѣятельности полонъ былъ работы. Однако дозволяется всякому, чтобы онъ, не лѣнясь, помогалъ себѣ въ своей бѣдности, какими средствами умѣетъ и можетъ.

10. Когда такое просителямъ данное рѣшеніе стало извѣстно, спустя немного, приступили другіе съ прошеніемъ отъ имени трудящихся, чтобы обезпечить впредь людей, какого бы ни было сословія и предпріятія, невыказавшихъ лѣности, тѣмъ, чтобы предоставить имъ самимъ домогаться и достигать, чего они желаютъ, а ни въ чемъ не быть зависимымъ отъ слѣпого счастья. Обсуждая это прошеніе, они долго держали совѣтъ; по видимому дѣло было нелегкое. Наконецъ было объявлено, что хотя отъ управительницы Фортуны и ея вѣрной (не можетъ быть сомнѣнія въ этомъ) слуги Случайности разъ ввѣренная имъ власть и управленіе не можетъ быть взято изъ рукъ, все-таки принято будетъ къ свѣдѣнію и сдѣлано будетъ по этому дѣлу надлежащее распоряженіе, дабы трудолюбивые остерегались нерадивыхъ (насколько это возможно), и этотъ совѣтъ да послужитъ имъ руководствомъ. И съ тѣмъ они ушли.

11. Затѣмъ явились послы отъ нѣкоторыхъ име-

нитыхъ людей, Ѳеофрастъ и Аристотель, требуя во первыхъ: чтобы они не были подвержены всякимъ случайностямъ, какъ прочіе люди; во вторыхъ, такъ какъ по благости Божіей въ мірѣ семъ они были одарены болѣе другихъ замѣчательнымъ умомъ, способностями и науками а также богатствомъ и мн. др., (такъ какъ смерть подобныхъ людей явный ущербъ для общества) просили, не могутъ ли они получить льготу передъ толпою простого народа и вовсе не умирать. Первая ихъ просьба была уважена по справедливому требованію; имъ было разрѣшено защищать себя отъ приключеній, какъ можетъ каждый: знатоки своимъ знаніемъ, осторожные своей осторожностью, сильные своей силою, богатые своимъ богатствомъ. А по поводу второй статьи ихъ прошенія царица Мудрость созвала тотчасъ всѣхъ знаменитыхъ алхимистовъ и повелѣла имъ отыскать средство ведущее къ безсмертію. Выслушавъ приказаніе, они разошлись. Прошло довольно времени и никто изъ коммиссіи алхимистовъ не возвращался, между тѣмъ послы домогались отвѣта; поэтому имъ была выдана pro interim, временно, такая резолюція: „Такъ какъ ея царскому величеству не желательно бы было, чтобы выдающіеся люди совсѣмъ гибли наравнѣ съ другими, а надлежащаго средства къ тому пока не имѣется, то имъ предоставляется, въ видѣ льготы, какъ можно дольше хранить ихъ среди живыхъ, между тѣмъ какъ обыкновенныхъ людей погребаютъ тотчасъже по смерти, и во вторыхъ, могутъ они завѣщать класть камни на своихъ могилахъ, между тѣмъ какъ другіе покоятся подъ зеленымъ дерномъ. Это разрѣшается имъ. въ видѣ привилегіи, въ отличіе отъ простого народа.

12. Когда они ушли, явились представители начальствующихъ, изъявляя всѣ трудности своего сосло-

вія и требуя себѣ облегченія. Имъ дозволено было отдыхать и управлять черезъ намѣстниковъ и чиновниковъ, и они удалились вполнѣ удовлетворенными.

14. Когда тѣ были отпущены, тутъ остались еще политики, царскіе и господскіе совѣтники, доктора правъ, адвокаты, старосты и т. д. Они сѣтовали на несовершенство писанныхъ правъ, что по нимъ не всѣ появляющіеся между ними споры могутъ быть рѣшаемы (хотя уже нѣсколько сотъ тысячъ случаевъ у нихъ собрано). Отъ того, дескать, они не могутъ поддерживать прочный порядокъ среди всѣхъ людей, а если когда-либо для разъясненія правъ и рѣшенія тяжбы они прибавятъ что-либо изъ своего, то это, де, неблагоразумными принимается за натяжку законовъ и извращеніе тяжбы, отчего и возникаютъ непріязненныя отношенія къ нимъ и взаимныя препирательства еще болѣе возрастаютъ. Поэтому они обращаются съ просьбою подать имъ совѣтъ, какъ поступать, или защитить ихъ отъ пытливыхъ человѣческихъ сужденій. Когда имъ велѣли явиться, начался опросъ. Здѣсь долго было бы приводить, какія ходатайства поступали отъ каждой совѣтницы . . . .
. . . .

15. Спустя недолгое время пришли жены, подавая жалобу, что онѣ подъ властью мужей должны оставаться какъ рабыни. Нашлись тутъ же и мужья, скорбѣвшіе о непослушаніи женъ. Нѣсколько разъ царица съ совѣтницами совѣщалась, наконецъ черезъ канцлершу объявленъ былъ такой приговоръ: „Такъ какъ природа преимущество дала мужьямъ, то пусть останется оно за ними, однако съ слѣдующимъ значительнымъ ограниченіемъ: „Во первыхъ, такъ какъ жены составляютъ половину человѣческаго рода, то мужья

ничего не должны дѣлать безъ ихъ совѣта. Во вторыхъ, такъ какъ природа зачастую щедрѣе раздаетъ свои дары женамъ, нежели мужьямъ, то пусть та изъ нихъ, которая умомъ и властью можетъ превзойти своего мужа, называется мужаткою, и пусть мужъ не отнимаетъ отъ нея преимуществъ. Это былъ первый приговоръ, которымъ однако не захотѣли довольствоваться ни мужья, ни жены. Жены на самомъ дѣлѣ хотѣли, чтобы мужья дѣлились властью съ ними, или смѣнялись бы такимъ образомъ, чтобы очередь управленія по временамъ изъ рукъ мужей переходила въ руки женъ. Даже нашлись и такія, что хотѣли исключительно только господствовать, выставляя свою подвижность и быстроту ума, и требовали предоставить имъ преимущество, ссылаясь на то, что мужья пользовались имъ втеченіе нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ, а теперь пришла пора уступить имъ. Для этого усмотрѣли благородный примѣръ въ англійскомъ королевствѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда въ царствованіе королевы Елизаветы всѣ мужья въ честь ея предоставили женамъ правую руку, что съ достоинствомъ сохранилось у нихъ еще до сихъ поръ. Итакъ какъ ея величество царица міра Мудрость и всѣ ея совѣтницы Богомъ созданы въ своемъ полу и такими представлены міру, то и управленіе домовъ и общинъ было бы для насъ желательно устроить по примѣру міра. (Regis ad exemplum totus componitur orbis). Этой рѣчью онѣ расчитывали легко привлечь царицу Мудрость на свою сторону. Но мужья, дабы тяжбу не просрочить давностью, защищали себя такъ: „Хотя Богъ царицѣ Мудрости и ввѣрилъ управленіе, но Онъ держитъ его самъ всецѣло и всегда нераздѣльно: поэтому они, дескать, тоже хотятъ властвовать“ и т. д.

16. Это вызвало опять рядъ совѣщаній: такой

тяжелый предметъ, видимо, давался имъ не легко. Хотя мы всѣ ждали окончательнаго приговора, но не дождались его. Однако Осторожности и Привѣтливости поручено было тайно вести переговоры съ той и другой стороною. А тѣ, принявшись за дѣло, нашли такое средство, чтобы мужья ради согласія и мира, по крайней мѣрѣ у себя дома, не гласно, предоставили первенство своимъ женамъ и пользовались ихъ совѣтами. А жены, довольствуясь этимъ, съ внѣшней стороны изъявляли бы свое послушаніе; и такимъ образомъ можно было бы удержать и древніе обычаи и упрочить ихъ семейный строй; иначе великая тайна общественнаго управленія „что именно мужья управляютъ общиной, община управляетъ женами и жены опять мужьями,“ будетъ выдана; поэтому ея величество царица проситъ обѣ стороны не предавать этого гласности. Такъ было и принято. Видя это, одинъ изъ дружины Соломона сказалъ: „Жена почитающая мужа своего, мудрою называется“; а другой прибавилъ: „Мужъ есть глава жены, какъ и Христосъ глава церкви“. Дѣло осталось при этомъ полюбовномъ соглашеніи, и мужья и жены вышли оттуда.

ГЛАВА 33.

Соломонъ открываетъ суету и обольщеніе міра.

Тогда Соломонъ, до сихъ поръ молча наблюдая за всѣмъ и не будучи въ состояніи долѣе удержаться, громко воззвалъ: „Суета суетъ и все суета! Неужели, что криво, то невозможно выпрямить и счесть всѣхъ недостатковъ? И онъ, поднявшись со всей своей дружиной, съ большимъ шумомъ прямо направился къ престолу царицы (чему даже бѣшеная почта съ тѣлохранителями не могли воспрепятствовать, на столько

всѣ, даже сама царица со своими совѣтницами были поражены всѣмъ его блескомъ и громкимъ голосомъ). Онъ, приблизившись къ ней, сдернулъ съ ея лица покрывало, считавшееся прежде чѣмъ-то неприкосновеннымъ и дорогимъ, но на самомъ дѣлѣ оказавшееся только паутиной. И вотъ ея лице представилось блѣднымъ, опухшимъ, съ небольшимъ румянцемъ на щекахъ, и то поддѣльнымъ, какъ мѣстами замѣчалось по лупленію. Руки и тѣло ея оказалось до отвращенія болѣзненнымъ и дыханіе ея было смрадное. Отъ ужаса я и всѣ присутствующіе стояли, какъ окаменѣлые.

2. Соломонъ затѣмъ, обернувшись къ совѣтницамъ мнимой царицы, сорвалъ и съ нихъ маски и сказалъ: „Здѣсь вмѣсто правды царитъ неправда и вмѣсто святости мерзость. Ваша радивость есть подозрительность, ваша осторожность — хитрость, ваша привѣтливость—лесть, ваша правда—только лицемѣріе, ваша ревность—бѣшенство, ваша храбрость—дерзость, ваша любовь—сластолюбіе, ваше трудолюбіе—рабство, ваше остроуміе—самомнѣніе, ваша набожность—ханжество и т. д. Вамъ ли на мѣстѣ всемогущаго Бога управлять міромъ? Яко все твореніе приведетъ Богъ на судъ о всякомъ погрѣшеніи, аще благо и аще лукаво. Я самъ пойду и буду проповѣдывать всему міру, чтобы онъ не допустилъ соблазнять и обманывать себя“.

3. Гнѣвно повернувшись, онъ со своей дружиной направился къ выходу. Когда онъ проходилъ по улицамъ и громко взывалъ: Суета суетъ и все суета, отовсюду стекались народы, люди и языки изъ далекихъ странъ, и онъ, гремя краснорѣчіемъ, поучалъ ихъ. Слова его скорѣе походили на шипы или гвозди.

4. Но я не пошелъ за нимъ, а все еще стоялъ тутъ на площади со своими проводниками и смотрѣлъ,

что будетъ дальше. И вотъ царица, оправившись отъ обморока, стала совѣщаться со всѣми совѣтницами, какъ дѣйствовать. Тутъ Радивость, Откровенность и Храбрость совѣтовали поднять всю силу ратную въ погоню за нимъ и схватить его. Однако Осторожность настаивала, что силою тутъ ничего нельзя достигнуть, потому что онъ не только самъ по себѣ могуществен, но пріобрѣлъ послѣдователей уже во всѣхъ почти странахъ міра (какъ доносили возвращавшіяся одна за другою почты); но лучше, предлагали онѣ, вслѣдъ ему послать Привѣтливость и Льстивость, которыя изъ замка Фортуны захватятъ съ собою Роскошь, и онѣ пусть всюду, льстиво увиваясь около него, представляютъ и восхваляютъ красоту, славу и прелесть сего царства; этимъ путемъ онѣ скорѣе его поймаютъ — другого средства она, де, не знаетъ. Такой совѣтъ былъ одобренъ и согласно ему тѣ трое отправились въ путь.

ГЛАВА 34.

Соломонъ обольщенъ.

Узнавъ это, я попросилъ своихъ проводниковъ итти туда и посмотрѣть, что будетъ. Всюдубудь охотно согласился, толковникъ тоже. Мы отправились и нашли Соломона съ его дружиной въ улицѣ ученыхъ. Онъ къ удивленію всѣхъ толковалъ о природѣ деревъ отъ кедра что̀ на Ливанѣ до ѵссопа, выростающаго изъ стѣны; разсуждалъ о животныхъ, о птицахъ, о пресмыкающихся, о рыбахъ, о сущности міра и его элементахъ, о строеніи звѣздъ, о человѣческомъ мышленіи и т. д. И стекались народы отовсюду послушать мудрости его. Прославившись этимъ, онъ началъ любоваться самимъ собою, особенно когда Привѣтли-

вость и Льстивость, осторожно подобравшись къ нему, начали превозносить его передъ лицемъ всего народа.

2. Оттуда отправился онъ въ сословіе ремесленниковъ, тамъ осматривалъ и любовался разнообразіемъ ихъ искусства и самъ своимъ высокимъ умомъ измышлялъ для нихъ необыкновенныя вещи, принадлежавшія къ искусственному строенію огородовъ и садовъ, прудовъ и къ постройкѣ домовъ и городовъ и созданію всякаго рода удовольствій для сыновъ человѣческихъ.

3. При входѣ же въ улицу супруговъ льстивая Роскошь навстрѣчу ему вывела всѣхъ красивѣйшихъ дѣвицъ, богато наряженныхъ, въ сопровожденіи сладкозвучной музыки, и велѣла избраннымъ юницамъ торжественно встрѣтить его и величать свѣтомъ рода человѣческаго, вѣнцемъ народа Израильскаго, украшеніемъ всего міра и высказать ему, что сколько сословія ученыхъ и ремесленниковъ заимствовали отъ его сіятельнаго присутствія разумности и просвѣщенія, столько же улучшеній ожидаетъ и сословіе супруговъ отъ его присутствія. Воздавъ имъ почтительную благодарность за этотъ привѣтъ, Соломонъ заявилъ, что онъ рѣшилъ удостоить это сословіе своимъ участіемъ и избравъ наикрасивѣйшую изъ всѣхъ, велѣлъ съ ней взвѣсить себя и заковать (называли ее дочерью Фараона) и, плѣненный ея любовью, больше занимался ея красотою, чѣмъ своей мудростью. Но потомъ онъ (чего я никогда не ожидалъ) устремляя свои взоры по толпѣ пляшущихъ юницъ (когда льстивая Роскошь все больше и больше къ нему приводила ихъ) и, плѣняемый красотою то одной то другой, зазывалъ къ себѣ все, что ему нравилось, безъ всякаго взвѣшиванія, и такимъ образомъ въ короткое время онъ вокругъ себя

увидалъ ихъ семь сотъ, кромѣ другихъ трехъ сотъ свободныхъ, и за славу свою почиталъ превзойти въ этомъ всѣхъ людей до него и послѣ него. Больше мы здѣсь уже ничего не видѣли кромѣ разныхъ шутокъ, приводившихъ въ смущеніе его собственныхъ людей.

4. Онъ, пройдя ту улицу, шествовалъ далѣе съ своей дружиной въ улицу набожниковъ, къ язычникамъ, куда увлекало его несчастное, прикованное къ нему общество: къ звѣрямъ и гадамъ, драконамъ и ядовитымъ червямъ, и съ ними онъ началъ свою печальную забаву.

ГЛАВА 35.

Соломоново общество разогнано, перехвачено и позорною смертью истреблено.

Видя Соломона такимъ образомъ обольщеннымъ, самые лучшіе его друзья: Моисей, Илія, Исаія, Іеремія начали сильно негодовать, свидѣтельствуя передъ небомъ и землей, что они не хотятъ быть участниками такихъ мерзостей, и увѣщевали весь народъ сторониться суеты и безумія. Такъ какъ многіе всетаки продожали слѣдовать примѣру Соломона, дружина его тѣмъ болѣе воспламенялась ревностью и еще грознѣе обличали его, особенно Исаія, Іеремія, Барухъ, Стефанъ, Павелъ и т. д. Моисей велѣлъ своимъ людямъ опоясать себя мечемъ, Илія съ неба огню сойти, Іезекіиль сокрушить всѣ кумиры и т. д.

2. Видя это, посланныя для соблазна Соломона Привѣтливость, Льстивость и Роскошь, пригласивъ съ собою философовъ, Маммона и др., обратились къ ревнителямъ и совѣтовали имъ опомниться и вести себя

нѣсколько умѣреннѣе, такъ какъ мудрѣйшій изъ всѣхъ, Соломонъ, и тотъ покорилъ свой разумъ, что̀ каждый воочію видитъ, и свыкся съ порядками сего міра, почему же имъ дѣлать такія исключенія и излишне умствовать? Однако никто не внималъ, и чѣмъ больше примѣръ Соломона соблазнялъ и прельщалъ многихъ, тѣмъ больше негодовали, бѣгали, кричали, ревѣли, такъ что поднялась страшная буря.

3. Царица, черезъ своихъ обо всемъ извѣщенная, разослала приказъ собрать ополченіе, предводителемъ котораго назначила своего тѣлохранителя Силу, и повелѣла ловить всѣхъ мятежниковъ и всенародно ихъ казнить. Забили тревогу, и готовыхъ вступить въ бой собралось множество не только изъ сословія воиновъ, но и отъ властей, чиновниковъ, старостъ, судей, ремесленниковъ, философовъ, медиковъ, юристовъ и даже изъ священниковъ и женщинъ, въ самомъ разнообразномъ одѣяніи и вооруженіи (ибо говорили, что противъ такихъ общественныхъ возмутителей міра должно дѣйствовать всѣмъ заодно безъ различія возраста). Завидѣвъ отовсюду надвигавшіяся войска, я спросилъ своихъ проводниковъ: „Что же это будетъ?“ „Теперь узнаешь, отвѣтилъ мнѣ толковникъ, какъ поступаютъ съ тѣми, которые своимъ умствованіемъ заводятъ въ мірѣ крамолу и смуты“. . . . .
. . . .

ГЛАВА 36.

Путникъ хочетъ бѣжать изъ міра.

Не будучи въ состояніи даже смотрѣть на эти бѣдствія и долѣе переносить сердечную скорбь, я бѣжалъ, желая укрыться гдѣ-нибудь въ пустынѣ или,

если это было бы возможно, даже внѣ міра. Но мои проводники, погнавшись за мною, настигли меня и спрашивали, куда направляюсь. Желая отдѣлаться молчаніемъ, я имъ не отвѣтилъ. Но когда они неотвязно настаивали и не хотѣли меня отпустить, я сказалъ: „Не жду въ мірѣ ничего лучшаго! Пропала теперь моя надежда! Горе мнѣ!“—„Неужели ты еще не образумишься даже, при видѣ подобныхъ примѣровъ?“ *)—„Тысячу разъ предпочитаю умереть, чѣмъ быть тамъ, гдѣ происходитъ подобное, и смотрѣть на беззаконіе, подлогъ, ложь, развратъ и жестокость. Смерть для меня теперь болѣе желательна, нежели жизнь; пойду посмотрѣть лучше, какова судьба мертвыхъ, которыхъ, какъ вижу, выносятъ“.

2. Всюдубудъ тотчасъ согласился, говоря, что не мѣшаетъ посмотрѣть и это и все уразумѣть, второй однако не совѣтовалъ, даже очень возбранялъ. Не обращая на него вниманія, я вырвался отъ нихъ и пошелъ впередъ, Обманъ же, отставъ, покинулъ меня совсѣмъ.

3. Оглядываясь вокругъ, вижу множество умирающихъ, и каково же было ихъ состояніе—оно было самое жалкое! Каждый съ ужасомъ, рыданіемъ, страхомъ и содроганіемъ отдавалъ свою душу, не зная, что съ нимъ будетъ, и куда попадетъ онъ изъ сего міра. Хотя я и боялся, но все-таки, желая узнать еще больше, шелъ впередъ рядами одровъ и дошелъ, наконецъ, до края міра и свѣта. Когда я увидѣлъ, какъ здѣсь люди съ закрытыми глазами слѣпо бросали своихъ покойниковъ, я, сбросивъ очки обмана и протеревъ себѣ глаза, какъ можно дальше наклонился и

*) гл. 35, 4.

заглянулъ туда, и мракъ кромѣшной тьмы представился моимъ глазамъ, границъ которой человѣческій разумъ не въ состояніи найти; тамъ ничего не было кромѣ червей, жабъ и гадовъ, скорпіоновъ, гноя, смраду и запаха сѣры и смолы, поражающаго тѣло и душу, страшный и невообразимый ужасъ!

4. Всѣ внутренности мои коченѣли, все мое тѣло содрогалось, и я въ изнеможеніи палъ на землю и жалобно взывалъ: „Жалкіе, убогіе, несчастные люди! неужели это ваша послѣдняя слава! это ли вѣнецъ вашихъ прославленныхъ дѣйствій! это ли цѣль вашихъ искусствъ и всесторонней мудрости, которыми вы превозносились! это ли желанный миръ и отдыхъ послѣ столь безчисленныхъ работъ и утружденій! Въ этомъ ли ваше безсмертіе, которое вы всегда обѣщали другъ другу! Лучше бы мнѣ никогда не родиться и никогда не проходить черезъ ворота жизни, если послѣ всѣхъ суетъ міра мнѣ суждено быть добычею кромѣшной тьмы и всякихъ ужасовъ! Ахъ Боже, Боже, Боже! Богъ мой, если ты Богъ, спаси меня погибающаго!"

ГЛАВА 37.

Путникъ нашелъ путь домой.

Я смолкъ, но весь еще дрожалъ отъ ужаса, какъ вдругъ слышу за собою томный голосъ: „Вернись!" Я приподнялъ голову, оглянулся, но никого не видѣлъ, даже проводника Всевѣда, ибо и тотъ уже покинулъ меня.

2. Но вотъ снова раздался тотъ же гласъ: „Вернись!" Не зная, куда вернуться и какимъ путемъ выйти изъ этого мрака, я смутился въ душѣ; и слышу въ

третій разъ: „Вернись, откуда ты вышелъ, въ домъ сердца своего, и затвори двери за собою!“

3. Когда сознаніе освѣтило меня, я уразумѣлъ этотъ совѣтъ, и счастье мое, что я послушался гласа совѣтовавшаго мнѣ Бога; этимъ явлена была имъ милость его. Собравшись съ своими мыслями, закрывъ глаза, уши, ротъ, ноздри и всѣ внѣшніе проводники дыханія, я углубился въ свое сердце; но тамъ была тьма. Чуть-чуть открывъ глаза и немного оглянувшись, я увидалъ едва замѣтный, скважинами проникающій свѣтъ, и сверху во сводѣ моей внутренней храмины я замѣтилъ большое окно, круглое, стекляное, засоренное и грубо замараннос, такъ что солнечному лучу трудно было проникнуть сквозь него.

4. Вглядываясь кругомъ при такомъ незначительномъ освѣщеніи, я однако усмотрѣлъ по стѣнамъ какія-то изображенія, по моему мнѣнію, хорошей работы, но уже поблекшія, надорванныя и надломленныя. Приблизившись къ нимъ, я замѣтилъ надписи: Осторожность, Смиреніе, Справедливость, Чистота, Трезвость и т. д. Посреди же свѣтлицы я увидалъ разбросанныя какія-то поломанныя лѣстницы, расколотыя и раскиданныя клещи, веревки, большія крылья съ общипанными перьями, наконецъ часовыя колеса съ отломанными, искривленными валиками, зубцами, столбиками, и все было разбросано.

5. Къ чему эти снаряды, какъ и кѣмъ было все это разрушено, удивлялся я и думалъ, нельзя ли снова все это исправить. Долго размышлялъ я, глядя на это, но придумать ничего не могъ, какъ вдругъ осѣнила меня надежда, что тотъ, кто призвалъ меня сюда, откликнется мнѣ и наставитъ меня, какъ дальше по-

ступить. И дѣйствительно, все окружающее здѣсь стало мнѣ какъ-то нравиться не только потому, что эта свѣтлица не поражала меня противнымъ запахомъ, какъ тѣ мѣста, по которымъ я прежде бродилъ, но главное, полнымъ отсутствіемъ какого-либо шума, шороха, визга и треска, безпокойства, шатанія, мыканія и насилія (чего много въ мірѣ), но все было тихо, все спокойно!

ГЛАВА 38.

Христосъ посѣщаетъ путника.

Я погрузился въ свои думы и ждалъ, что будетъ дальше. И вотъ, внезапный свѣтъ осіялъ меня свыше, я поднялъ взоры и увидалъ верхнее окно моей свѣтлицы наполненнымъ блескомъ, и въ томъ блескѣ ко мнѣ спускался нѣкто, съ виду похожій на насъ людей, но по своему ясному лику это былъ истинный Богъ. Хотя отъ лица его исходило необыкновенное сіяніе, но для человѣческихъ глазъ оно было доступно, не ужасомъ вѣяло отъ него, но неизреченной благостью, какой въ мірѣ я нигдѣ не испытывалъ. Онъ, самая привѣтливость, самая любезность, обратился ко мнѣ такими любвеобильными словами:

2. „Привѣтъ тебѣ, сынъ и братъ мой дорогой!" Сказавъ это, онъ ласково обнялъ меня и поцѣловалъ. Пріятнѣйшимъ благоуханіемъ повѣяло на меня, я былъ проникнутъ какой-то неизреченной радостью, слезы полились изъ моихъ глазъ, и я не зналъ, что отвѣчать на такое неожиданное привѣтствіе и, вздохнувъ глубоко, покорно взглянулъ на него. Онъ, видя меня объятаго умиленіемъ, такъ продолжалъ увѣщевать меня: „Гдѣ же ты былъ, сынъ мой? гдѣ ты былъ такъ долго? куда ты ходилъ? чего искалъ въ мірѣ? Утѣше-

нія? И гдѣ же ты долженъ былъ искать его, какъ не въ Богѣ? и гдѣ есть Богъ, какъ не въ храмѣ его? и что есть храмъ Бога живаго, какъ не храмъ живой, который онъ самъ себѣ уготовалъ, твое собственное сердце? Видѣлъ я, сынъ мой, гдѣ ты заблудился, по долѣе не хотѣлъ я взирать и привелъ тебя къ себѣ тѣмъ, что ввелъ тебя въ храмъ сердца твоего. Его избралъ я мѣстомъ своего пребыванія; если здѣсь хочешь со мною обитать, найдешь все, чего ты въ мірѣ напрасно искалъ: найдешь покой, утѣшеніе, славу и полное удовлетвореніе. Здѣсь, сынъ мой, ты не встрѣтишь обмана, какъ тамъ."

3. Въ этихъ словахъ я позналъ моего Спасителя Іисуса Христа, о которомъ прежде въ мірѣ я кое-что поверхностно слыхалъ, а теперь, сложивъ руки и вознося ихъ къ нему не съ боязнью и сомнѣніемъ, какъ было прежде въ мірѣ, а съ полнымъ упованіемъ и глубокою вѣрою воскликнулъ: „Теперь я твой, Господи Іисусе Христе! Прими меня къ себѣ, Твоимъ хочу я быть и Твоимъ остаться на вѣки! Повели рабу своему и дай мнѣ слушаться, повѣдай, чего хочешь и дай мнѣ любоваться Тобою, возложи на меня, что благоугодно Тебѣ, и дай мнѣ нести бремя Твое; поставь меня къ чему хочешь и дай совершить; прикажи, что хочешь, и дай исполнить повелѣнія Твои; пусть буду ничѣмъ, да бы Ты самъ былъ все.

ГЛАВА 39.

Ихъ общій уговоръ.

Принимаю твой обѣтъ, сынъ мой, сказалъ онъ. Пребывай въ немъ, называйся моимъ неотъемлемымъ. Истинно, ты былъ мой вѣчно и мой ты и нынѣ; но

прежде ты этого не зналъ. Я для тебя уже давно готовилъ утѣшеніе, къ которому нынѣ и приведу тебя, но ты этого не постигалъ. Я велъ тебя дивными путями къ себѣ по околицѣ и запольемъ; ты не вѣдалъ, куда я, руководитель всѣхъ, направлялъ своихъ избранныхъ, и дѣйства моего ты у себя не сознавалъ. Я же съ тобою былъ вездѣ и велъ тебя окольными путями, дабы тебя тѣмъ ближе привести къ себѣ. Ничему не могъ тебя научить міръ, ничему не научили твои проводники и самъ Соломонъ; ничѣмъ тебя не могли обогатить, ничѣмъ насытить, ничѣмъ успокоить желанія сердца твоего; ибо въ нихъ не было уложено, чего ты искалъ, я же научу тебя всему, я обогащу, я насыщу тебя.

2. Одного только у тебя прошу: все, что увидишь въ мірѣ, какія ни встрѣтишь человѣческія насилія въ дѣлахъ земныхъ, все возноси ко мнѣ, все возлагай на меня. Въ этомъ твой трудъ и твое занятіе до конца жизни твоей; чего люди ищутъ и не находятъ—покоя и радости—тѣмъ я награжду тебя.

3. Въ супружествѣ ты видѣлъ, что люди, полюбившіе другъ друга, покидаютъ все, чтобы стать своими. Поступи также, оставь все и самого себя вручи мнѣ и будешь мой, и благо тебѣ будетъ. Пока не сдѣлаешь этого, ты не достигнешь никакого успокоенія сердца своего, знай это. Въ мірѣ мѣняется все, чего бы ты ни захотѣлъ держаться сердцемъ и душою, кромѣ меня; такъ или иначе все будетъ увлекать тебя и безпокоить, а наслажденіе, котораго ты жаждалъ, превратится въ скорбь. Поэтому я истинно совѣтую тебѣ, сынъ мой, оставь все, держись меня, будь моимъ, и я буду твоимъ. Замкнемся въ этомъ убѣжищѣ, и ты почувствуешь болѣе истинное бла-

женство, нежели люди могутъ обрѣсти въ тѣлесномъ бракѣ. Старайся угождать только мнѣ, только меня имѣть совѣтникомъ, вождемъ, свидѣтелемъ, другомъ и товарищемъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ и всякій разъ, обращаясь ко мнѣ, говори: „Только я и ты, Господи мой!“ О третьемъ комъ-нибудь заботиться тебѣ нѣтъ нужды. Меня держись, на меня гляди, со мною бесѣдуй, меня лобызай и отъ меня ожидай того же“.

4. „Ты видѣлъ въ другомъ сословіи, какими безконечными трудами заняты люди ради прибыли, къ какимъ ухищреніямъ не прибѣгаютъ они, на какія опасности не рѣшаются они? Все это сочти суетою, потребно только одно: любви Божіей. И потому держись единого призванія, которому я ввѣрилъ тебя, и спокойно продолжай свой трудъ, конецъ и цѣль его поручая мнѣ.“

5. Среди ученыхъ ты видѣлъ, какъ они стремятся изслѣдовать все, но для тебя да будетъ верхъ науки—изслѣдовать меня въ моихъ дѣяніяхъ, какъ дивно управляю тобою и всѣмъ; здѣсь найдешь для размышленія больше матеріала, чѣмъ они въ мірѣ, и найдешь его къ неизреченному удовольствію. Вмѣсто всѣхъ библіотекъ, чтеніе которыхъ представляетъ безконечный трудъ, пользы мало, напротивъ часто вредъ, утомленіе и тоску, я даю тебѣ книгу, въ которой заключаются всѣ науки. Здѣсь грамматикой твоей будетъ размышленіе о моихъ словахъ, діалектикой вѣра въ нихъ, риторикой—молитвы и воздыханіе, физикой—созерцаніе моихъ дѣяній, метафизикой—восхищеніе мною и дѣлами вѣчными; математикой—счисленіе, взвѣшиваніе и измѣреніе моихъ благодѣяній со всѣми неблагодарностями міра, этикой твоей будетъ любовь ко мнѣ, которая дастъ правила всѣмъ твоимъ дѣйствіямъ въ

отношеніи меня и твоихъ ближнихъ. Всѣхъ этихъ знаній будешь искать не для того, чтобы тебя видѣли, но чтобы тѣмъ путемъ приближаться ко мнѣ. Чѣмъ будешь въ этомъ проще, тѣмъ будешь искуснѣе. Ибо простымъ сердцамъ свѣтитъ мой свѣтъ.

6. Среди врачей ты видѣлъ отыскиваніе разныхъ средствъ для охраненія и продленія жизни. Но для чего тебѣ заботиться, какъ долго ты проживешь. Развѣ это въ твоей власти? Не пришелъ ты въ міръ по своей волѣ и не уйдешь изъ него по своей же волѣ— надъ этимъ да будетъ мое провидѣніе. Потому старайся добрѣ жить, и я позабочусь, какъ долго тебѣ жить. Живи просто и по волѣ Моей, и я по твоей волѣ буду твоимъ врачемъ, я даже буду твоей жизнью и долговѣчностью твоихъ дней. Иначе безъ меня и врачевство есть ядъ; но когда я повелю, и ядъ становится врачевствомъ. Поэтому предай мнѣ свою жизнь и свое здоровье, самъ не тревожась о немъ.

7. Въ правовѣдѣніи ты видѣлъ ужасныя и затруднительныя хитрости, которыми люди всячески учатся препираться другъ съ другомъ. Правовѣденіемъ твоимъ да будетъ: не завидуй никому ни въ чемъ, предоставляя всякому свое; не возбраняй нуждающимся въ чемъ-либо твоемъ; воздавай кому чѣмъ обязанъ, а кому сверхъ обязанности можешь быть полезнымъ, на то считай себя призваннымъ, ради спокойствія уступая все и себя самого; если у тебя беретъ кто-либо кафтанъ, отдай ему въ придачу плащъ; если бьетъ въ щеку, подставь ему и другую. Это мой законъ, если будешь его соблюдать, обрящешь покой душѣ своей!“

11. Ты видѣлъ также, чего люди ищутъ въ замкѣ мнимаго счастья и изъ-за чего они хлопочутъ: изъ-за имѣнія, удовольствія и славы. Но ты не внимай; здѣсь кроется не покой, а только тревога и скорбный путь.

О пріобрѣтеніи имѣнія зачѣмъ тебѣ печись? на что желать его? Жизнь малымъ держится, и самъ я позабочусь о томъ, кто служитъ мнѣ. Потому старайся собирать внутреннія сокровища, просвѣщеніе и благочестіе, все же прочее дарю тебѣ въ придачу: небо и земля по праву наслѣдства будутъ принадлежать тебѣ. Владѣніе это не будетъ тебя угнетать, какъ другихъ, но несказанно радовать.

12. Люди въ мірѣ любятъ искать общества. Ты избѣгай шума и люби уединеніе. Общество ведетъ до соблазна и до излишества или же до лѣни и траты времени. Однако ты не одинъ, не бойся, хотя и былъ бы одинъ; съ тобою пребываю я, съ тобою сонмы моихъ ангеловъ, съ нами да будетъ бесѣда твоя. Если пожелаешь иногда и видимаго общества, ищи людей одного духа съ тобою, чтобы ваше сообщество было общее въ Богѣ утвержденіе.

13. Люди мірскіе находятъ радость въ обильномъ пиру, въ ѣдѣ, питьѣ и смѣхѣ. Но для тебя да будетъ радостью со мною и ради меня, если случится—голодать, жаждать, плакать и страдать. И если предоставлю тебѣ какую-либо выгоду, да послужитъ она тебѣ въ радость ради меня и во мнѣ.

14. Ты видѣлъ, какъ люди мірскіе жаждутъ славы и почета, но ты не внимай людской молвѣ. Когда о тебѣ люди говорятъ хорошо или худо, это не важно для тебя, если только я доволенъ тобою. Если знаешь, что ты мнѣ угоденъ, не заботься угождать людямъ; ихъ пріязнь не постоянна, неполна и превратна; они часто любятъ, что достойно ненависти, и ненавидятъ то, что достойно любви. Угодить же всѣмъ никогда не возможно; желая понравиться одному, опротивѣешь

другимъ. Такъ оставь всѣхъ, обо мнѣ только думай и благо будетъ тебѣ; когда мы оба будемъ понимать другъ-друга, то мірская молва ничего не отниметъ у тебя, какъ и не придастъ ни мнѣ ни тебѣ. Прослыть извѣстнымъ не ищи, сынъ мой! Униженіе твое да будетъ твоей славой, если даже неизвѣстнымъ останешься ему: такъ лучше, такъ безопаснѣе. Между тѣмъ мои ангелы будутъ о тебѣ вѣдать, съ тобою бесѣдовать, тебѣ стараться служить, твои дѣйствія оглашать на землѣ и на небѣ, когда будетъ потребно. Когда же наступитъ время исправленія всего въ мірѣ, приведутъ всѣхъ васъ, преданныхъ мнѣ, къ неизреченной славѣ передъ сонмомъ ангеловъ воочію всего міра: противъ сей славы вся слава сего міра менѣе чѣмъ тѣнь.

15. Потому, сынъ мой, припоминаю тебѣ: если у тебя имѣніе, знаніе, краса, остроуміе, людская пріязнь и все, что въ мірѣ называется совершенствомъ, не возвышайся этимъ; если не имѣешь, не думай о томъ, напротивъ, оставивъ все, что у тебя или у другихъ, такимъ, какимъ оно есть—внѣшнимъ достояніемъ, самъ здѣсь, въ сердцѣ своемъ, помышляй обо мнѣ. Отрѣшившись отъ всего тварнаго и отказавшись отъ самого себя, ты обрящешь меня и во мнѣ полноту покоя и мира.

16. На это я отвѣтилъ: „Господи мой! разумѣю, что Ты все; кто Тебя имѣетъ, легко тому отказаться отъ всего міра, ибо въ Тебѣ находитъ онъ больше, нежели самъ умѣетъ желать. Скитаясь въ мірѣ, я искалъ удовлетворенія въ немъ и заблудился. Но отъ сего часа не желаю другого для себя утѣшенія кромѣ тебя. Тебѣ нынѣ предаюсь весь; а Ты дай крѣпость и силу мнѣ, дабы отъ Тебя не отпасть къ тварному и

снова не дойти до безразсудства, которымъ наполненъ міръ. Твоя любовь да хранитъ меня, я уповаю на нее".

ГЛАВА 40.

Какъ преобразился путникъ.

Когда я такъ говорилъ, въ душѣ у меня начало еще болѣе просвѣтляться, и я замѣтилъ въ храминѣ сердца своего, что изображенія, которыя прежде видѣлъ потускнѣвшими и надорванными снова стали цѣлыми, ясными, красивыми и оживленными въ моихъ глазахъ. Всѣ же разбросанныя и поломанныя колеса сомкнулись въ одно цѣлое, прекрасное орудіе на подобіе часовъ, изображающихъ бѣгъ міра сего и дивное управленіе Божіе. Лѣстницы починились и приставились къ окну, черезъ которое проникалъ ко мнѣ небесный свѣтъ и откуда видъ открывался вдаль. Крылья, прежде ощипанныя, снова покрылись большими перьями, и Господь, бесѣдовавшій со мною, прикрѣпивъ ихъ мнѣ сказалъ: „Сынъ мой я обитаю въ двухъ жилищахъ, на небѣ въ славѣ своей и на землѣ въ сердцѣ смиренномъ. Отнынѣ хочу, чтобы у тебя также было двойное жилище, одно здѣсь, въ сердцѣ твоемъ, гдѣ и я буду съ тобою, другое у меня, въ небесахъ; и дабы ты могъ подняться ко мнѣ, даю тебѣ крылья: желаніе вѣчныхъ благъ и молитву; съ ними ты можешь вознестись ко мнѣ, когда захочешь, и наслаждаться мною, какъ и я тобою.

ГЛАВА 41.

Путникъ направленъ въ невидимую церковь.

„Между тѣмъ ради твоего утвержденія и пониманія истины сего утѣшенія, къ которому я нынѣ при-

звалъ тебя, я посылаю тебя къ другимъ рабамъ своимъ покинувшимъ прежде сей міръ и предавшимся мнѣ, дабы ты могъ разсмотрѣть ихъ состояніе. „Гдѣ же обитаютъ они, повѣдай Господи! спросилъ я, гдѣ обрѣсти мнѣ ихъ?“—„Они разсѣяны по всему міру, но міръ не понялъ ихъ,“ отвѣтилъ онъ. „Для того чтобы ты легче ихъ узналъ и могъ уберечься отъ обмановъ міра, въ которомъ ты еще будешь жить, пока я не отзову тебя отсюда, вмѣсто очковъ и прежней узды, я возлагаю на тебя мое иго (то есть послушаніе) впредь не слѣдовать никому кромѣ меня и снабжу тебя другими очками, сквозь которые ты лучше разглядишь суету міра, если только захочешь, и лучше уразумѣешь блаженства моихъ избранныхъ. (Вмѣсто оправы новыхъ очковъ было слово Божіе, внутреннимъ же стекломъ Духъ святой). Нынѣ иди на то мѣсто, которое ты прежде миновалъ, тамъ увидишь все, чего бы ты прежде не замѣчалъ безъ помощи моей.“

2. Вспомнивъ, гдѣ что было мною опущено, *) я всталъ и шелъ поспѣшно, не замѣчая болѣе раздающагося вокругъ меня шума. Вотъ вошелъ я въ храмъ, называемый христіанствомъ, и не обращая ни какого вниманія на происходившія препирательства сектъ по обѣ стороны, я направился прямо къ самой внутренней части, гдѣ находился престолъ, окруженный завѣсою. Здѣсь въ первый разъ узналъ я, какой это уголокъ, именуемый Praxis Christianismi т. е. Христіанская истина. Завѣса была двойная: внѣшняя была темнаго цвѣта и называлась Contemptus mundi—Презрѣніе міра; другая, внутренняя блестящая, Amor Christi—Любовь къ Христу; этой двойной завѣсой отдѣлялось это святое мѣсто отъ окружающихъ, при чемъ внутренней завѣсы снаружи

*) Въ главѣ 18, 17.

не было видно. Кто вступалъ за ту завѣсу, тотчасъ становился другимъ: онъ былъ преисполненъ блаженства, радости и покоя.

3. Стоя снаружи, я глядѣлъ и удивлялся, что многія тысячи людей все ходили около того святилища, но не входили въ него; не знаю, не видѣли ли они его или просто не хотѣли его видѣть по его невзрачной наружности. Между всѣми я замѣтилъ докторовъ священнаго писанія, священниковъ, епископовъ и иныхъ, мнившихъ себя заранѣе святыми, какъ они ходили вокругъ него; нѣкоторые, правда, заглядывали и внутрь, но не входили, къ сожалѣнію. Хотя по временамъ многимъ приблизившимся къ этому святому мѣсту блестѣлъ оттуда свѣтлый лучъ и вѣяло благоуханіемъ, влекущимъ за собою, но они не искали пути проникнуть туда. Нѣкоторые изъ нихъ даже разыскивали уже двери, но, оглянувшись назадъ и ослѣпленные блескомъ міра, возвращались опять.

4. Собственная причина, почему рѣдкій проникалъ внутрь святилища, крылась въ очень строгомъ испытаніи, которому подвергались тамъ. Желающій войти въ святилище долженъ былъ отдать все имѣніе свое, глаза и уши, разумъ и сердце свое, ибо кто хочетъ у Бога быть мудрымъ, долженъ для себя быть безумнымъ, кто хочетъ имѣть Бога, долженъ оставить все мірское. Поэтому нѣкоторые, не желая разстаться съ своимъ имѣньемъ и знаніемъ, подъ предлогомъ, что и это ведетъ ихъ въ небесное царство, оставались снаружи и не входили внутрь. У входящихъ въ святилище изслѣдовали не только платье, не укрывается ли въ немъ какой-нибудь мірской суеты, но и голову и сердце каждаго, дабы что-либо нечистаго передъ Богомъ не осквернило Его жилища. Хотя это испытаніе совер-

шалось не безъ боли для каждаго, однако силою небеснаго врачевства оно скорѣе поддерживало жизнь, чѣмъ сокращало ее. И вмѣсто крови, струившейся отъ уколовъ и порѣзовъ, загарался въ членахъ невѣдомый огонь, преобразующій человѣка въ другого на столько, что каждый, испытанный такимъ образомъ, удивлялся самому себѣ, какъ онъ до сихъ поръ отягощалъ себя безполезнымъ бременемъ, въ мірѣ называемымъ мудростью, славою, весельемъ, богатствомъ. Здѣсь я увидалъ, какъ хромые бѣгали, заики произносили рѣчи, неученые обличали философовъ и неимущіе славились имѣніемъ всего.

5. Затѣмъ я направился дальше за завѣсу и, наблюдая за ихъ состояніемъ (сперва вообще всѣхъ, потомъ по нѣкоторымъ званіямъ), къ моему несказанному удовольствію я все нашелъ здѣсь противнымъ міру. Въ мірѣ повсюду замѣчалась слѣпота и мракъ, здѣсь разливался ясный свѣтъ; въ мірѣ все безпорядокъ, здѣсь же полное благоустройство; въ мірѣ утружденія, здѣсь спокойствіе; въ мірѣ заботы и печали, здѣсь радость; въ мірѣ недостатки, здѣсь избытокъ; въ мірѣ рабство и неволя, здѣсь свобода; въ мірѣ все затруднительно и тяжело, здѣсь все легко; въ мірѣ горестныя повсюду приключенія, здѣсь одна безопасность. Обо всемъ этомъ я скажу нѣсколько пространнѣе.

ГЛАВА 42.

Свѣтъ внутреннихъ христіанъ.

Міръ руководствуется почти только самомнѣніемъ: одни, придерживаясь другихъ, ощупью дѣйствуютъ какъ слѣпые, тамъ и здѣсь задѣвая и толкая другъ-друга. Но для внутреннихъ христіанъ свѣтитъ внутри двойной

ясный свѣтъ, свѣтъ разума и свѣтъ вѣры, тѣмъ и другимъ управляетъ Духъ святой.

2. Хотя христіане при входѣ въ святилище и должны были отрѣшиться отъ своего разума, но Духъ святой имъ возвращалъ его очищеннымъ и изощреннымъ, такъ что они были похожи на ясное око: гдѣ бы ни ходили въ мірѣ, чтобы ни видѣли надъ собою, подъ собою, около себя, слышали, обоняли, вкушали, во всемъ видѣли слѣды Божіи и поступали въ страхѣ Божіемъ. Они, поистинѣ, мудрѣе всѣхъ философовъ міра, которыхъ Богъ ослѣпляетъ своимъ праведнымъ судомъ. Воображая себя знающими, они въ своемъ ослѣпленіи ничего не знаютъ; не умѣютъ отличать, что имѣютъ отъ того, чего не имѣютъ; не знаютъ, что дѣлаютъ и чего не дѣлаютъ вопреки обязанности; не видятъ, куда и къ какой цѣли итти и до чего дойти. Ихъ наука останавливается только на корѣ, то есть на внѣшнемъ наблюденіи, во внутреннее ядро (вездѣ присущую славу Божію) она не проникаетъ. Но христіанинъ во всемъ, что онъ видитъ, что слышитъ, что осязаетъ, обоняетъ, вкушаетъ, видитъ одного Бога, Его слышитъ, осязаетъ, обоняетъ, вкушаетъ, въ душѣ вѣруя въ истину сего.

3. Ему ясно свѣтитъ лучъ вѣры, онъ видитъ и знаетъ не только видимое и слышимое и настоящее, но и все отсутствующее и невидимое. Въ своемъ божественномъ словѣ Господь открылъ ему, что въ высотѣ надъ небомъ и въ безднѣ подъ землею и то, что было прежде міра и будетъ послѣ него. Своею вѣрою христіанинъ все это принимаетъ во истину, какъ очевидное, а между тѣмъ міръ этого не можетъ постигнуть. Міръ другого не хочетъ знать, какъ осязательныхъ рукъ, и вѣритъ тому, что держитъ въ горсти;

шалось не безъ боли для каждаго, однако силою небеснаго врачевства оно скорѣе поддерживало жизнь, чѣмъ сокращало ее. И вмѣсто крови, струившейся отъ уколовъ и порѣзовъ, загарался въ членахъ невѣдомый огонь, преобразующій человѣка въ другого на столько, что каждый, испытанный такимъ образомъ, удивлялся самому себѣ, какъ онъ до сихъ поръ отягощалъ себя безполезнымъ бременемъ, въ мірѣ называемымъ мудростью, славою, весельемъ, богатствомъ. Здѣсь я увидалъ, какъ хромые бѣгали, заики произносили рѣчи, неученые обличали философовъ и неимущіе славились имѣніемъ всего.

5. Затѣмъ я направился дальше за завѣсу и, наблюдая за ихъ состояніемъ (сперва вообще всѣхъ, потомъ по нѣкоторымъ званіямъ), къ моему несказанному удовольствію я все нашелъ здѣсь противнымъ міру. Въ мірѣ повсюду замѣчалась слѣпота и мракъ, здѣсь разливался ясный свѣтъ; въ мірѣ все безпорядокъ, здѣсь же полное благоустройство; въ мірѣ утружденія, здѣсь спокойствіе; въ мірѣ заботы и печали, здѣсь радость; въ мірѣ недостатки, здѣсь избытокъ; въ мірѣ рабство и неволя, здѣсь свобода; въ мірѣ все затруднительно и тяжело, здѣсь все легко; въ мірѣ горестныя повсюду приключенія, здѣсь одна безопасность. Обо всемъ этомъ я скажу нѣсколько пространнѣе.

ГЛАВА 42.

Свѣтъ внутреннихъ христіанъ.

Міръ руководствуется почти только самомнѣніемъ: одни, придерживаясь другихъ, ощупью дѣйствуютъ какъ слѣпые, тамъ и здѣсь задѣвая и толкая другъ-друга. Но для внутреннихъ христіанъ свѣтитъ внутри двойной

ясный свѣтъ, свѣтъ разума и свѣтъ вѣры, тѣмъ и другимъ управляетъ Духъ святой.

2. Хотя христіане при входѣ въ святилище и должны были отрѣшиться отъ своего разума, но Духъ святой имъ возвращалъ его очищеннымъ и изощреннымъ, такъ что они были похожи на ясное око: гдѣ бы ни ходили въ мірѣ, чтобы ни видѣли надъ собою, подъ собою, около себя, слышали, обоняли, вкушали, во всемъ видѣли слѣды Божіи и поступали въ страхѣ Божіемъ. Они, поистинѣ, мудрѣе всѣхъ философовъ міра, которыхъ Богъ ослѣпляетъ своимъ праведнымъ судомъ. Воображая себя знающими, они въ своемъ ослѣпленіи ничего не знаютъ; не умѣютъ отличать, что имѣютъ отъ того, чего не имѣютъ; не знаютъ, что дѣлаютъ и чего не дѣлаютъ вопреки обязанности; не видятъ, куда и къ какой цѣли итти и до чего дойти. Ихъ наука останавливается только на корѣ, то есть на внѣшнемъ наблюденіи, во внутреннее ядро (вездѣ присущую славу Божію) она не проникаетъ. Но христіанинъ во всемъ, что онъ видитъ, что слышитъ, что осязаетъ, обоняетъ, вкушаетъ, видитъ одного Бога, Его слышитъ, осязаетъ, обоняетъ, вкушаетъ, въ душѣ вѣруя въ истину сего.

3. Ему ясно свѣтитъ лучъ вѣры, онъ видитъ и знаетъ не только видимое и слышимое и настоящее, но и все отсутствующее и невидимое. Въ своемъ божественномъ словѣ Господь открылъ ему, что въ высотѣ надъ небомъ и въ безднѣ подъ землею и то, что было прежде міра и будетъ послѣ него. Своею вѣрою христіанинъ все это принимаетъ во истину, какъ очевидное, а между тѣмъ міръ этого не можетъ постигнуть. Міръ другого не хочетъ знать, какъ осязательныхъ рукъ, и вѣритъ тому, что держитъ въ горсти;

но христіанинъ съ такой твердой вѣрою принимаетъ невидимое, отсутствующее и будущее, что ради него отвращается отъ настоящаго. Міръ требуетъ однихъ доказательствъ, христіанинъ довольствуется простыми словами Божіими. Міръ ищетъ обязательствъ, ручательствъ, печатей, залоговъ; христіанинъ вмѣсто всѣхъ наличностей живетъ одной вѣрою. Міръ различно себя подозрѣваетъ, испытуетъ, провѣряетъ, изслѣдуетъ; христіанинъ все предоставляетъ правдѣ Божіей. Міръ всегда чѣмъ-либо недоволенъ, все сомнѣвается, все справляется, все колеблется, но для христіанина ясно, почему онъ вѣруетъ, повинуется, служитъ, ибо ему свѣтитъ свѣтъ вѣры для того, чтобы онъ видѣлъ и зналъ, что непремѣнно будетъ такъ а не иначе, хотя бы онъ свѣтомъ собственнаго разума не постигалъ всего.

4. Здѣсь при свѣтѣ вѣры увидалъ я дивное, неизреченное явленіе. Разскажу немного. Міръ представлялся мнѣ въ видѣ огромнаго часоваго механизма, стекляннаго, хрустальнаго, составленнаго изъ различныхъ видимыхъ и невидимыхъ веществъ, заключающаго въ себѣ тьму темъ, тысячи тысячъ большихъ и малыхъ столбиковъ, колесъ, крючковъ, зубцовъ и зазубринокъ: все это двигалось и вращалось одно въ другомъ, то тихо, то шумно, то громко. Посреди всего этого находилось самое большое, самое главное, но невидимое колесо, отъ котораго какимъ-то непостижимымъ образомъ исходило разнообразное движеніе всѣхъ другихъ составныхъ частей. Духъ того колеса расходился по всему строенію и управлялъ всѣмъ; это для меня было ясно, но какъ все это происходило, для меня оставалось непостижимымъ. Я поражался и восхищался зрѣлищемъ такого многообразнаго движенія въ чередованіи всѣхъ составныхъ колесъ по своимъ зубцамъ и зазубринамъ и, несмотря на то, что нѣкоторыя ко-

леса и столбики сами изъ общаго состава отвертывались и выпадали, однако общее движеніе всего строенія никогда не прекращалось, все пополнялось, замѣщалось и возобновлялось какимъ-то чудеснымъ способомъ высшаго таинственнаго управленія.

5. Яснѣе скажу: я узрѣлъ славу Божію, какъ небеса, земля, преисподняя и вся внѣ міра безпредѣльная вѣчность полны божественнаго могущества. Я позналъ, что всемогущество Бога обладало всѣмъ и всему служило основаніемъ; я уразумѣлъ, что все, что ни происходитъ въ пространствѣ всего міра, въ вещахъ малыхъ и большихъ, все совершается по волѣ Его.

6. Я убѣдился, что всѣ люди, добрые и злые, живутъ, движутся и существуютъ только Богомъ и по волѣ Бога, что каждое ихъ движеніе и дохновенье происходитъ только отъ Бога и власти Его. Я видѣлъ, какъ Его семеро очей, каждое тысячу разъ яснѣе солнца, проникаетъ всю землю и созерцаетъ все, что дѣлается во свѣтѣ и во тьмѣ, явно и тайно; что Онъ видитъ глубочайшія тайны человѣческаго сердца. Милосердіе Его изливается на всѣ дѣянія Его, но болѣе всего на людей. Я позналъ, какъ Онъ ихъ любитъ, имъ желаетъ блага, терпитъ согрѣшающихъ, прощаетъ виновныхъ, зоветъ заблудшихъ, принимаетъ возвращающихся, ждетъ откладывающихъ, снисходитъ къ упорствующимъ, не замѣчаетъ раздражающихъ Его, милуетъ кающихся, обнимаетъ смиренныхъ, учитъ неумѣлыхъ, утѣшаетъ печальныхъ, остерегаетъ отъ паденія, низверженныхъ возводитъ, даруетъ просящимъ, подаетъ непросящимъ, толкущимъ отворяетъ, къ нетолкущимъ Самъ стучится, ищущихъ Его помогаетъ найти, не ищущимъ является Самъ.

7. Но при томъ я видѣлъ, съ какой грозой и страшной яростью Онъ преслѣдуетъ мятежныхъ и не-

благодарныхъ, наказывая ихъ гнѣвомъ своимъ, гдѣ бы ни укрылись они; а отъ Его десницы нельзя укрыться и быть настигнутымъ ею невыносимо. Такимъ образомъ всѣ Богу преданные видятъ, какъ надъ всѣмъ царитъ страхъ и величіе Божіе, и все совершается по волѣ Его.

ГЛАВА 43.

Свобода Богу преданныхъ сердецъ.

Своею полной преданностью Богу они достигаютъ того, чего тщетно домогаются всѣ мудрѣйшіе люди міра сего, именно: полной свободы мысли, независимости ея отъ всего тварнаго, кромѣ отъ Бога, и соотвѣтственности дѣйствій съ собственной волей. Между тѣмъ какъ въ мірѣ повсюду много неволи, и дѣйствія каждаго шли вопреки его желаніямъ: влекомый насиліемъ собственной или чужой воли, каждый обязывался самимъ собою или другими больше, чѣмъ слѣдовало, и находился въ постоянной борьбѣ съ собою или съ другими,—здѣсь все тихо! Каждый христіанинъ, вполнѣ предавшись Богу, не увлекался ничѣмъ и кромѣ Бога не признавалъ выше никого. Поэтому приказамъ міра онъ не внималъ, его обѣтовъ не принималъ, къ его угрозамъ оставался равнодушнымъ и, увѣренный въ своемъ внутреннемъ благѣ, все внѣшнее считалъ худымъ.

2. Оттого происходитъ, что христіанинъ доступный, податливый, охотный и услужливый вообще, въ правахъ сердца своего становится неуступчивымъ. Потому онъ не обязываетъ себя ни друзьями, ни врагами, ни господиномъ, ни царемъ, ни женою, ни дѣтьми, ни даже самимъ собою, чтобы ради нихъ не поступиться ни чѣмъ отъ своего образа мыслей и не выйти изъподъ страха Божія; но онъ вездѣ идетъ своимъ твердымъ шагомъ впередъ. Чтобы ни дѣлалъ міръ, чтобы

онъ ни говорилъ, угрожалъ, обѣщалъ, приказывалъ, просилъ, совѣтовалъ и принуждалъ, онъ не допуститъ увлечь себя.

3. Міръ во всемъ превратенъ и вмѣсто истины ловитъ тѣнь; въ немъ каждый сознающій собственную волю, поблажая себѣ въ своей лѣности, гордости или страсти, полагаетъ свою свободу въ томъ, что никому ни въ чемъ не хочетъ услужить. Но христіанинъ иначе поступаетъ; онъ, укрѣпивъ свое сердце для свободнаго повиновенія одному Богу, всѣ другіе помыслы посвящаетъ нуждамъ ближняго. Изъ всѣхъ людей міра я не нашелъ никого болѣе услужливымъ, болѣе раболѣпнымъ, какъ человѣка преданнаго Богу. Онъ съ радостью и охотою принимаетъ на себя малѣйшія услуги, которыхъ стыдился бы человѣкъ, упоенный міромъ. Коль скоро онъ видитъ, что можетъ оказать въ чемъ-нибудь пользу своему ближнему, онъ не задумывается, ничего не откладываетъ, нисколько не жалѣетъ себя, не преувеличиваетъ своихъ оказанныхъ услугъ, онъ не коритъ ими, онъ не отказывается отъ нихъ, не задумывается, встрѣчаетъ ли благодарность, или неблагодарность, и продолжаетъ покорно и радостно служить.

4. О, благословенное рабство сыновъ Божіихъ, эта высшая свобода, въ которой человѣкъ, покоряясь одному Богу, остается во всемъ вездѣ свободнымъ! О, несчастная свобода міра, это низшее рабство, въ которомъ человѣкъ, пренебрегая самимъ Богомъ, бѣдственно отдаетъ себя въ кабалу и рабство, служа тварямъ, надъ которыми онъ долженъ бы былъ господствовать, и противится Богу, которому долженъ повиноваться. О, смертные люди! если вы постигли, что есть единъ, единый надъ нами Господь, создатель нашъ и будущій судья, который, хотя и содержитъ насъ въ своей власти,

желаетъ имѣть насъ свободными и не связанными, даже когда мы изъявляемъ Ему свое повиновеніе, не приказываетъ намъ, какъ рабамъ, но какъ своихъ дѣтей призываетъ къ послушанію. Истинно, Христу служить значитъ царствовать. Стать рабомъ Божіимъ значитъ снискать себѣ большую славу, чѣмъ быть монархомъ всего міра; а тѣмъ болѣе стать другомъ и отрокомъ Божіимъ.

ГЛАВА 44.

Уставы внутреннихъ христіанъ.

Господь, по благоугодію своему, желая имѣть свободныхъ, не своевольныхъ дѣтей, оградилъ ихъ опредѣленными уставами лучше, нежели что-либо другое въ мірѣ. Тамъ во всемъ много неурядицы: у однихъ за неимѣніемъ опредѣленнаго порядка, у другихъ по нежеланію держаться имѣющагося порядка. Но у христіанъ, обитающихъ въ святилищѣ за завѣсою храма, есть и соблюдается во всемъ примѣрный уставъ. Законы, полные правосудія, данныя самимъ Богомъ требуютъ отъ вѣрующаго въ Бога: 1) Признавать и чтить только одного Бога. 2) Ему служить въ духѣ и въ правдѣ, не помышляя о какой-либо тѣлѣсности. 3) Языкомъ своимъ пользоваться не для обиды, но для прославленія Его имени. 4) Опредѣленное для богослуженія время назначать только на внутреннее и внѣшнее Ему служеніе. 5) Родителямъ и другимъ, выше себя поставленнымъ людямъ, повиноваться. 6) Жизни ближняго не вредить. 7) Чистоту тѣла хранить. 8) Чужого не присвоять. 9) Подлога и обмана не допускать. 10) Мысль свою сдерживать въ установленныхъ границахъ.

2. Короче сказать, люби Бога больше всего и ближнему своему желай добра, какъ себѣ самому. Въ

этихъ двумя словами выраженныхъ заповѣдяхъ заключенъ весь сводъ законовъ Божіихъ. Внутренніе христіане одобряютъ его, и я самъ убѣдился, что онъ выше и совершеннѣе всѣхъ законовъ, правъ и учрежденій міра.

3. Дѣйствительно, кто Бога любитъ всѣмъ сердцемъ, тому не нужно много предписывать, когда, гдѣ и сколько разъ служить Богу, поклоняться Ему и почитать Его: ибо одно сердечное единеніе человѣка съ Богомъ и постоянное повиновеніе волѣ Его есть самое благоугодное богослуженіе, направляющее сердце человѣка всегда и вездѣ къ прославленію Бога всѣми дѣйствіями своими. Точно также, кто любитъ ближняго своего, какъ самого себя, не нуждается въ подробныхъ предписаніяхъ, когда и въ чемъ долженъ онъ его щадить, въ чемъ не вредить ему, въ чемъ воздавать ему должное; сама любовь научитъ христіанина всему и укажетъ ему, какъ онъ долженъ относиться къ ближнему. Признакъ худого человѣка требовать вездѣ законовъ и на бумагѣ написанныхъ правилъ для своихъ поступковъ, ибо въ нашемъ собственномъ сердцѣ указываетъ намъ перстъ Божій: дѣлать ближнему то, чего желаемъ самимъ себѣ. Но такъ какъ міръ не справляется съ такимъ внутреннимъ свидѣтельствомъ собственной совѣсти и соблюдаетъ только внѣшніе порядки, въ мірѣ возникаютъ подозрѣнія, недовѣріе, недоразумѣніе, ненависть, рознь, зависть, воровство, убійство и прочее. Но истинно вѣрующіе въ Бога прислушиваются только къ гласу своей совѣсти, что она запрещаетъ имъ, того не дѣлаютъ, что она указываетъ обязательнымъ, совершаютъ, не заботясь о прибыли, пріязни или о чемъ другомъ.

4. Отсюда вытекаетъ такая однородность и сходство всѣхъ внутреннихъ христіанъ, что всѣ они какъ

будто отлиты въ одну форму: у нихъ однѣ мысли, одна вѣра, одни желанія, одни нежеланія, потому что одинъ и тотъ же духъ наставляетъ ихъ. Меня удивляло и вмѣстѣ съ тѣмъ утѣшало, какъ люди никогда другъ-друга не видавшіе и неслыхавшіе, а иногда отдѣленные далекими разстояніями, другъ на друга совершенно походили, одно и тоже видѣли, одно и тоже чувствовали, какъ будто была у нихъ одна душа въ двухъ тѣлахъ. И хотя въ умственныхъ дарованіяхъ замѣтно было у нихъ большое разнообразіе, подобно то высокимъ то глубокимъ звукамъ музыкальнаго струннаго инструмента, однако въ ихъ общемъ согласіи получалась пріятная гармонія. Это христіанское единеніе служитъ предзнаменованіемъ вѣчности, когда въ одномъ духѣ будетъ исполняться все.

5. Изъ того единомыслія происходитъ единочувствіе: съ однимъ радующимся радуются всѣ, съ однимъ скорбящимъ скорбятъ всѣ. Въ мірѣ напротивъ однимъ жилось худо, другіе восхищались; одни заблуждались, другіе смѣялись; въ убыткѣ однихъ, другіе искали себѣ прибыли и ради собственной прибыли, потѣхи и развлеченія доводили ближняго своего до упадка или убытка. У внутреннихъ христіанъ замѣчалось другое: каждый заботливо ограждалъ ближняго своего отъ несчастья и невзгоды, какъ самого себя; если же не могъ предотвратить, печалился, какъ будто своимъ несчастьемъ; такъ и должно было быть, потому что у всѣхъ было одно сердце и одна душа. И подобно тому какъ на компасѣ желѣзная намагниченная стрѣлка обращается въ одну и ту же сторону, такъ и сердце христіанъ, согрѣтое духомъ любви, направляется одинаково, въ счастіи къ радости, въ несчастіи къ печали. Я убѣдился, что христіане, которые въ заботахъ о своемъ не думаютъ о дѣлахъ ближняго и, въ

случаѣ гнѣва Божія, немедленно покидаютъ его и, охраняя свое гнѣздо, подъ дождемъ и вѣтромъ оставляютъ ближняго, тѣ христіане—христіане ложные. Но у внутреннихъ христіанъ было иначе. Одинъ страдалъ, другіе не торжествовали, одинъ голодалъ, другіе не пировали, одинъ стоялъ въ бою, другіе не спали: во всемъ проявлялось единодушіе и сердце радовалось этому.

6. Хотя они, по большей части, были люди бѣдные, мало имущіе и мало заботящіеся о пріобрѣтеніи того, что міръ называетъ имѣніемъ, все-таки почти у каждаго всегда было что-нибудь свое собственное, котораго онъ не скрывалъ, не утаивалъ, (какъ происходитъ въ мірѣ) но имъ владѣлъ какъ для общины, съ готовностью охотно удѣляя и взаймы давая, по надобности. Такимъ образомъ христіане распоряжались своимъ имѣніемъ точно такъ же, какъ пирующіе за общимъ столомъ поступаютъ съ посудой, которою одинаково пользуются всѣ. При видѣ этого совѣстно было, что у насъ часто происходитъ противное: одни наполняютъ и переполняютъ свои дома посудою, платьемъ, продовольствіемъ, золотомъ и серебромъ, между тѣмъ какъ другіе, такіе же рабы Божіи, не имѣютъ, чѣмъ прикрыться и чѣмъ прокормиться. Я убѣжденъ, что воля Божья не проявляется въ этомъ, но міръ, превратный міръ требуетъ, чтобы одни наряжались, другіе ходили нагими, одни пресыщались, другіе голодали, одни съ трудомъ заработывали, другіе расточали; одни забавлялись, другіе рыдали: у однихъ гордость и презрѣніе, у другихъ уничиженіе и зависть. У христіанъ подобнаго не увидишь, у нихъ все общее, какъ ихъ душа.

7. Поэтому у внутреннихъ христіанъ создается взаимная пріязнь, откровенность и святая дружба: всѣ

считаютъ, всѣ признаютъ себя за братьевъ, несмотря на различныя дарованія и званія. Они говорятъ: мы всѣ отъ одной крови происходимъ, одной кровью искуплены и омыты; одного отца дѣти, пользующіеся однимъ столомъ, ожидающіе одного небеснаго наслѣдія и т. п., ни у кого нѣтъ больше, чѣмъ у другого, кромѣ вещей случайныхъ. Былъ я свидѣтелемъ, какъ одни предупреждали другихъ привѣтливостью и почтеніемъ, и при томъ, охотно служа другъ-другу, каждый пользовался своимъ мѣстомъ для назиданія другихъ. Кто могъ дать совѣтъ, совѣтовалъ, кто науку, училъ, кто силу, защищалъ другихъ; у кого была власть, направлялъ къ благочинію Случалось кому въ чемъ-либо заблудиться, другіе напоминали ему; если согрѣшилъ, наказывали его, и каждый охотно принималъ увѣщаніе и наказаніе, готовый по наставленію все исправить и отъ тѣла отказаться, если бы предъявлено было, что оно не принадлежитъ ему.

ГЛАВА 45.

Богу въ сердцѣ преданнымъ все легко, все безъ труда.

Держаться такого устава для нихъ не составляетъ ничего труднаго, въ этомъ для нихъ отрада и наслажденіе; между тѣмъ какъ въ мірѣ каждый, какъ будто подневольно, исполняетъ то, къ чему онъ приставленъ. По истинѣ Богъ вмѣсто прежняго, каменнаго сердца, вложилъ въ тѣло христіанина сердце тѣлесное, отзывчивое и покорное волѣ Божіей. Хотя діаволъ льстивыми внушеніями строилъ имъ разныя препятствія, міръ соблазнялъ своими примѣрами, и плоть отягощала своей врожденной косностью къ добру, все-таки они не поддавались этому: они стрѣлою своей молитвы отгоняли діавола, щитомъ непоколеби-

маго намѣренія охраняли себя отъ соблазновъ міра, и тѣло свое наказаніемъ принуждали къ послушанію. Они бодренно исполняли свое дѣло, и пребывающій въ нихъ духъ Христовъ подкрѣплялъ ихъ, дабы они волею и дѣланіемъ достигали возможной степени здѣшняго совершенства. Я убѣдился, что служить Богу всѣмъ сердцемъ не есть трудъ, а наслажденіе; я понялъ, что тѣ, которые слишкомъ себя извиняютъ своей человѣчностью, не постигаютъ силы и цѣны новаго рожденія, а можетъ и вовсе не были ему причастны. Имъ бы только подумать объ этомъ! Я не встрѣчалъ, чтобы кто-нибудь изъ внутреннихъ христіанъ, ссылаясь на немощь своей плоти, домогался прощенія грѣховъ, и извинялъ бы содѣянное имъ зло бренностью своей природы Но я замѣтилъ, кто всецѣло отдавалъ сердце тому, кто его создалъ, кто искупилъ и посвятилъ въ свой храмъ что за сердцемъ того и другіе члены тѣла безпрекословно повиновались волѣ Божіей. Христіанинъ, кто бы ты ни былъ, освободись отъ оковъ плоти; осмотри, испытай и узнаешь, что препятствія, тобою воображаемыя, не столь велики, чтобы заграждать твою волю, если она искренна.

2. Я видѣлъ и убѣдился, что не только поступать согласно волѣ Божіей, но и нести все, что Господь возлагаетъ, не трудно. Многіе христіане, перенося отъ міра пощечины, оплеваніе и удары, отъ радости плакали и, вознося руки къ небу, прославляли Бога, что онъ сподобилъ ихъ принять такія же страданія ради Его имени и не только вѣровать въ Распятаго, но и самимъ быть распятымъ во славу Его. Иные, которыхъ не постигала подобная участь, свято соревновали съ первыми: если не испытывали наказаній, видѣли въ этомъ гнѣвъ Божій, если не несли

креста, считали себя недостойными Христа; потому лобзали и бичъ и жезлъ Божій и крестъ возложенный на нихъ.

3. Источникомъ всего этого было, что они всей своей волею такъ были преданы Богу, что не желали ничего другого дѣлать, ничѣмъ другимъ быть, какъ послѣдователями и ревнителями воли Божіей. Они были увѣрены, что все, что происходитъ съ ними, происходитъ по промыслу и провидѣнію Всевышняго. Для такихъ людей не существуетъ неожиданныхъ случайностей: всѣ свои раны, заточеніе, пытку и смерть они называютъ благодѣяніями отъ Бога. Хорошо ли, худо ли имъ живется—для нихъ безразлично; только первое они считаютъ не надежнымъ, а второе болѣе безопаснымъ. Они даже радуются своимъ лишеніямъ, ранамъ, язвамъ и въ нихъ находятъ славу. Они такъ окрѣпли въ Богѣ, что, не страдая, они думаютъ, что бездѣйствуютъ. Но каждый, кто можетъ, да воздержится обидѣть ихъ! Чѣмъ покорнѣе они подставляютъ себя твоему удару, тѣмъ тяжелѣе бить ихъ; чѣмъ болѣе походятъ на безумныхъ, тѣмъ опаснѣе осмѣивать ихъ. Они, по истинѣ, принадлежатъ не себѣ, а Богу, что имъ причиняется, то взыщется Богомъ.

ГЛАВА 46.

Святые имѣютъ избытокъ всего.

Міръ полонъ Мароъ, бѣгающихъ, хлопочущихъ, озабоченныхъ и жадно со всѣхъ сторонъ собирающихъ, но вѣчно неудовлетворенныхъ. У внутреннихъ христіанъ иной нравъ: каждый радуется смиренно сидѣть у ногъ своего Господа и довольствоваться своей долею. Высшимъ благомъ для себя они почитаютъ обитающую въ нихъ божественную благодать, въ которой

они единственно черпаютъ свою отраду; внѣшнія же вещи, называемыя въ мірѣ имѣніемъ, они считаютъ скорѣе бременемъ, нежели выгодой, и пользуются ими ради потребы, только ради потребы, повторяю я. Чѣмъ бы ни надѣлилъ Господь Богъ каждаго изъ нихъ, малымъ ли, многимъ ли, они всегда говорятъ, что для нихъ довольно. Они искренно вѣруютъ, что живутъ подъ охраной Божіей, ей предаютъ себя вполнѣ и считаютъ недостойнымъ просить чего-нибудь бо̀льшаго для себя сверхъ удѣла Божія.

2. Удивительно было для меня, что одни, обильно владѣя имѣніемъ, серебромъ, золотомъ, коронами и жезлами (и такіе находятся среди избранниковъ Божіихъ), другіе же, почти ничего не имѣя, кромѣ полунагого, голодомъ и жаждою изнуреннаго тѣла, тѣмъ не менѣе первые утверждали, что они не обладаютъ ничѣмъ, а вторые, что у нихъ все, но тѣ и другіе были одинаково крѣпки духомъ. Здѣсь я понялъ, что по истинѣ тотъ богатъ и безъ недостатка, кто умѣетъ довольствоваться тѣмъ, что у него есть: для кого безразлично, много ли денегъ, мало ли, или нѣтъ ихъ вовсе; большой ли домъ, малый ли, или нѣтъ никакого; дорогое ли платье, ветхое ли, или безъ платья; много друзей, одинъ ли, или ни одного; высокая должнось, низкая, или безъ должности; съ почетомъ, съ именемъ, или безъ нихъ: быть чѣмъ или не быть ничѣмъ для него все едино; онъ вѣритъ, что все хорошо и даже лучше, чѣмъ онъ самъ понимаетъ, если онъ поступаетъ такъ, какъ велитъ Богъ.

3. О, благословенное, вожделѣнное довольство! Какъ счастливы тѣ, кто такъ богатъ. Хотя нѣкоторые христіане въ глазахъ міра бѣдны и жалки, въ дѣйствительности же они тысячу разъ болѣе обезпечены,

даже въ насущныхъ потребностяхъ, чѣмъ богачи міра сего. Богачи, какъ стражи собственныхъ сокровищъ, подвергаясь тысячѣ разныхъ приключеній: черезъ огонь, воду, ржу, воровство и т. д., лишаются ихъ; внутренніе же христіане, находясь подъ опекою Всемогущаго, всегда находятъ готовый запасъ всего потребнаго, и онъ ежедневно питаетъ ихъ изъ своей житницы, выдаетъ на расходы изъ всей казны, если не съ избыткомъ, однако всегда соразмѣрно потребности; если не по ихъ разсчету, однако по Его провидѣнію, которому они съ бо́льшимъ упованіемъ ввѣряютъ себя, чѣмъ собственному разуму.

ГЛАВА 47.

Безопасность Богу преданныхъ людей.

Хотя въ мірѣ нѣтъ людей болѣе беззащитныхъ и подверженныхъ различнымъ опасностямъ, какъ сонмъ благочестивыхъ христіанъ, на которыхъ діаволъ и міръ злобно устремляютъ взоръ, ихъ тѣснятъ и бьютъ,—они все-таки остаются невредимыми. Ибо ихъ общину окружала огненная, подвижная стѣна: то было несмѣтное число ангеловъ, не допускающихъ приблизиться врагамъ. Кромѣ того къ каждому изъ нихъ Богомъ былъ приставленъ Ангелъ Хранитель, который наблюдалъ за нимъ, охранялъ его и ограждалъ отъ всякихъ опасностей, силковъ, ямъ и засадъ. Они, по истинѣ, покровители людей, любятъ ихъ, какъ сработниковъ своихъ, исполняющихъ Богомъ возложенныя на нихъ обязанности: они съ любовью служатъ христіанамъ, остерегаютъ ихъ отъ діавола, отъ злыхъ людей и отъ несчастныхъ приключеній и, какъ бы на рукахъ унося ихъ, берегутъ отъ ушибовъ. Тутъ я постигъ всю важность благочестія, ибо тѣ свѣтлыя

и чистыя души обитаютъ тамъ, гдѣ разливается благоуханіе добродѣтелей, и бѣгутъ отъ грѣховнаго смрада.

2. Видѣлъ я и другую пользу того святого, незримаго дружества: они являются не только охранителями, но и наставниками своихъ избранныхъ, которымъ они открываютъ великія, сокровенныя тайны Божіи. Передъ ними, всегда созерцающими ликъ Всевѣдущаго Бога, не можетъ оставаться скрытымъ то, чего жаждетъ благочестивый человѣкъ, и они съ соизволеніемъ Божіимъ изъявляютъ своимъ избраннымъ все благопотребное, извѣстное имъ. Поэтому сердце благочестивыхъ чувствуетъ и то, что въ другомъ мѣстѣ происходитъ, печалится въ скорбяхъ, радуется въ утѣшеніяхъ. Оттого часто черезъ сны, видѣнія и тайныя внушенія ихъ уму представляется то, что произошло, что происходитъ и что произойдетъ. Поэтому въ нихъ умножается и благодать Божія въ быстрыхъ, полезныхъ помыслахъ, дивныхъ открытіяхъ, которыми человѣкъ часто превосходитъ самого себя, не вѣдая откуда ему это. О, благословенная школа сыновъ Божіихъ, изумляющая всю мірскую мудрость тѣмъ, что простолюдинъ открываетъ чудесныя тайны, предвѣщаетъ будущія перемѣны міра и церкви, какъ будто ихъ видитъ, по имени называетъ еще не родившихся царей и владыкъ міра, предзнаменуетъ и проповѣдуетъ то, чего не можетъ никто достигнуть никакимъ наблюденіемъ звѣздъ и человѣческимъ остроуміемъ вообще. За эти благодѣянія мы не въ состояніи отблагодарить Бога, Всевышняго Покровителя, и нашихъ небесныхъ наставниковъ. Теперь вернемся къ безопасности благочестивыхъ.

3. Я былъ свидѣтелемъ, что отъ каждаго изъ нихъ, охраняемаго не только ангеломъ, но и десни-

цею Вездѣсущаго Бога, исходилъ ужасъ на тѣхъ, которые вопреки волѣ Божіей дерзали коснуться ихъ. Когда ихъ метали въ воду, огонь, на съѣденіе львамъ, дикимъ звѣрямъ и т. д., они чудеснымъ образомъ, оставались невредимыми. И когда на нихъ человѣческая лютость недостойно нападала, толпы мучителей и палачей со множествомъ клевретовъ обступали ихъ, даже могущественные цари и цѣлыя царства до изнеможенія трудились погубить ихъ, однако они оставались невредимы, не отступая отъ своего дѣла. Для меня стало ясно, что̀ значитъ имѣть Бога своимъ щитомъ. Когда Богъ посылаетъ въ міръ своихъ рабо̀въ исполнить возложенное на нихъ дѣло, и они мужественно совершаютъ его, то онъ своею властью охраняетъ ихъ, какъ зѣницу ока своего, и не допускаетъ имъ лишиться силъ, пока они не выполнятъ своего посланія.

4. Это они сознавали и съ радостью ввѣряли себя покровительству Всевышняго. Нѣкоторые изъ нихъ открыто объявляли, что не страшатся самой смерти, хотя бы тысячи падали кругомъ нихъ, хотя бы весь міръ возставалъ, хотя бы земля обрушалась въ море, хотя бы міръ полонъ былъ діаволовъ и т. д. О прославленная и міру невѣдомая безопасность, когда человѣкъ, охраняемый десницею Божіей, изъятъ изъ власти всего міра! Уразумѣемъ же это всѣ искренніе рабы Христовы, что у насъ есть бодрствующій стражъ, покровитель и защитникъ, самъ Всемогущій Богъ и благо будетъ намъ!

ГЛАВА 48.

Благочестивые со всѣхъ сторонъ въ покоѣ.

Сколько замѣтилъ я въ мірѣ по всѣмъ сослові-

ямъ шатанья, огорченій и заботъ, ужасовъ и страховъ, столько здѣсь у людей благочестивыхъ нашелъ я спокойствія и крѣпости духа. Они не страшатся Бога, вполнѣ увѣренные въ его милосердіи къ себѣ; они ничѣмъ не смущаются: въ благахъ не встрѣчаютъ недостатка, и отъ вещей ихъ окружающихъ не испытываютъ неудобствъ и не внимаютъ имъ.

2. Правда, злой міръ не даетъ имъ покоя, всячески издѣваясь надъ ними, дразнитъ ихъ, бьетъ, рветъ, бросаетъ въ нихъ, плюетъ на нихъ, съ ногъ сбиваетъ и т. д. Подобныхъ примѣровъ я увидѣлъ много и убѣдился, что все это дѣлается съ соизволенія Всевышняго Бога, дабы въ глазахъ безуміемъ представлялось то, что у Бога есть мудрость. Многіе люди, съ блестящими дарованіями Божіими часто не получали отъ міра и отъ своихъ приближенныхъ ничего, кромѣ насмѣшки и презрѣнія. Хотя это нерѣдко встрѣчается въ мірѣ, но люди, преданные Богу, на это не обращаютъ вниманія, а напротивъ наслаждаются тѣмъ, что міръ избѣгаетъ ихъ, какъ зловонія, отворачивается отъ нихъ, какъ отъ гадости, презираетъ ихъ, какъ скомороховъ и гонитъ на смертную казнь. какъ злодѣевъ. Не угождать міру они считали своимъ знаменемъ, по которому признаютъ себя достояніемъ Христовымъ; а тотъ, кто не умѣлъ спокойно переносить обиды, по ихъ словамъ, тотъ не вполнѣ еще обладалъ духомъ Христовымъ. Ободряя другъ-друга, они говорили: „Если міръ не прощаетъ своимъ, терзаетъ, обманываетъ, грабитъ и мучитъ ихъ, то не удивительно, если онъ не иначе поступаетъ съ нами. Если преслѣдованія не могутъ миновать насъ, мы готовы ихъ нести тамъ, гдѣ благость Божія щедро награждаетъ и всякія насмѣшки, ненависть, обиды и ущербъ міра со временемъ послужатъ во благо намъ.“

3. Что міръ называетъ счастьемъ, несчастьемъ, богатствомъ, честью и позоромъ, истинные христіане не различаютъ, полагая благо и счастіе и преуспѣяніе единственно въ томъ, что исходитъ изъ рукъ Божіихъ. Поэтому они ничѣмъ не смущаются, ни въ чемъ не колеблются, ничѣмъ не тяготятся: господствовать ли, служить ли, приказывать ли, или слушаться, учить ли другихъ, или учиться, жить ли въ изобиліи, или въ нуждѣ, для нихъ все едино; они съ одинаковымъ лицомъ пойдутъ на все, заботясь только объ угожденіи Богу. Они говорятъ, что міръ не столь грозенъ, чтобы его бояться, не такъ дорогъ, чтобы о немъ тужить. Поэтому они не смущаются ни желаніями ни отказами. Получивъ пощечину въ правую щеку, христіанинъ охотно подставляетъ и лѣвую, тяжущему о плащѣ онъ оставитъ и кафтанъ, поручая все Богу, какъ судьѣ и свидѣтелю, съ упованіемъ на грядущій праведный судъ.

4. Такого человѣка, какъ внутренній христіанинъ, отъ спокойной мысли не совратятъ всѣ народы міра. Многое претитъ ему въ мірѣ, но изъ-за этого онъ не терзаетъ и не мучитъ себя. Пусть пятится то, что не хочетъ впередъ; пусть падаетъ, что не хочетъ стоять; пусть гибнетъ, что не хочетъ или не можетъ держаться. Зачѣмъ мучиться христіанину, если совѣсть его чиста, и сердце его предано Богу. Если міръ не хочетъ слѣдовать нашимъ обычаямъ, примѣнимся мы къ нему, на сколько дозволяетъ это совѣсть. Правда, что міръ отъ худого идетъ къ худшему, но развѣ своею скорбью мы это исправимъ?

5. Если сильные міра ссорятся и тяжутся . . . . , о томъ просвѣщенный христіанинъ не печалится; для него не важно, кто правитъ симъ мі-

ромъ. Самъ сатана церкви не уничтожитъ, какъ и міръ не перестанетъ быть міромъ, хотя бы ангелъ въ коронѣ возсѣдалъ на престолѣ: для желающихъ быть истинными христіанами всегда останется довольно страданій. Для нихъ безразлично, кто бы ни возсѣдалъ на престолѣ міра, ибо по опыту извѣстно, что и въ царствованіе благочестиваго государя много льстецовъ и лицемѣровъ присоединяется къ сонму благочестивыхъ, что̀ ослабляетъ ихъ благочестіе, ибо многіе подъ личиною общественнаго блага, религіи, честности, свободы ищутъ собственнаго тщеславія и не стремятся къ царствію, свободѣ и славѣ Христа— между тѣмъ какъ во времена открытаго гоненія люди благочестивые съ полнымъ рвеніемъ служатъ Богу. Христіанинъ, непричастный къ проискамъ міра, въ сердцѣ довольствуется Богомъ и его благодатью.

6. Гоненія, испытываемыя церковью не тревожатъ просвѣщенной души христіанина. Онъ увѣренъ всегда въ ея торжествѣ, которое не можетъ быть безъ побѣды, какъ побѣда безъ боя, а бой безъ непріятелей. Поэтому они стойко подвизаются во всѣхъ напастяхъ, увѣренные въ торжествѣ того, что начертано самимъ Богомъ, хотя бы по пути къ тому воздвигались препятствіемъ скалы, горы, пустыни, моря—все наконецъ должно уступить. Христіане убѣждены, что мятежъ враговъ противъ Бога еще болѣе содѣйствуетъ его славѣ. Если дѣло, начатое во славу Божію, не встрѣчало бы никакого отпора, врагамъ казалось бы оно дѣломъ силы человѣческой; но чѣмъ яростнѣе міръ со всѣми діаволами оказываетъ сопротивленіе дѣлу благому, тѣмъ яснѣе проявляется всемогущество Божіе.

7. Хотя бы въ жизни христіанъ встрѣчались и приключенія (чему я былъ свидѣтель), которыя могли

бы опечалить ихъ сердца, но эта печаль не продолжается у нихъ долго, она расплывается подобно тучкѣ подъ лучами солнца. Къ тому ведутъ двѣ дороги: одна, воспоминаніе о радостной вѣчности, грядущей вслѣдъ мірскимъ порокамъ и ожидающей ихъ конца: здѣсь все мелькаетъ, появившись временно, уходитъ опять, теряется, исчезаетъ; поэтому и желать чего-либо изъ мірскихъ вещей и сокрушаться изъ-за нихъ, считаютъ недостойнымъ; для нихъ все тварное есть только шорохъ одного мгновенья! Во-вторыхъ, дома съ ними пребываетъ ихъ неизмѣнный гость: бесѣдуя съ Нимъ, они отгоняютъ всякую скорбь, какъ бы она ни была тяжела. Это Господь Богъ Утѣшитель, къ Нему прибѣгаютъ въ сердцѣ своемъ и по родному открываютъ свое горе. Такое ихъ дерзновеніе къ Богу проявляется во всякомъ дѣлѣ, во всякомъ поступкѣ, въ недостаткѣ, въ боли, во всякомъ желаніи, съ которымъ ввѣряютъ себя своему Отцу Создателю. А такъ какъ Богъ не можетъ не любить ихъ сыновней привязанности, Онъ и не можетъ отказать имъ въ своемъ утѣшеніи, Онъ подкрѣпляетъ ихъ въ скорбяхъ и чѣмъ больше увеличиваются ихъ страданія, тѣмъ больше обновляется и крѣпнетъ въ ихъ сердцѣ миръ Божій, превосходящій человѣческій разумъ.

ГЛАВА 49.

У благочестивыхъ всегда прочная радость.

Не только обычный покой, но и постоянная радость наполняетъ ихъ сердца отъ проявленія и сознанія въ нихъ любви Божіей. Ибо гдѣ Богъ, тамъ небо; гдѣ небо, тамъ вѣчная радость; гдѣ вѣчная радость, тамъ предѣлъ человѣческимъ желаніямъ. Передъ этой

истинной радостью всякая радость въ мірѣ похожа на тѣнь, шутку, насмѣшку, и я затрудняюсь, какими словами представить такое состояніе. Я видѣлъ и позналъ, что имѣть въ себѣ Бога съ его небесными сокровищами есть нѣчто болѣе возвышенное, съ чѣмъ бы могла сравниться земная слава, великолѣпіе и блескъ всего міра, нѣчто болѣе радостное, что міръ могъ бы постичь и объять.

2. Что можетъ быть слаще, что утѣшительнѣе для человѣка, чувствующаго и созерцающаго такой Божественный свѣтъ, такое домостроительство Духа святаго, такое освобожденіе отъ міра и его рабства, такое вѣрное и обильное покровительство Божіе, такую безопасность отъ враговъ и злыхъ приключеній, наконецъ этотъ во всемъ прочный покой? По истинѣ, это та сладость, которой не разумѣетъ міръ, та сладость, которая влечетъ за собою вкусившаго отъ нея, та сладость, отъ которой не можетъ отманить никакая другая сладость, не можетъ отлучить никакое огорченіе, не можетъ отвлечь никакое удовольствіе, не можетъ отвратить никакая напасть, ни даже смерть.

3. Я уразумѣлъ, что иногда побуждаетъ многихъ святыхъ такъ охотно отказываться отъ почета, людской пріязни, имѣнія и состоянія, что они готовы отъ себя отвергнуть и міръ, если бы онъ принадлежалъ имъ. Иные даже готовы по нѣскольку разъ принимать смерть, если бы она была во власти міра, заточить свое тѣло въ темницы и предать его пыткамъ, бичу, водѣ, огню, мечу и воспѣвать въ такомъ страданіи. Господи Іисусе, какъ ты сладокъ вкушающимъ твое утѣшеніе! Благословенъ, кто постигнетъ утѣшеніе Твое!

вали умиленіе и слезы. Они въ позоръ ставили себѣ учить другихъ тому, чего прежде не показали бы примѣръ на самихъ себѣ; такимъ образомъ и молчаніе ихъ становилось поучительнымъ. Я приступилъ къ одному изъ нихъ, желая съ нимъ поговорить; то былъ мужъ почтительныхъ сѣдинъ, въ его лицѣ отражалось нѣчто божественное. Его бесѣда была полна какой-то привѣтливой строгости, и видно было по всему, что онъ посланникъ Божій, далекій отъ мірского духа. Когда я, по нашему обычаю, хотѣлъ почтить его титуломъ, онъ не допустилъ этого, называя это комедіей міра; для него довольно будетъ титула и чести, говорилъ онъ, если назвать его слугою Божіимъ и отцомъ своимъ, если мнѣ это угодно. Когда онъ благословилъ меня, какая-то неизъяснимая радость наполняла сердце мое: я понялъ, что истинное богословіе есть нѣчто болѣе могущественное и болѣе вліятельное, чѣмъ вообще принято думать. . . . . Открыто сознаюсь, мнѣ нравились внутренніе христіане: то были мужи искренняго духа, смиреннаго тѣла, преданные небесному, нерадѣющіе о земномъ, бодрствующіе о паствѣ, забывающее о себѣ, скромные въ рѣчахъ, обильные въ дѣлахъ: каждый старался превосходить въ трудахъ и уступать въ тщеславіи; вообще, они заботились и радѣли о духовномъ образованіи всѣхъ словомъ, дѣломъ и помышленіемъ.

ГЛАВА 51.

Смерть вѣрныхъ христіанъ.

Когда я довольно познакомился съ жизнью внутреннихъ христіанъ, я также замѣтилъ, что и тамъ среди нихъ прохаживалась смерть, но не, какъ въ мірѣ, отвратительная, нагая, сурова, но свѣтло одѣтая пе-

ленами Христа, оставленными имъ въ гробѣ. Она, подходя то къ одному, то къ другому, напоминала, что пора уже уходить отсюда. Съ какою радостью, съ какимъ восторгомъ принимали эту вѣсть! Они готовы были принять всякую боль отъ меча, огня и пытки и все, лишь бы наступила ей пора. И каждый изъ нихъ засыпалъ покойно, тихо и пріятно.

2. Затѣмъ, для каждаго осмотрѣвъ мѣсто, гдѣ его тѣло должно было покоиться, и друзья или недруги, или сами ангелы тамъ его положили, по порученію Божію ангелы охраняли могилу отъ сатаны, дабы ни малѣйшая пылинка не исчезла отъ тѣлъ святыхъ. Затѣмъ другіе ангелы, принявъ душу, уносили ее вверхъ въ сіяніи и чудномъ ликованіи, и я зрѣніемъ вѣры проникая вслѣдъ за ними, видѣлъ неизреченную славу.

ГЛАВА 52.

Путникъ видитъ славу Божію.

Вотъ вижу я, въ высотѣ, въ небесномъ чудномъ сіяніи престолъ самого Владыки народовъ; подъ ногами Его казалось все кристалъ, изумрудъ и сапфиръ, а самый престолъ изъ ясписа, и кругомъ него радуга яркая. Несмѣтные сонмы ангеловъ стояли предъ Нимъ и воспѣвали: „Святъ, Святъ, Святъ, Господь Саваоѳъ, небо и земля полны славы Его!

2. Двадцать четыре старца, падая передъ престоломъ, полагали вѣнцы свои къ ногамъ живущаго во вѣки вѣковъ, громко взывая: „Достоинъ еси, Господи, пріяти славу и честь и силу: яко ты еси создалъ всяческая, и волею Твоею суть, и сотворени“.

3. И видѣлъ я передъ престоломъ великое множество людей, котораго никто не могъ перечесть, изъ всякаго колѣна и языка, и народа, и племени; то множество росло по мѣрѣ того, какъ ангелы приносили усопшихъ въ мірѣ святыхъ. Они взывали: Аминь; благословеніе и слава и премудрость и хвала и честь и сила и крѣпость Богу нашему во вѣки вѣковъ. Аминь.

4. Блескъ, сіяніе, свѣтъ, непостижимое величествіе, неизъяснимые звуки радости и ликованій, чего не могутъ объять ни ухо, ни око, ни сердце наше.

5. И въ страхѣ и ужасѣ отъ небесной славы и я палъ передъ престоломъ величія, сокрушаясь о своей грѣховности, что я человѣкъ оскверненныхъ устъ, и взывалъ: Господь, Господь, Господь, Богъ силенъ, милосердъ и милостивъ, долготерпѣливъ и обиленъ въ милосердіи и въ правдѣ, милосердіе оказывая тысячамъ, прощая порокъ, преступленіе и грѣхъ! Господи, ради Іисуса Христа, помилуй и меня грѣшнаго.

ГЛАВА 53.

Путникъ принятъ въ домочадцы Божіи.

На мои слова съ высоты престола Спаситель мой Іисусъ Христосъ такъ благовѣствовалъ ко мнѣ: „Не устрашайся, мой сынъ, я твой искупитель, я твой утѣшитель, не бойся! Нынѣ неправда твоя отнята отъ тебя и грѣхъ твой искупленъ. Радуйся и ликуй, имя твое начертано среди сихъ; когда ты вѣрно мнѣ будешь служить, будешь, какъ единъ изъ сихъ. Всѣмъ видѣннымъ пользуйся въ страхѣ Божіемъ, и большая сихъ увидишь. Соблюдай себя въ своемъ призваніи и иди *по пути, мною* указанному къ славѣ сей. Оставайся въ

мірѣ путникомъ, пока я въ немъ оставляю тебя, странникомъ, пришельцемъ и гостемъ, здѣсь же будешь мнѣ моимъ роднымъ, небесную обитель я уготовилъ тебѣ. Здѣсь твое жительство! Ко мнѣ устремляй свои высокіе помыслы, отъ ближняго не удаляйся; пользуйся земными вещами, пока ты среди нихъ, небесное возлюби. Для меня будь уступчивымъ, для міра упрямымъ и для плоти непримиримымъ; въ самомъ себѣ оберегай дарованную тебѣ мудрость, въ внѣшнихъ поступкахъ своихъ блюди порученную мною простоту; имѣй сердце гласное, языкъ тихій; къ сознанію нуждъ ближняго будь чутокъ, въ собственныхъ обидахъ выносливъ; душою служи мнѣ одному, тѣломъ, кому можешь или долженъ; что велю, дѣлай, что на тебя возлагаю, неси; къ міру не выказывай охоты, ко мнѣ всегда прибѣгай; въ мірѣ будь тѣломъ, во мнѣ будь духомъ. Если такъ будешь поступать, благо тебѣ, ты блаженъ. Иди, сынъ мой, храни жребій свой, пользуясь утѣшеніемъ, къ которому я привелъ тебя."

ГЛАВА 54.

Заключеніе.

Въ то время исчезло изъ моихъ глазъ видѣніе, и я, ставъ на колѣни, вознесъ взоры къ небу, и, какъ умѣлъ, благодарилъ своего милосердаго покровителя: „Благословенъ ты, Господи, Богъ мой, достойный вѣчнаго прославленія, благословенно имя величественной славы Твоей во вѣки вѣковъ. Ангелы Твои да славятъ Тебя, и всѣ святые Твои да сказываютъ славу Твою. Ибо великъ Ты въ могуществѣ, мудрость Твоя неисповѣдима, и милосердіе Твое выше всѣхъ дѣлъ Твоихъ. Господи, я славить буду Тебя, пока живъ буду, и воспѣвать имени Твоему святому, пока я существую; ибо Ты порадовалъ меня милосердіемъ своимъ и ликова-

ніемъ наполнилъ уста мои, изъявъ меня изъ глубинъ круговоротовъ и на безопасности поставивъ ноги мои. Я отдаленъ былъ отъ Тебя, Боже, вѣчная отрада моя, но Ты, помиловавъ меня, приблизился ко мнѣ; блуждалъ я, но Ты привелъ меня къ сознанію; плутался я, не зная, куда итти, но ты направилъ меня на истинный путь; я ушелъ отъ Тебя и потерялъ Тебя и себя, но Ты, явившись, мнѣ и Себѣ возвратилъ меня. Дошелъ я даже до горестей ада, но Ты, оттолкнувъ меня назадъ, привелъ къ небесному блаженству. И потому душа моя прославляй Господа, и вся внутренняя моя имя святое Его. Готово сердце мое, Господи, готово сердце мое, воспѣвать и ликовать буду Тебѣ. Ибо Ты выше всякой высоты и глубже всякой глубины, дивный, славный и полный милосердія. Горе душамъ безсмысленнымъ, которыя, уходя отъ Тебя, мнятъ, что могутъ найти покой, между тѣмъ какъ его кромѣ Тебя не имѣетъ ни небо, ни земля, ни бездна, ибо въ Тебѣ самомъ вѣчный покой. Небо и земля отъ Тебя, они прекрасны, они добры, они вожделѣнны, потому что они отъ Тебя; но они не такъ прекрасны, не такъ добры, не такъ вожделѣнны, какъ Ты, ихъ создатель; потому не могутъ они наполнить и насытить душъ ищущихъ утѣшенія. Ты Господи полнота полноты; сердце наше неспокойно, пока не установится въ Тебѣ. Поздно я полюбилъ Тебя, о вѣчная краса, потому что я поздно узналъ Тебя. Узналъ же я тогда, когда мнѣ разсвѣла небесная свѣтлота. Да умолкнутъ похвалы тѣхъ о Тебѣ, кто не узналъ Твоихъ милосердій, а вы, внутренности мои, исповѣдуйтеся Господу. О, кто дастъ мнѣ, чтобы мое сердце упоено было Тобою, вѣчное благоуханіе, чтобы мнѣ все забыть! Что же Ты не Богъ мой? Не скрывайся болѣе отъ сердца моего, краса краснѣйшая! Если же здѣшнія вещи заслоняютъ Тебя, умру, но для того умру, чтобы видѣть Тебя и, пребывая съ Тобою,

болѣе не лишаться Тебя. Сдерживай меня, Господи, веди меня, неси меня, чтобы не блуждать отъ Тебя и не падать; дай полюбить Тебя вѣчной любовью, да не люблю кромѣ Тебя ничего, развѣ для Тебя и въ Тебѣ, нескончаемая любовь! Но что мнѣ болѣе молвить, Господи! Теперь я Твой: Твой собственный, я Твой на вѣки. Отрекаюсь отъ неба и земли, только чтобы имѣть Тебя; Себя только не отрекай отъ меня, довольно мнѣ, во вѣки вѣковъ неизмѣнно довольно Тебя одного. Душа и тѣло мое ликуетъ къ Тебѣ, Богу живому; ахъ, скоро ли я пойду, чтобы явиться предъ лицемъ Твоимъ? Куда хочешь, Господи, возьми меня, теперь я здѣсь, я приготовленъ; позови, когда хочешь, куда хочешь, какъ хочешь. Я пойду, куда прикажешь, дѣлать буду, что прикажешь. Духъ Твой благій настави меня и веди среди силковъ міра на землю праву, и милосердіе Твое проводи меня на путяхъ моихъ и веди чрезъ сіи, увы, печальныя темноты міра до вѣчнаго свѣта. Аминь и Аминь!

Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ: во человѣцѣхъ благоволеніе.

Оглавленіе.

Изданія Ѳ. В. Ржиги, одобренныя Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія:

— Сравнительныя этимологическія таблицы славянскихъ языковъ: древнеславянскаго, русскаго, польскаго, лужицко-сербскаго, чешскаго, словенскаго, сербскаго и болгарскаго. 243 стр.+XV. С.-Петербургъ 1878 г. Цѣна 2 р. 25 к.

— Синтаксисъ славянскихъ языковъ. Отдѣлъ общій: основные виды предложенія древнеслав., русск., польск., лужиц.-сербск., чешскаго, словенск., сербскаго и болгарскаго. XVI+144 стр. Москва 1890. Ц. 1 р.

— Очеркъ жизни и дѣятельности Іоанна Амоса Коменскаго въ 300-лѣтнюю годовщину рожденія славянскаго педагога XVII вѣка. 64 стр. Нижній-Новгородъ 1892 г. Цѣна 30 коп.

— Уставъ Материнской Школы І. А. Коменскаго. XIV+109 стр. съ портретомъ автора. Нижній-Новгородъ 1893 г. Цѣна 50 коп.

СООБЩЕНІЕ.

На крайнемъ западѣ Славянскаго міра, въ Саксоніи и Бранденбургѣ, составныхъ частяхъ современной Германіи, на землѣ своихъ славянскихъ прадѣдовъ, по берегамъ рѣки Спревы, раскинуты селенія древняго народа Вендовъ въ области Лужицѣ (по нѣм. Lausitz)— жилища нынѣшнихъ Лужицкихъ Сербовъ съ городомъ Будышиномъ (по нѣм. Bautzen).

По свидѣтельству древнихъ лѣтописей, съ XI-го вѣка, со временъ распространенія христіанской вѣры, на берегахъ рѣки Лабы и Одры, Славяне тѣхъ странъ вели неравную борьбу за свой бытъ, за свое существованіе, въ продолженіи семи вѣковъ. Въ XVII и XVIII

столѣтіи заглохло имя Вендовъ и Сербовъ въ исторіи, остатки же нѣкогда большого народа уцѣлѣли на землѣ, непривлекающей болѣе воинственнаго сосѣда.

Сохраняя свой древній языкъ и славянскіе обычаи, замкнутые въ себѣ остатки Славянъ, Лужицкіе Сербы, подъ благопріятнымъ воздѣйствіемъ всеславянской идеи и благодаря участію первыхъ славяновѣдовъ XIX вѣка (Добровскаго, Гильфердинга, Срезневскаго, Шафарика, Мацѣевскаго, Коллара, Котляревскаго и многихъ др. *) скоро убѣдились въ своемъ родствѣ съ великой семьей славянскихъ народовъ и въ лицѣ своихъ передовыхъ людей приступили къ серьезной работѣ—къ возобновленію и развитію своей славянской письменности.

Лужицкіе Сербы (числомъ не болѣе 200000 душъ) въ настоящее время имѣютъ 9 своихъ періодическихъ изданій, кромѣ того изданы книги для начальнаго обученія, чтенія для народа, сборники поэтическихъ произведеній, грамматики, словари, церковныя книги, новые переводы Библіи и др.; у нихъ дѣйствуютъ три литературныхъ общества для распространенія славянской грамоты и просвѣщенія среди народа.

Къ такому результату довело безкорыстное и безвозмездное посвященіе силъ сербскихъ тружениковъ на благо народа.

Однако возрождающіеся къ новой жизни Лужицкіе Сербы—живой островъ среди бушующихъ волнъ—со временемъ должны были подумывать еще о болѣе прочныхъ устояхъ для поддержки всѣхъ за дорогую цѣну ими добытыхъ успѣховъ.

Для сохраненія своей народной самобытности Лужичане сознали потребность въ такомъ учрежденіи, которое своимъ видомъ и значеніемъ упрочивало бы

*) Исторія Славян. литерат. А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича, С. Пб. 1881 г. стр. 1032—1092.

въ сердцахъ народа его славянское сознаніе среди торжествующаго германства.

Средоточіемъ и руководителемъ всѣхъ проявленій народной дѣятельности Лужицкихъ Сербовъ въ пятьдесятъ лѣтъ своего существованія служило и служитъ общество Матица Сербска (Maćica Serbska), которое кромѣ ближайшей своей цѣли, просвѣщать родное племя на родномъ языкѣ и сохранять въ немъ общеславянское сознаніе, старательно поддерживало связь лужицко-сербскаго народа съ литературными обществами всѣхъ славянскихъ народовъ.

Для этого общества наступила пора осуществить идеальныя стремленія своихъ пробудителей, подкрѣпить внутреннюю народную жизнь и изъ мрака культурныхъ предубѣжденій выдвинуть на свѣтъ Божій остатки славянскаго народа на его родной почвѣ въ Саксонской Лужицѣ и Бранденбургѣ для него самого и во славу всего родственнаго ему племени Славянъ.

Литературное общество Лужицкихъ Сербовъ, Матица Сербска, рѣшило въ годъ полувѣкового существованія и непрерывной дѣятельности въ 1897 году положить основаніе Народному Дому, который представлялъ бы видимый для друга и недруга центръ лужицко-сербской народной жизни.

Народный Домъ долженъ служить для народныхъ и разныхъ общественныхъ собраній, публичныхъ чтеній, для помѣщенія библіотеки, читальни, архива, музея, типографіи, вкратцѣ, долженъ служить убѣжищемъ и хранилищемъ всего того, что у другихъ многолюдныхъ народовъ составляетъ ихъ культурный организмъ.

Народный Домъ будетъ не только свидѣтельствомъ современной жизни и живучести Лужицкихъ Сербовъ, ихъ правоспособности въ своемъ быту, у будущихъ поколѣній, но и явнымъ памятникомъ далекаго прошлаго

исторической жизни, пройденной этимъ въ наше время наименьшимъ славянскимъ племенемъ на западѣ.

Мысль о построеніи Народнаго Дома Матицы Сербской не нова. Уже въ 1869 году вожди Лужицкихъ Сербовъ поэтъ А. Зейлерь и вмѣстѣ съ нимъ издатель газеты Сербске Новине И. Э. Смолярь приступили къ ея осуществленію. Въ 1873 году Смолярь купилъ мѣсто 1450 □ метровъ въ лучшей части города Будышина вмѣстѣ съ постройками, непригодными для данной цѣли, за 35000 рублей. Съ тѣхъ поръ комитетъ по строенію Народнаго Дома уплатилъ около 6/7 всей этой суммы.

Для постройки же новаго цѣлесообразнаго дома нужно приблизительно 135 тысячъ рублей. Среди однихъ Лужичанъ долго было бы собирать и копить такую сумму, а между тѣмъ откладывать дѣло насущной потребности не было бы безопасно.

Всякое пожертвованіе на построеніе Народнаго Дома въ странѣ Лужицкихъ Сербовъ послужитъ плодотворнымъ зерномъ, дающимъ свой плодъ въ преуспѣяніи историческаго народа, одинаково родственнаго всѣмъ Славянамъ.

Пожертвованія для Народнаго Дома Матицы Сербской просятъ адресовать въ г. Фрейбергъ въ Саксоніи (Германія) на имя доктора фил. Эрнеста Муки—Freiberg in Sachsen. Dr. E. Mucke.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о постройкѣ сербскаго Народнаго Дома въ г. Будышинѣ желающимъ можетъ сообщить И. М. Голанъ, преподаватель Дворянскаго Института въ г. Нижнемъ-Новгородѣ.

Цѣна 1 рубль.

У преподавателя Нижегор. Губерн. Гимназіи О. Ржиги „Лабиринтъ міра" I. А. Коменскаго продается съ уступкою 20%.

